

Александр
ЩИПКОВ

**РЕЛИГИОЗНОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ
ЖУРНАЛИСТИКИ**

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Москва
2014

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5
Щ 86

Кафедра журналистики и связей с общественностью Православного института святого Иоанна Богослова РПУ выражает искреннюю благодарность А. В. Щипкову за творческое сотрудничество и неустанную помощь и заботу.

Щ 86 А.В. Щипков «Религиозное измерение журналистики». — М.:ПРОБЕЛ-2000,2014. — 272 с.

Книга Александра Щипкова «Религиозное измерение журналистики» предназначена для студентов православных университетов и теологических факультетов светских вузов — для тех из них, кто интересуется актуальной историей религиозной журналистики в России и стремится быть в курсе актуальных религиозно-политических дискуссий. Это краткое описание эволюции современной религиозной журналистики в России как зеркала, отражающего процессы, которые происходят в массовом сознании, в коллективной мысли общества, пытающегося сегодня думать о Боге и политических процессах одновременно.

ISBN 978-5-98604-436-1

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. (Жосул Е.)	7
-------------------------------	---

ВОСПОМИНАНИЯ

Пасха, снег и мост Лейтенанта Шмидта	13
Джохар и Александр	23
Мой август 1991-го	29
Патриарх и блокадный крематорий	39
Не предавший Родину и солдат. Генерал Ефремов	45
Выступление на открытии бюста Ивану Цветаеву	55
Бедная женщина	61
Выступление на открытии мемориальной доски Т.Н. Щипковой	85

ПОЛЕМИКА

Эхо убийства. Сергей Бунтман	93
Православный кинематограф. Лунгин, Хотиненко, Прошкин	97
Овсянка, сэр! Дмитрий Быков	105
Религия уныния. Александр Архангельский	111
Неудобное Рождество. Андрей Кураев	117
«Не свою честь, но славу Божию». Дмитрий Свердлов	121
Расчётливое безумие. Иван Охлобыстин	125

Предисловие

«Религиозный Кодекс» раскачивает лодку. Михаил Прохоров	135
Служу Советскому Союзу. Владимир Мединский	141
Ватикан и «модернизация» православия. Александр Лукашенко	147
Смена парадигмы. Максим Кантор	153
Симуляция веры. Кирилл Говорун	161

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Нравственный кризис информационного пространства России	175
Четвёртая власть и православие	185
О проблемах внутрицерковной полемики	189
Можно ли критиковать Церковь	201
Наша повестка дня	205
Теракт и телевидение	215
Религиозное измерение журналистики	221
Заключение	270

Книга Александра Владимировича Щипкова «Религиозное измерение журналистики» — это книга, решающая сразу несколько задач. Книга, как любят сейчас говорить, многофункциональная. С одной стороны, это учебное пособие, публицистический альманах для чтения, предназначенный в первую очередь для студентов православных университетов и теологических факультетов светских вузов — для тех из них, кто интересуется актуальной историей религиозной журналистики в России и просто стремится быть в курсе злободневных общественных дискуссий.

Но в то же время книга, которую вы сейчас держите в руках, — это своего рода краткая схематичная энциклопедия, фотографический снимок эволюции современного этапа религиозной журналистики в России. Журналистики как зеркала, отражающего процессы, которые происходят в массовом сознании, в коллективной мысли общества, пытающегося сегодня думать и говорить о Боге, вере и Церкви. Это учебное пособие побуждает читателя к размышлениям и полемике, но в спокойном, рассудительном, можно сказать, дружественном ключе. Поэтому жанр этого сборника может быть определён ещё и так: «книга для домашнего чтения» тех, кто стремится научиться глубоко мыслить.

С разрешения автора мы разделили книгу на три рубрики: «Воспоминания», «Пolemика» и «Религиозная журналистика». Так её удобнее читать и понимать.

В первой рубрике («Воспоминания») публикуются тексты, в которых описаны события, непосредственным участником ко-

торых был сам автор. Во второй («Полемика») собраны полемические статьи, затрагивающие современные актуальные религиозно-общественные темы. Сегодня эти споры выглядят несколько эмоциональными, но когда их будут читать спустя десятилетия, они, без сомнения, вызовут интерес у тех, кто будет заниматься историей русской религиозной журналистики. Третья рубрика («Религиозная журналистика») очень специфическая. В ней автор продолжает серию статей о религиозной журналистике, написанных им ещё в 90-е годы XX века и опубликованных в книге «Соборный двор» (2003 год). Они посвящены осмыслению журналистского ремесла. Нравственный кризис информационного пространства, формы полемики тех, кто относит себя к «православным либералам» и «православным консерваторам», понимание задач, стоящих перед православным журналистом, и прочее. В конце книги помещён большой и подробный рассказ о собственных приключениях автора в этом ремесле и о людях, с которыми ему посчастливилось встречаться.

Все статьи, вошедшие в сборник, отбирал сам Александр Владимирович. Данный выбор — это авторская композиция, авторский взгляд на то, какое именно сочетание публицистических текстов является наиболее подходящим для современного студента, обладающего минимальной религиозоведческой подготовкой. Признаюсь, лично я как преподаватель, постоянно наблюдающий за запросами и ожиданиями своих студентов и в то же время хорошо знакомый с творчеством А. В. Щипкова, предпочла бы несколько «перетасовать» вошедшие в сборник статьи — что-то отложить, а на их место включить иные тексты. Однако в конечном счете было решено не вмешиваться в авторский замысел. Каждая статья снабжена лишь моим крат-

ким комментарием — как первой репликой в возможной беседе по поводу поднимаемой темы...

Когда работа над книгой была завершена, я попросила Александра Владимировича назвать лучшую, на авторский взгляд, статью. Он назвал три. Самая «программная» для него статья — это «Наша повестка дня». Самая печальная — «Джохар и Александр». А самая близкая для него — «Бедная женщина», в которой автор рассказывает о том, как его семья изготовила бронзовую мемориальную доску памяти матери — Татьяны Николаевны Щипковой. Ей Александр Щипков и посвятил эту порой спорную, но, безусловно, искреннюю «книгу для домашнего чтения».

*Елена Жосул
Российский православный университет*

*Памяти моей матери
Татьяны Николаевны
Щипковой*

~~~~~  
**ВОСПОМИНАНИЯ**  
~~~~~

Пасха, снег и мост Лейтенанта Шмидта

Первая Пасха в жизни христианина всегда памятна. Для того, кто вырос в вере, это первая Пасха, до которой добирается детская память, для того, кто к вере пришёл уже после расставания с детством, это дверь в прежнюю детскую захватывающую счастливую радость и встреча с чудом. Сегодня мы не можем не заметить Пасху — она слышна отовсюду, со всех экранов; сейчас уже практически на всех перекрестках в пасхальную ночь раздаётся весть о Победе Спасителя над смертью. Тем, кто входит в Церковь сегодня, трудно представить всё это — потайные маршруты на раннюю литургию, комсомольские кордоны и наслаждение от разговения некрашеными вареными яйцами в ночном подъезде. Тем более ценно и дорого напоминание о том, что христианская радость а) проста, б) часто является венцом трудного пути, в) открывается в неожиданный момент и в неожиданных обстоятельствах. Память об этом важно беречь.

Великим постом 2011 года настоятель тарусского собора во имя святых апостолов Петра и Павла протоиерей Леонид Гвоздев, снимая с моей головы епитрахиль, сказал: «Просьба у меня к Вам, Александр Владимирович. Хотел бы к Пасхе в приходской газете “Крестное знамение” собрать воспоминания верующих о том, как они праздновали первую в своей жизни Пасху. И Вас прошу».

Я купил билет — картонную шершавую карточку размером два на четыре сантиметра. Кассир вставил её в компостер и резким ударом стукнул по набалдашнику. Пробил дату. На просвет можно было увидеть цифры: 12 04 74. Это была Страстная Пятница, а я грузился на станции «Смоленск» в проходящий поезд «Мариуполь — Ленинград». Состав с буквами «СССР» на вагонах тронулся на север. Запах угля и дыма проникал во все щели окон общего вагона, прицепленного первым за паровозом, и напоминал запах ладана. Я ехал на Пасху.

Утром в Ленинграде на Витебском вокзале меня встречал Володя. Он, как обычно, ждал меня в Световом зале у Ленина. Поехали на Красную улицу, возле площади Труда, где он снимал квартиру на первом этаже. Было пасмурно, ветрено и холодно. Переходя площадь, я посмотрел направо: мост Лейтенанта Шмидта горбом висел над Невой и исчезал в Васильевском острове.

Мост Лейтенанта Шмидта. Ныне — Благовещенский. СПб

Съёмная квартира на Красной улице находилась на первом этаже и представляла собой анфиладу из четырех помещений. Из прихожей гость попадал на кухню, сквозь нее — в одну комнату, затем в другую. Похоже, до революции квартира была дворницкой, но и сейчас, в 1974-м она немногим отличалась от оной по своему скудному убранству.

В комнаты не пошли, расположились на кухне. Решили, что готовить ничего не будем — только чай с сушками. Володя говорил о Туринской плащанице. Я впервые слышал о ней и пытался понять чудо. Он показывал мне маленький негативный фотоснимок, размером с паспортную фотографию, на котором практически ничего нельзя было рассмотреть. Позже, годом спустя, гениальный питерский фотограф Борис Смелов изготовил мне в подарок большую фотографию Плащаницы, которая до сих пор висит у нас дома.

Я завидовал своим ленинградским друзьям. У них были книги и общение. Они столько знали о Боге и Церкви! Я же в

Смоленске чувствовал себя одиноким, заброшенным и никому не интересным. Ходить в храм комсомольцу было небезопасно, но я не столько побаивался неприятностей, сколько избегал насмешек знакомых и ходил на раннюю службу, которая при епископе Феодосии (Прощюке) начиналась в шесть утра. В это время в Успенском соборе собиралось прихожан пять-шесть, и советский школьник мог безнаказанно раствориться в закоулках громадного собора. Хор из двух человек, усталый диакон с сильным украинским акцентом... Но как они пели! Ничего подобного я никогда больше не слышал. И какой у них был прекрасный ладан! Резко-прогорклый, угольный и воинственный. И как замечательно потрескивали и величественно

сталактитами отекали стеариновые свечи! Одигитрия смотрела сверху из застёгленного киота.

Володя ушёл, оставив меня с книгами. Книг было много. Это были не совсем книги — машинописные листы, переплетённые в коричневые картонные обложки без надписей. С любопытством я перебирал эти самиздатские сокровища. Остановился на одной книжке — «Школа молитвы». Автор указан не был. Это был четвёртый полуслепой экземпляр закладки, я

не разбирал многих слов, но оторваться не мог. Эта книга была написана для меня. Для меня одного. Написана кем-то близким и родным, ведь только близкий человек мог знать меня, любить и так точно понимать моё состояние между жизнью «без Бога» и жизнью с Ним. Я пришёл в Церковь три месяца назад.

Когда книга закончилась, я услышал шорох ключа в замочной скважине и шаги. В кухню вошли трое. Володя, Сергей — лаборант из университета — и парень необычного вида. Он отличался от нас чем-то существенным и глубоким. Его называли Саша-странник. Серые глаза, серые волосы, серая жесткая борода. Не снимая крепко поношенного пальто, одетого на подрясник, он трижды опустил на колени перед маленькой иконой Спасителя, которая была вставлена в стеклянную дверцу буфета, встал, повернулся к нам, сказал: «Псковская братия велела кланяться вам». И опять, встав на колени, поклонился уже нам, точно выполняя наказ монахов.

Я ничего не знал ни о Псково-Печерской Лавре, ни о её насельниках и был поражён необычным для меня поведением «серого» гостя. У него были сухие скрюченные пальцы. Такие руки бывают у каменщиков. Он достал из кармана пальто две маленькие пачки грузинского чаю и положил их на стол. За чаем разговор шел о лавре, об отце Иоанне Крестьянкине, о видениях и предсказаниях. Гость так и не снял пальто. Он часто крестился и рассказывал о том, как живёт теперь легко и свободно, порвав и выбросив партбилет и советский паспорт. «Не хочу ничего от антихристовой власти, — говорил он, ни работы, ни жилья, ни пенсии!» Он жил где придётся, бродил по храмам и монастырям, выполняя какие-то работы за хлеб.

Саша-странник ушёл, оставив меня в раздумьях и некотором замешательстве.

В десять вечера мы начали собираться на службу. Намечено было ехать на Серафимовское кладбище. Пешком перешли Неву по мосту Лейтенанта Шмидта, прошли мимо Дома Академиков, сплошь увешанного мемориальными досками и прозванного за это Индийской гробницей, и по 6-ой линии добрались до метро. От Петроградской до Серафимовского храма мы ехали на автобусе. Несмотря на поздний час, он был заполнен пассажирами. По строгим и немного таинственным лицам я понял, что все едут туда же, куда и мы. В автобусе было тихо.

Серафимовский кладбищенский храм был построен в начале XX века вскоре после прославления преподобного Серафима Саровского. Народу было видимо-невидимо. Храм был переполнен, в ограде тоже во множестве стояли верующие. Между ними бродили подвыпившие парни с недоумённо-торжественными лицами. Милиция лениво их отгоняла: «Ну, куда лезешь, куда? Ты ведь молодой, неверующий». Но всё равно пропускали, не строжились.

Я протиснулся в храм и стал пробираться поближе к солею, где происходила непонятная мне суeta. Кто-то пронёс стопку аккуратно сложенного красного облачения, кто-то вынимал хоругви из колец, привинченных к стене. Народ колыбался в храме. Было жарко от свечей, и лишь волны холодного воздуха иногда врывались в храм из притвора. Начался крестный ход. «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небеси...».

У меня постоянно гасла свеча, казалось, что священник и хор ушли далеко вперёд, хотелось догнать их, но не получа-

Расписание развода моста

лось. Внезапно я оказался прямо у западного входа и вместе с духовенством пробкой влетел в храм. Всё закружилось с невероятной скоростью. Батюшка бегал по солее. Разворачиваясь, он раскручивал кадило солнцем на 360 градусов, искры рассыпались и потухали в воздухе. Он кричал народу о том, что Христос воскрес, и храм ревел ответно: «Воистину воскрес!». Я тоже кричал от восторга, мне казалось, что нас миллионы, что мы никого не боимся, что мы победили...

Служба кончилась к четырём утра. Народ целовался и, расположившись на полу, прямо в храме начинал разговляться. Транспорт не ходил, и настоятель разрешил всем остаться в храме в ожидании первого автобуса. Мы же решили скинуться на такси и вернуться домой.

Желтая «Волга» неслась по Петроградской, проскочили мост Строителей, въехали на Васильевский остров. Скорее, скорее, — торопил сам себя водитель, но лапы моста Лейтенанта

Шмидта уже поднимались в воздух. Начался второй развод мостов. Мы оказались запертыми на Васильевском как в ловушке. Таксист пожелал нам доброй ночи и уехал.

Мы с Володей и Сергеем стояли возле моста. Громадная вертикальная стена с четырьмя полосами трамвайных рельсов преграждала нам путь. И вот тут неожиданно пошёл снег. Густой и медленный, он покрывал набережную ровным слоем сахара. У нас было полтора часа времени. «Пойдём в Индийскую гробницу», — предложил Сергей. Мы вошли

в парадную, расположились на ступеньках возле старинного радиатора, пережившего и революцию, и блокаду, и достали варёные яйца и хлеб. Яйца были обыкновенные, некрашеные, хлеб заменял нам кулич. Мы ели нашу пасхальную трапезу и были счастливы в тепле гостеприимного Дома Академиков.

Неожиданно дверь в парадную отворилась, и в неё шумно вошли две заснеженные девицы. Они были обуты в сапоги на высоких каблучках и одеты в немыслимо короткие одинаковые красные плащи. Макияж и лексика соответствовали

Дом академиков – «Индийская гробница».
Набережная Лейтенанта Шмидта, дом. 1. СПб

одежде. Девы сразу взяли игривый тон с «мальчиками», закурили и начали интересоваться нашими планами и есть ли у нас деньги. Они поведали, что «задержались на работе», застряли на острове, что, впрочем, им на это наплевать, потому что холодно, мозгло и скучно «в этом гнилом городе и этой гнилой стране».

Серёжа протянул им два яйца и очень тихо сказал: «Христос воскрес!». Девы смутились и покраснели. Одна робко ответила: «Воистину воскрес!». Другая полезла в сумку и достала бутылку портвейна. Мы пили вино, стукались некрашеными яйцами, удивлялись снегу и негромко напевали пасхальный тропарь. Девчонки сидели на ступенях парадной Индийской гробницы, смущённо натягивая на колени короткие плащи, и расспрашивали нас о Богородице. Нам всем было уютно и хоте-

лось говорить о том таинственном и непонятном, что окружало нас в эту ночь...

Красная улица теперь называется Галерной. Мост называется Благовещенским. Город называется Санкт-Петербургом. Страна называется Россией. Христос воскрес!

*Таруса
27 марта 2011 год
Неделя Крестопоклонная*

«Индийская гробница». Вид с моста Лейтенанта Шмидта. СПб

Джохар и Александр. Столкновение цивилизаций

Словосочетание «межрелигиозный диалог» давно превратилось в привычное понятие религиозной дипломатии, стало частью протокольного лексикона. Международные конференции в современных холлах в самых экзотических точках мира, улыбчивые спикеры в разных головных уборах, гладкие доброжелательные тексты совместных заявлений, деклараций и коммюнике. Межрелигиозный диалог давно у всех ассоциируется с протокольной лучезарностью, он нейтрален на словах, как дистиллированная вода... а на деле он часто превращается в легко воспламеняющийся метиловый спирт. Был ли между Джохаром и Александром межрелигиозный диалог? Несомненно. Чего в нём было больше — братской любви или страстного ревностного эгоизма, стремления во что бы то ни стало обратить, перетянуть в свою веру?.. Сложно судить; очевидно лишь, что там, где начинается настоящий разговор об Истине и вещи именуются своими именами, формальности и любезности забываются. Особенно когда вам по двадцать лет...

Мне довелось служить в Туркестанском военном округе. Это было ещё при советской власти в 1978-80 годах. Начинал в Ашхабаде, в элитной сержантской школе войск химической защиты. Когда обнаружилось, что я православный, перевели в артиллерийский кадрированный полк, а оттуда — в стройбат на строительство Тюямуонской гидроэлектростанции в пустыне Кызылкум. Самая граница Туркмении и Узбекистана. Это был экспериментальный батальон из трёх рот. В одной роте служили туркмены, в другой — грузины, в третьей — осетины. Привозной воды не хватало. Анаши было в избытке. На ночь нас запирали снаружи на замок, чтобы обкуренные казармы не перерезали друг друга. Национальные конфликты были жёсточайшие. Немногочисленных русских и случайного чеченца поместили в осетинскую роту. Очевидно, в штабе округа весьма хорошо разбирались в «национальном вопросе». Я провёл здесь несколько месяцев, но и отсюда меня перевели в другую воинскую часть.

Рядовой Джохар К. сидел рядом со мной на глинистом склоне берега Амударьи и с тоской поглядывал на запад. На западе — родная Чечня. Стояла зима 1979 года. Мы оба служили в пустыне, в сутках езды от Чарджоу и в двух — от Ташкента.

Но первая в моей жизни встреча с мусульманами состоялась раньше, ещё в Ашхабаде.

Открытых православных отправляли проходить срочную воинскую службу в Среднюю Азию. Вроде бы повсюду в Союзе — атеизм, а, тем не менее, негласным указом христиан погружали в среду исламской культуры. В Москве ислама практически не было. Даже Гейдар Джемаль — ныне вождь и символ — в те годы исканий и томлений порой захаживал на христианские подпольные собрания.

В Ашхабад призывников привезли в в/ч химзащиты. Здесь нас ждали стрижка, баня и ритуал смыслового преображения: вошел в баню «по гражданке» — вышел в «х/б-б/у» (форма хлопчатобумажная, бывшая в употреблении). Метанойя.

Я был молод и не понимал мистику ритуала, который требовал не мытья, а катанья. Сдуру действительно намылил голову. Тут-то, ослеплённого хозяйственным мылом, и потянули меня за цепочку креста крепкие туркменские руки.

Крестик — красивый «карловацкий», подарок духовника, привезённый в СССР кем-то неведомым вместе с красочными иконками Ксении Петербургской из «самой Америки». Цепочка паяная — пока рвали, чуть шею не пропилили. Жалкие слепые попытки отстоять последнюю связь с прошлой жизнью завершились потерей зубов и краткой нотацией: «запомни, здесь тебе не Россия».

Позже я поумнел, окреп и в путешествиях по воинским частям Туркестанского военного округа встречал межрелигиозный конфликт с открытыми глазами. А другой крестик письмом мне прислал друг. Он получил его в Богоявленском соборе на всенощной из рук Патриарха Пимена. Алюминиевый, софринский. Я его носил на шнурке от солдатского ботинка.

Армия — не тюрьма. Люфт свободы намного больше. Выбор общения — шире. С Джохаром мы дружили и, попадая вместе в наряд, много говорили о Боге. Он уважал меня за православное упрямство, бесконечные конфликты с командованием в отстаивании права носить крест и помогал прятать Евангелие, за которым охотился замкомроты по политическому воспитанию. Я уважал его за то, что он не боялся смерти. Он был единственный чеченец в батальоне. Грузины его ненавидели. Пытались убить, но в жутких драках он выживал, выходя победителем. Выживал потому, что каждый раз был готов умереть, и это превосходство над смертью заставляло бежать его противников.

Джохар был сиротой. Его воспитала бабушка, и вера была для него нормой. Естественной составляющей повседневной жизни. Порой казалось, что в вопросах веры нам не о чем спорить. Как часто бывает у молодых — сначала находишь только общее. И приходили в восторг от совпадения религиоз-

ного опыта. До тех пор, покуда Джохар не задал мне прямой и самый важный вопрос. Он проповедовал страстно и убеждённо, пытаясь заставить меня полюбить его сокровенное. Мои «заблуждения» горячили его, раздражали.

Мы сидели на берегу Амударьи и глядели в глубокий котлован. Там копошились «химики» и солдаты. Они строили Тюямуонскую ГЭС.

Как не предать «правило веры» и не порвать ткань человеческих отношений, уже связавшую двоих? И сегодня я не могу этого понять. Здесь, именно здесь и находится первопричина того, что называют «религиозным конфликтом». Душевная связь и связь в Боге — далеко не одно и то же. Я не стал лгать Джохару. Встали. Он подошел вплотную. Пуговица к пуговице. Звездочка к звездочке. Душевное рвалось. Мы слышали треск этой невидимой ткани. Его глаза были полны. Они были полны непонимания.

До самого моего назначения в Ташкент, на новое место службы, мы ни разу не посмотрели друг другу в глаза и не обмолвились ни словом. Накануне отправки он не зашел и в каптерку на отвальную. Я забросил на сиденье вещмешок с сухпайком на двое суток. Ветер перемешивал кызылкумский пе-

Александр Щипков.
Ташкент. Февраль 1980 год

сок с сухим снегом, обмётывая как веником плац. Начищенным сапогом я постукивал по заднему скату, затягивая погрузку. Мне хотелось видеть его. Заметил вдруг, что он стоит на крыльце казармы, безвольно опутив руки от одиночества. В одной белой нижней рубаше поверх зелёных галифе. Чуть заметным движением мы кивнули друг другу сквозь окна уазика, который разделял нас. Я уехал. Увозя Евангелие, которое помогал мне прятать Джохар.

*Москва
Октябрь, 2012 год*

Мой август 1991 года

Немцов — православный патриот, Кураев — противник рок-музыки... Ну кто бы мог сегодня в это поверить! История порой бывает страшно ироничной, и жертвам этой исторической истории остаётся лишь надеяться на плохую память современников, в противном случае могут ведь и уличить в текучести идейной позиции...

Между тем, обнаружение иронии в истории, выявление каверз в переживаемом общественном моменте — одна из задач журналиста. Не историка — он терпеливо ждёт своей очереди, чтобы события хотя бы немного «отлежались» и была бы понятна их встроенность в канву, — а именно журналиста, того, кто самым первым улавливает изменения мимики общественных, политических настроений и спешит сообщить о нём миру. Тем самым лично участвуя в формировании исторического процесса — ведь его интерпретация событий, оценка, выводы повлияют на формирование мнения масс, аудитории, которая затем будет делать и личный политический, нравственный выбор в отношении злободневной проблемы...

Ценность журналистской совести и этики не устареет до тех пор, пока история не придёт к своему логическому концу.

Любые воспоминания, даже о грустных событиях, вызывают приятное чувство ностальгии. Прошлое обычно теплее настоящего. Однако воспоминания о путче 1991 года мне неприятны и вызывают странное чувство — смесь эйфории с обманом. Обычно я отказывался комментировать те события. Тут согласился. Этот текст был напечатан на сайте православного журнала «Нескучный сад». Я наскоро надиктовал его по телефону.

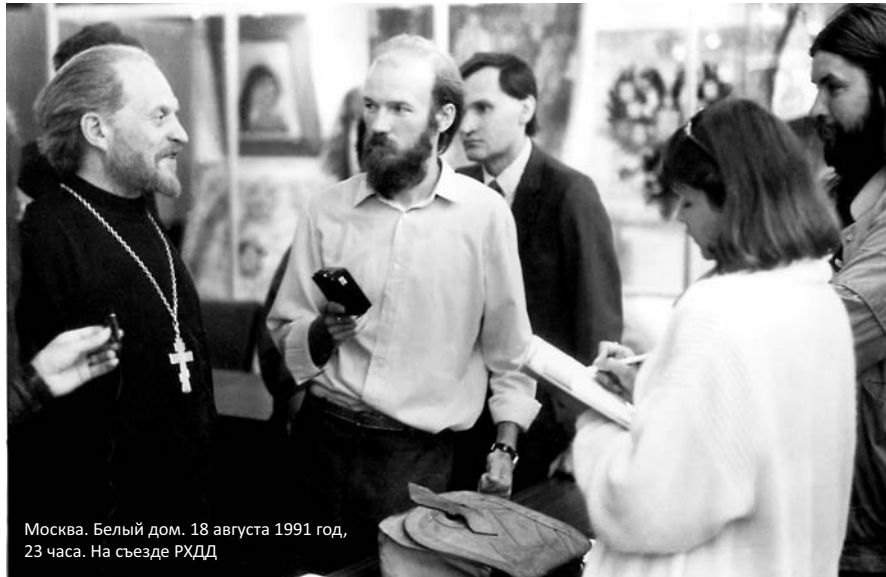
В 1991 году я жил в Ленинграде, но как раз накануне путча, 18 августа, приехал в Москву и в итоге все три дня, с 19-го по 21-е, провёл у Белого дома. А приехал я получить гонорар в «Независимой газете» и, главное, на съезд Российского христианско-демократического движения (РХДД), которое возглавлял Виктор Аксютин.

Защитники Белого Дома. 19 августа 1991 год

В ту пору я собирал материал для своей будущей кандидатской диссертации о русской христианской демократии. Тот съезд — отдельная тема. Проходил он в Белом доме, в нём участвовало около восьмисот человек, было много ярких выступлений. В частности, выступал Борис Немцов — молодой, кучерявый, в то время «православный патриот» и член РХДД (думаю, мало кому известен этот эпизод из его биографии). Правозащитник Валерий Борщёв и священник Глеб Якунин в своих выступлениях заявили о выходе из РХДД, так как они были против готовящегося подписания Союзного договора, а Аксютин и большинство членов РХДД — за. Тогда этот договор обсуждался больше, чем любая другая тема.

Съезд проходил в Белом доме, заседание затянулось до позднего вечера. Часов около десяти я подошел с диктофоном к отцу Глебу Якунину, которого знал с начала семидесятых, и

Москва. Белый дом. 18 августа 1991 год, 23 часа. На съезде РХДД

спросил, будет ли подписан договор. «Всё может перемениться, сейчас сюда приедет Борис Николаевич Ельцин, мы пойдём к нему, что-то должно измениться», — нервно ответил Якунин (он тогда входил в так называемый «ближний круг» Ельцина). Возможно, что-то он знал уже тогда. Кассета с этими его словами хранилась у меня в архиве, и в 2001 году, к 10-летию августовских событий, я прокрутил её в прямом эфире «Радио России», где тогда работал. Слова, сказанные Глебом накануне путча, прозвучали на всю страну. Прокомментировал я их не слишком жёстко, но недоумение выразил. За этот эфир начальство мне тогда чуть голову не оторвало. Но вернёмся в август 1991 года.

Действительно, вскоре приехал Ельцин, и Глеб с другими приближёнными пошли к нему, а я уехал ночевать к друзьям-журналистам на окраину Москвы. Проснулся очень рано от крика «Горбачёва убили!». Первая мысль, которая пришла в голову мне, грешному, была: «Эх, опять назад в кочегарку!». Не хотелось. Было около шести утра. Позвонил домой Якунину, спросил, что происходит. «Бросай всё и езжай в Белый дом. Я бегу туда», — ответил он.

Однако я его не послушал и поехал не в Белый дом, а на Манежную площадь, которая тогда была ещё площадью, а не магазином. Там увидел, как примерно 10-15 человек останавливают троллейбусы, обрывают «рога» и стараются сгруппировать эти троллейбусы на Манежной. Потом появляется ещё 5-6 человек, все вместе строят цепочку, перегораживая дорогу транспорту. Какие-то парни в штатском пытались порвать цепочку, ударяя их по рукам, это не удалось, цепочка какое-то время простояла, люди ходили, смотрели. Это было не восстание, это был символ восстания.

Манежная площадь. Москва. Семь часов утра. 19 августа 1991 год

Пробило восемь утра. Я немножко пофотографировал и отправился пешком к Белому дому, где провёл три дня и две ночи почти без сна. Отходил только фотоплёнку купить — снимал я там очень много. С удостоверением маленькой ленинградской газетки, в которой я тогда работал, я мог пройти куда угодно — в то время любая журналистская корочка производила магическое действие. Точно могу сказать, что баррикады, о которых всегда говорят, вспоминая те дни, — почти миф. Это были не баррикады, а образы баррикад. Приносили люди всякую мелочь (кастрюльку, кирпичик, палочку), выкладывали в один ряд или просто чертили условную линию — вот и вся баррикада. Символическая!

Несколько раз я заходил в Белый дом,

Строительство баррикады
19 августа 1991 год

видел там будущих известных журналистов, потом возвращался на «баррикады». Меня никто не останавливал. Через какое-то время двери Белого дома закрыли и перестали пускать вовнутрь. Все три дня я много общался с людьми, в том числе солдатами (когда приехали танки), днём также фотографировал.

Женщина
кормит защитников
Белого Дома.
19 августа 1991 год

Женщины приносили еду. Мужчины ели с усталым видом солдат бородинского поля. Им хотелось сражений. С одной стороны, я ощущал, что в стране происходят какие-то тектонические сдвиги, и в

то же время казалось, что всё это — и путч, и противостояние ему — как бы понарошку, картинно. Внутренне я не был ни на той, ни на другой стороне, скорее, ощущал себя наблюдателем. Даже не журналистом, поскольку никогда ничего о тех событиях так и не написал (и тогда не собирался писать), а просто фиксировал происходящее для самого себя.

Конечно, совсем равнодушным там оставаться не мог никто: всё время большое скопление народу, много молодёжи, много пьяных, потом гибель этих несчастных мальчишек. Когда я попал на место гибели

20 августа
1991 год. Москва

Плакаты в окнах троллейбуса. 21 августа 1991 год

первого, его уже увезли в морг, но кровь на асфальте оставалась. Я хорошо помню первые трупы Афганистана в декабре 1979-го. Кровь либо парализует волю, либо очень возбуждает. Здесь, в августе 91-го, кровь возбуждала толпу. Это всеобщее возбуждение захватывало, кружило голову и мутило, но мне не хотелось принимать участия в том, что происходило.

Потом ещё целый год я находился в состоянии оцепенения и пристального наблюдения: ходил в Петербурге на все митинги, фотографировал, ночами проявлял плёнки, печатал снимки, рассматривал лица на них в свете красного фонаря и пытался понять, что происходит с ними и со мной. Но участвовать в добивании поверженного гиганта не хотелось.

Митинг в защиту Литвы.
Ленинград. Дворцовая площадь.
Январь 1991 год

Охотничий азарт вызывал чувство брезгливости. До сих пор с содроганием и омерзением вспоминаю надпись на одном из домов на Садовом кольце — «забил я туго тушку Пуго».

Я не любил советскую власть, многие мои близкие пострадали от неё. Мама в тюрьме отсидела, меня и жену из института выгнали, и я до перестройки даже не надеялся, что когда-то смогу легально заняться интересным интеллектуальным делом (казалось, что власть эта на века). Но 21 августа 1991 года я не испытывал ни эйфории от победы, ни чувства мести, ни желания «брать власть». Чувствовал только невероятную внутреннюю усталость.

Ленинград.
Пикет возле
Александровского столпа.
Январь 1991 год

Я не был аполитичен и даже ходил на выборы, но ту политическую жизнь делали чужие мне люди. Из моего круга в депутаты тогда пошли единицы. Я всегда разделял понятия «режим» и «Родина». Чувство

освобождения появилось у меня раньше, году в 1988-м, после 1000-летия Крещения Руси. А после августа 1991 было ощущение, что терзают мою Родину. По ней — больной, обворованной, опозоренной — ходил многоголовый Ардальон Передонов. И сейчас, спустя двадцать лет, я чувствую, что живу в эпоху передоновых, в эпоху антигероев.

Конечно, я был очень рад, что всего через несколько дней мой город опять стал Санкт-Петербургом. А ведь всего за полтора месяца до этого, в июле 1991 года, я подошел к председателю Ленсовета Собчаку и спросил: «Анатолий Александрович, когда Ленинграду вернут его название?». Он посмотрел мне прямо в глаза и жёстко отрубил: «Ни-ко-гда!». В Ленсовете он сидел под красным знаменем и бюстом Ле-

Палаточный городок на Васильевском спуске. Ноябрь 1990 год

нина, а когда кто-то из бесшабашных мальчишек пробирался на балкон Мариинского дворца и растягивал там российский триколор, его били, вязали и уносили. Ещё в июле 1991 года. Поэтому когда говорят, что именно Собчак вернул Петербургу историческое имя, это неправда. Не он вернул, а при нём вернули. До августовских событий 1991 года он был категорически против этого.

Разочарования в тех событиях у меня нет по той простой причине, что я в них не участвовал. О развале страны жалею, но в этом сами коммунисты виноваты. Слишком «далеки были они от народа», чтобы её сохранить. Поэтому после августа 1991 года всё произошло с катастрофической быстротой. 70 лет коммунисты вытирали ноги об народ и его веру, в результате желание спасти или помочь у людей притушилось. Только единицы тогда понимали, что речь идёт

об уничтожении не «империи зла», а России. Но разговоры типа «если бы я знал, чем кончится, защищал бы советскую власть», бессмысленны. Не хотел тогда народ защищать советскую власть. Не хотел. В августе 1991 года на наших глазах советская безбожная власть рушилась, ткнув в пропасть за собой всю Россию.

*Москва
Август, 2011 год*

Патриарх и блокадный крематорий

Храмов, ждущих своих защитников, ещё очень и очень много по всей России. Храмы, ещё не возведённые в гуще высотных домов в спальных микрорайонах, с самого начала своей истории вынужденные конкурировать за право существования на данном участке земли с проектами торговых моллов. Храмы, до сих пор занимаемые сторонними организациями, истосковавшиеся по литургии, уставшие предоставлять свои алтари под книгохранилища или склады. Каждый такой сюжет — отдельный эпос; материала для публицистической и репортёрской работы — море. Задача — сообщать об этом сегодня так, чтобы задевало даже равнодушных.

По личному поручению Председателя Совета Федерации Сергея Миронова мне пришлось в течение трёх лет ездить из Москвы в Петербург по два-три раза в месяц и плотно заниматься проблемой строительства (точнее, получения разрешения на строительство) храма на месте Блокадного крематория в Московском парке Победы. Пришлось преодолевать беспрецедентное, почти мистическое сопротивление. Блокадники боролись за этот храм 15 лет. Сергей Миронов — последние три года. Неоценимую помощь оказал Патриарх Кирилл. Подробности раскрывать не могу, скажу лишь, что это было непросто.

Вечером 7 апреля 2009 года, на Благовещение, звонил мой мобильный телефон. Святейший сказал мне: «Вчера, в присутствии митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира и секретаря епархиального управления протоиерея Сергея Куксевича, я беседовал с губернатором. Валентина Ивановна согласилась на строительство».

Моя мама, осиротевшая в блокаду, находилась рядом. Она заплакала. Храм построили за десять месяцев. Жаль, что мама не дожила.

Сегодня, в годовщину прорыва блокады Ленинграда, помолимся о тех людях, которые жили в Ленинграде, освобождали его и терпели ужасы войны. Всё меньше остаётся в живых свидетелей этих событий, всё острее встаёт вопрос о достойном увековечивании памяти погибших.

Для христианина лучшая память о прошлом — это молитва. Самое удивительное, что до 7 мая 2010 года не было в Петербурге особого храма, куда можно было прийти и помянуть погибших во время страшной блокады.

Московский парк Победы — это парк, разбитый в Ленинграде на Московском проспекте (отсюда название парка), на месте крематория, в котором было сожжено около 800 000 жертв блокады. Пепел сожжённых ссыпался вокруг крематория. После войны здесь находился заброшенный пустырь. До конца сороковых годов прошлого столетия сюда приходили родственники погибших. Никого не спрашивая, сажали кусты, деревья и привязывали на ветки бирки с именами тех людей, которые были сожжены в печах блокадного крематория. Деревья прорастали в пепел, зеленели и поднимались ввысь, утешая рыдающих.

Послевоенный Московский райком партии был завален письмами — ленинградцы умоляли построить на этом месте часовню.

Рядом рос новый жилой район. Часовню

На этой вагонетке сжигали трупы блокадников. СПб. 2008 год

коммунисты построить не разрешили, но застраивать пустырь не решились. Побоялись народного гнева. Перешагнули и потянули стройку дальше в сторону Пулковских высот. А здесь заложили парк и назвали его Парком Победы.

Шли десятилетия. Здание крематория снесли; на месте проходной, куда ежедневно привозили сотни окоченевших трупов, сегодня стоит станция метро. Проходная метрополитена. Мы погружаемся в землю, пропитанную человеческим пеплом. Страшное место и величественное. Тени погибших, пепел под ногами прохожих. Московский парк Победы — это огромный антиминс. Здесь необходимо было построить храм! Здесь необходимо было служить литургию!

Борьба за храм длилась целых 15 лет. Ни Собчак, ни Яковлев, ни Матвиенко (губернаторы того периода) не давали добро. Блокадники знали — здесь хотят построить гигантский торговый центр. Когда-нибудь об этой пятнадцатилетней борьбе напишут книгу. О том, как стихийно был поставлен первый поклонный крест. Как его сожгли торговцы шаурмой, захватившие в 90-е это место. Как блокадники обивали пороги Смольного и унижались перед чиновниками, умоляя их разрешить построить храм. Как каждое воскресенье в течение 15 (!) лет тут служились панихиды. Как в 2008 году в борьбу за православных включился Сергей Миронов. Как он произнес фразу, ставшую в Петербурге знаменитой: «Если народ сказал, что здесь будет стоять храм, значит, храм здесь стоять будет!». Как после этого Валентина Матвиенко в пику своему политическому оппоненту выставила Парк Победы на продажу, заявив, что у города нет денег на его содержание.

Тут чаша народного терпения переполнилась. Две восьмидесятилетние старухи-блокадницы взяли урну со святой землей

Московского парка Победы и 27 января 2009 года привезли её в Москву, на Поклонную гору. Это был незабываемый день! Тысячи москвичей приехали поклониться праху! Директор музея Великой Отечественной Войны принял урну с прахом блокадников из рук Миронова на вечное хранение.

Именно в этот день, в день окончательного прорыва Ленинградской блокады, на Поместном соборе Русской Православной Церкви был избран Патриархом митрополит Кирилл. Ленинградец и петербуржец. Судя по всему, просьба блокадников о помощи была первой в его патриаршем служении. И он помог. Уговорил, нашёл слова, растопившие окаменевшее сердце губернатора. Разрешение было получено.

Храм в честь Всех святых, в Земле Российской просиявших, был построен меньше чем за год, и 7 мая 2010 года, в канун

Поклонный крест и храм Всех святых в земле Российской просиявших.
На месте Блокадного крематория. СПб. 7 мая 2010 год

После освящения храма я повесил на ветвях фотографию своей бабушки Галины Щипковой-Пиотровской, которая работала в Этнографическом музее Академии наук СССР и погибла в 1942 году в блокадном Ленинграде.
10 мая 2010 год. СПб

65-летия Победы, здесь совершил первое богослужение митрополит Петербургский и Ладужский Владимир. Напрасно Валентина Ивановна не приехала — её бы простили, потому что у заплаканных стариков уже ни на кого не было обиды. Они были счастливы, что теперь на месте блокадного крематория совершается ежедневная литургия, на которой они могут соединиться в одной молитве с усопшими.

Я горжусь тем, что сотрудники интернет-портала «Религаре» и наши друзья в течение трёх лет помогали блокадникам в их праведной борьбе. В этом храме есть доля души Любови Балакиревой, Андрея Зайцева, Михаила Фёдоров, Александра Гатилина и Бориса Конухова, снявшего замечательный документальный фильм о Блокадном крематории.

После освящения храма я подошёл к дереву, растущему возле паперти, и повесил на нём фотографию рабы Божией Галины, моей бабушки, которую я никогда не видел. Она погибла в 1942-ом в Ленинграде, и у нас не было её могилы. Теперь её могила здесь, в Московском парке Победы.

«Если народ сказал, что здесь будет стоять храм, значит, храм здесь стоять будет!».

*Москва
27 января 2013 года
День окончательного прорыва Блокады
День избрания Патриарха Кирилла*

Не предавший Родину и солдат

Сегодня популярен жанр нового социального репортажа — о простых, никому не известных людях, при пристальном рассмотрении оказывающихся героями. Совершающих свое дело просто, без пафоса и претензий на признание — на работе, в быту, в организации уклада вокруг себя, помощи нуждающимся. Журналист проливает свет на их дело, наводит резкость — и красота их души, таланты натуры становятся видны тысячам.

В нашей истории осталось очень много таких исторических героев, чьи фамилии далеко не всегда включены в школьные учебники истории, но чьи судьбы сделали Россию Россией, вплелись в её культурный код. Этих героев надо «вытаскивать» из забвения, вкладываться в то, чтобы знание о них «зажигало» бы тех, кому по 20, тех, кто в героях так отчаянно нуждается.

В декабре 2011 года мы отпевали в Тарусе генерала Михаила Ефремова, погибшего в окружении в апреле 1942 года. А до этого, в августе, поставили ему памятник, на котором отлиты слова «Не предавшему Родину и солдат».

Генерал Ефремов — это антипод генерала Власова. Он отказался улететь из окружения на самолёте, который прислал за ним Сталин, понимая, что вместе с остатками армии остаётся на верную смерть. Честь и долг для него были дороже жизни.

Сегодняшние историки обеляют Власова. И молчат о Ефремове.

С установкой памятника Герою России, командующему 33-й Армией генерал-лейтенанту Михаилу Григорьевичу Ефремову на его родине, в городе Тарусе Калужской области, связано некоторое чудо. Мы с женой заказали памятник скульптору Александру Казачку, с которым давно дружим и которого знаем как честного художника и христианина. Сейчас очень много конъюнктурных работ — и в живописи, и в скульптуре. Всегда ведь видно — где творчество, а где просто зарабатывание денег.

Александр Дмитриевич перечитал о Ефремове всё, что мог прочитать; он делает так всегда. Можно сказать, он вживается в того человека, которого ему предстоит изобразить, в какой-то

мере становится им. Мы привезли скульптору несколько фотографий Ефремова и показали ту, которая больше всего нравилась нам. Это был один из последних, а скорее всего, именно последний снимок генерала, сделанный кем-то из тех людей, которые в апреле 1942-го прилетали за ним в немецкое окружение под Вязьму — пытались вывезти его оттуда на самолёте по приказу Сталина.

Казачок посмотрел на этот снимок и сказал: нет, не пойдёт. Генерал должен выглядеть победителем, а здесь... На снимке был страшно усталый нездоровый человек, не по-военному замотанный шарфом, в низко надвинутой шапке, очень мало похожий на победителя. Но глаза были наполнены готовностью к смерти.

Мы заспорили. Нам не хотелось, чтобы Михаил Ефремов на скульптурном портрете выглядел советским пафосным генералом: грудь колесом, и вся в орденах. Александр Дмитриевич от-

части нас успокоил: такого генерала не будет, вам понравится то, что я сделаю. И принялся за работу.

...В понедельник мы с супругой собирались ехать в мастерскую скульптора в Переславль-Залесский, принимать работу в глине. В субботу мы были на богослужении в тарусском Петропавловском соборе. После Божественной литургии настоятель храма,

отец Леонид Гвоздев, как обычно, служил панихиду. Мы подали записки за наших умерших уже родителей... И вдруг я совершенно спонтанно сказал жене: «Впиши Михаила тоже». Михаил — это Ефремов. У меня возникла вдруг мысль: что же мы делаем — заказываем ему памятник, ищем на этот памятник деньги... а сами притом даже и не молимся за него!

В это же воскресенье нам позвонил взволнованный Казачок и отменил показ портрета.

Как выяснилось впоследствии, Александр Дмитриевич, которому, кстати, уже за 80, работал всю ночь с субботы на воскресенье. Под утро уснул... и во сне увидел Михаила Григорьевича Ефремова. Такого, каков он на той, последней фотографии. Каким был в окружении. Обречённый командир обречённой армии. Человек, готовый к смерти, и в определённом смысле, может быть, уже умерший. Умереть для мира — это выражение применяют к монахам, но оно применимо, наверное, и в подобных случаях тоже. Никаких данных о религиозности Ефремова у нас не было, по всем нашим сведениям, он был вполне советский военачальник, член партии, конечно, и депутат Верховного Совета СССР. Но то, что мы видели на этом снимке, в его глазах, — это было абсолютно религиозное состояние души.

Спасавшая Москву, освобождавшая Наро-Фоминск, Боровск и Верею, 33-я армия, которой командовал Ефремов, попала в окружение в результате трагической Ржевско-Вяземской операции. Очень долго — с сентября 41-го по апрель 42-го года — связывала силы гитлеровцев, и они никак не могли её одолеть. Армия перешла, по сути, на партизанскую тактику. Всё местное население знало ефремовцев. Однажды ночью они прорвали оборону немцев и вынудили их бежать из Свято-

Последняя фотография командарма
Михаила Ефремова

Троицкого Герасимо-Болдинского монастыря. Этот разорённый монастырь оккупанты использовали как сборный пункт — для русской рабочей силы, предназначенной к отправке в Германию. Накануне трое деревенских ребят пытались из монастыря бежать. Немцы поймали их и наутро должны были показательно расстрелять на глазах у прочих. Ефремовский прорыв спас мальчишкам жизнь. Один из этих спасённых — отец моей жены Любы. Так что наша семья обязана Ефремову самим своим существованием.

В апреле 42-го года немецкое командование сбрасывает на позиции 33-й армии листовки с ультиматумом: немцы заверяют командарма и его непосредственных подчинённых в своём уважении «к мужеству окружённой армии», которая «храбро сражается», и предлагают почётную капитуляцию с гарантией сохранения жизней всех сдавшихся добровольно. Ефремов докладывает о листовках в штаб Западного фронта. Он не собирается сдаваться. Сталин, понимавший, что 33-я армия обречена, выслал самолет за Ефремовым — такая была практика во время войны, генералов вывозили, не давали им погибать. Ефремов отправил с этим самолетом знамёна и тяжелораненых. Сам улетать отказался. Не выполнил приказа главнокомандующего. Не бросил своих солдат. Не предал. Такой поступок невозможно совершить без какого-то религиозного чувства.

Скульптор Казачок оставил прежний вариант памятника генералу и сделал другого Ефремова — того, который на снимке и который был в его сне. От увеличения гонорара — за лишнюю работу — он при этом отказался.

Что касается денег на установку памятника — своих сэкономлений нам хватало только на четвертую часть всего проекта. Но первое время казалось, что найти их не составит большого

Справа — уже готовый парадный портрет генерала Ефремова в глине. В июне 2011 года скульптор А.Д. Казачок неожиданно меняет художественную концепцию и приступает ко второй работе (на снимке — слева), в основе которой лежит последняя прижизненная фотография командарма. Первый вариант памятника не сохранился.

труда: уж на боевого-то генерала, героя Великой Отечественной — дадут! Был я и у бизнесменов, и у деятелей искусства. Но увы: большинство потенциальных благодетелей энтузиазма не проявило.

Тогда я пошёл за советом к Сергею Миронову. Это было 20 мая 2011 года, спустя всего два дня после его знаменитой речи в Законодательном собрании Санкт-Петербурга. Для Миронова это было очень трудное время. Он только-только покинул пост председателя Совета Федерации, и, как это часто бывает, многие, скажем мягко, оставили его. Он слушал меня молча и с какой-то печалью. Имя и судьбу командарма Ефремова он прекрасно знал. Спросил только: «Что планируешь написать на пьедестале»? Я ответил: «Генерал Ефремов. Не предавшему Родину и солдат». На следующий день я уже приступил к по-

стройке памятника. Памятник Михаилу Ефремову стоит сегодня в самом сердце старинной Тарусы, на площади перед Петропавловским собором.

Нужно сказать о том, почему мы, имея очень мало возможностей, взялись за это дело.

Весной 2011 года, вскоре после 9 мая, мы с женой чаёвничали в мастерской наших близких друзей-художников. За окном дымила Москва. Зашла речь о нашей Тарусе, о Цветаевых, Поленовых, о Заболоцком, об Ахмадулиной, о Паустовском и других покойных тарусянах. «Вот это имена! — восклицали наши друзья, — вот это бренды! Крошечная Таруса должна ими гордиться, воспевать и ставить им монументы». Неожиданно моя Люба сказала: а ещё надо бы в Тарусе поставить памятник генералу Михаилу Ефремову. Реакция была неожиданной — зачем?

Это «зачем» потрясло нас. Он же красный! Он не уехал в эмиграцию, он ещё в 1918-м году вступил в один из рабочих отрядов, из которых формировалась Красная армия! Он устанавливал советскую власть в Закавказье! В 37-м году его не расстреляли, как других, а всего лишь два месяца держали под

арестом, допрашивали о связях с Блюхером и Тухачевским, и освободили, в конце концов, по желанию Сталина... И ему ещё памятник?!

Выйдя из гостей, мы переглянулись и поняли — мы построим памятник Ефремову, чего бы это ни стоило. Мы потратили последние деньги, лишились отпуска и всё лето провели в творческих муках, поисках средств, в борьбе за место под памятник и открыли его в последний день лета 31 августа 2011 года.

Судьба этого генерала, его поступок чрезвычайно важны для наших современников. На наших глазах в обществе, в стране происходит глубокая нравственная аберрация: утверждается нравственный релятивизм, относительность ценностей, относительность добра и зла. Вспомним фразу, знакомую многим, очень часто звучащую с экранов: «Ничего личного, старик, это бизнес». Прибыль важнее, чем человек и человеческие взаимоотношения. И это становится нормой! Нормой становится предательство.

В обстановке нравственного релятивизма воспитано уже поколение, и, может быть, даже не одно. Один из симптомов этого состояния — постоянные попытки оправдать генерала Власова, судьба которого до определённого момента была схожа с судьбой Ефремова. Ефремов — это, по сути, антипод Власова, 2-я ударная армия которого точно так же, как и 33-я, оказалась в окружении, но Власов предпочёл другой путь. И вот, о Власове сегодня пишут научные работы, снимают фильмы, рассуждают о тонкостях его душевных переживаний, рассказывают о том, каким он был талантливым человеком и военачальником. И все эти рассуждения исподволь подводят к его оправданию. Такое положение губительно для общества и унижительно для армии.

В августе 2011 года памятник генералу Ефремову отлили в бронзе.
На снимке Александр Щипков в день прибытия бюста в Тарусу.

Родившийся до революции, Михаил Григорьевич был крещён в Петропавловском тарусском соборе, и, по нашему убеждению, он должен был быть отпет в том же соборе. Мы подали прошение об этом на имя Святейшего Патриарха Кирилла. Проблема состояла в том, что Ефремов покончил с собой, он застрелился, будучи окружён врагами и не имея шансов спастись. Генералу нельзя было попасть в плен. Следует, кстати, добавить, что тело командарма немцы похоронили с воинскими почестями — в селе Слободка Смоленской области, за алтарём деревенского храма. После войны Михаил Григорьевич был перезахоронен на Екатерининском кладбище в Вязьме.

Такое самоубийство нельзя уравнивать с суицидом от уныния, безверия, озлобления и т. д. Это самоубийство во исполнение воинского долга, это высшая из жертв — жертва своей

земной жизнью. Здесь нужно вспомнить княгиню Евпраксию Зарайскую, которая в 1237-м году, когда Зарайск был окружен татарами, бросилась с крепостной стены с маленьким сыном на руках. Она причислена к лику святых. В данном же случае речь идет лишь о христианском напутствовании в жизнь вечную.

Рассмотрев наше прошение, Святейший Патриарх Кирилл вынес положительную резолюцию. Со слезами и глубокой благодарностью мы вместе с внуками генерала Ефремова читали слова Святейшего: «...необходимо возродить память о героической борьбе генерала Михаила Ефремова и о его верности Родине и солдатскому братству». Отпевание Михаила Ефремова было совершено в Тарусе 5 декабря 2011 года, в день, когда были остановлены немцы под Москвой.

Памятник Михаилу Григорьевичу Ефремову — не только знак нашей благодарности. Это призыв хранить свою честь и человеческое достоинство. Своим подвигом генерал Ефремов говорит нам: «Не предавайте друг друга и Родину!».

*Москва
Декабрь, 2011 год*

Выступление на открытии памятника Ивану Цветаеву

Александр Щипков и его жена, филолог и радиожурналист Любовь Щипкова живут в Тарусе. В двухстах метрах от того места, где в начале XX века жила семья Ивана Владимировича Цветаева, основателя Музея изящных искусств на Волхонке. Благодаря Белле Ахмадулиной, тарусской дачнице, в Тарусе установился культ Марины Цветаевой. Памятник на берегу Оки, улица её имени, музей. К камню Марины ежедневно стекаются паломники.

Её отец сделал для русской культуры не меньше дочери. Он был выдающимся учёным, педагогом и гражданином. Образец патриота и государственника. Сегодня имя Ивана Цветаева умалчивается, практически забыто.

Супруги Щипковы почли своим долгом, уж коли судьба распорядилась им жить на его земле, установить здесь бронзовый памятник. Всей семьёй вместе с детьми строили опалубку, заливали фундамент, равняли землю, сажали вокруг деревья. Автор памятника — Александр Казачок, замечательный скульптор, ученик Сергея Конёнкова. Открыли памятник 9 октября 2010 года.

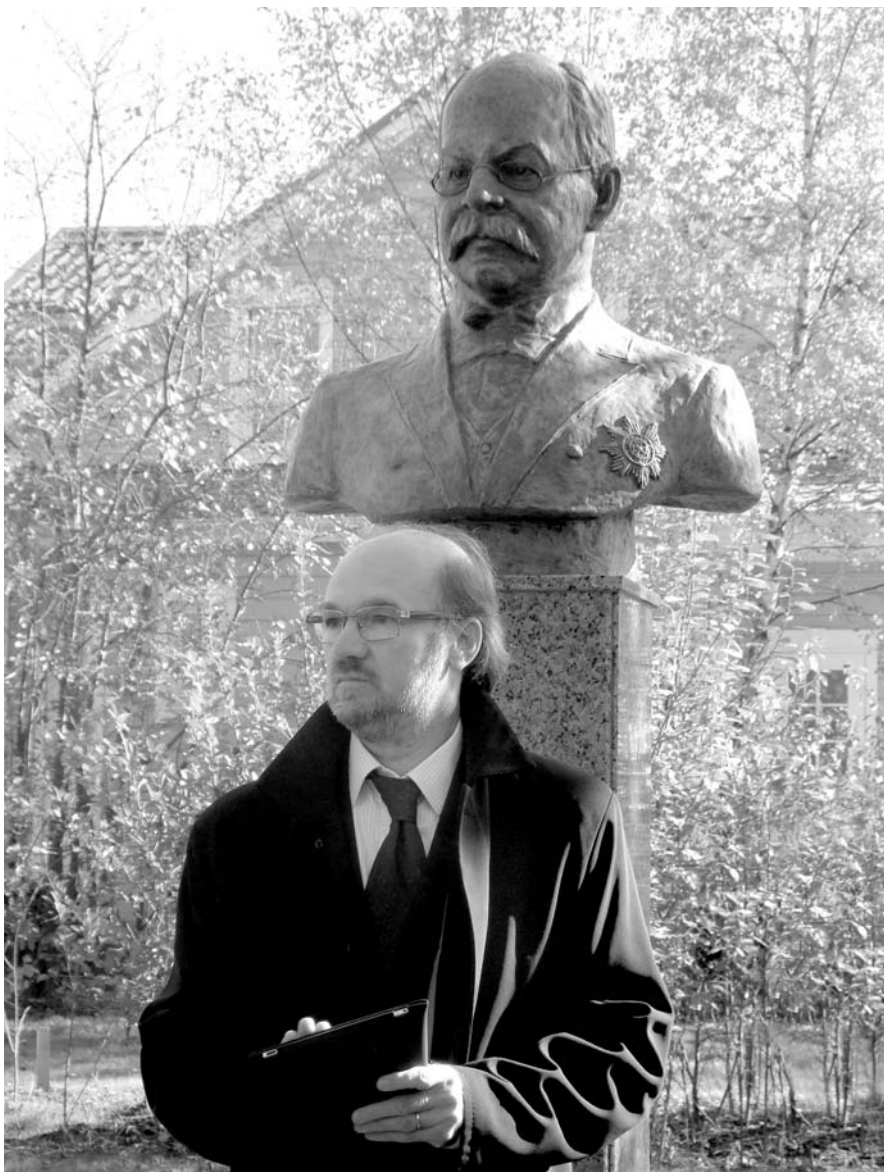
Дорогие друзья!

Благодарю всех, кто пришёл сегодня сюда, на окраину Тарусы, принять участие в открытии памятника выдающемуся русскому педагогу, филологу, историку Ивану Цветаеву. В течение двух лет наша семья занималась строительством этого памятника. Нас спрашивают: почему и зачем?

Нам выпало жить в трудное и сложное время. Россия стоит на переломе эпох. Мы можем разрушить Россию, а можем превратить её в мощное и радостное для жизни государство. Но для того, чтобы Россия была мощной и процветающей, нам необходимо восстанавливать историческую связь между эпохами.

В истории, как и в Церкви, нет живых и мёртвых. Для Бога нет живых и мёртвых — все живы. Так же мы должны смотреть и на историю. Неправы те, кто говорит, что мы не помним своей истории. Мы её помним и знаем не хуже других народов. Но так уж устроена человеческая память, что чаще мы вспоминаем тех, кто разрушал, а не тех, кто созидал.

Конечно, мы знаем Ломоносова, но больше говорим о Петре. Мы знаем Столыпина, но больше говорим о Распутине. Показательна телевизионная программа Николая Сванидзе «Суд времени». Она посвящена только разрушителям: Троцкий, Хрущёв, Горбачёв...

Открытие памятника Ивану Цветаеву в Тарусе.
9 октября 2010 год

Иван Цветаев — безусловный созидатель. Бескорыстный и честный.

Таруса — маленький город. Но отчего всех так тянет в Тарусу? Тут нет выдающихся памятников архитектуры, тут нет аттракционов и диснейлэндов, но народ едет и едет сюда, не отдавая отчета своим желаниям. Таруса притягивает к себе своими созидателями. Это город созидателей, а не разрушителей. Цветаев и Поленов. Заболоцкий и Рихтер. Ефремов и Голубицкий. Разные эпохи, разные призвания, разные судьбы. Но всё — цвет нации.

И сегодня: Поповы, Утенковы, Гвоздевы, Добрияны, Батагины! Сколько замечательных семей (именно семей, поколений) жило и продолжает жить в Тарусе. И все строят, все создают. Отец Леонид Гвоздев строит церкви. Доктор Максим Осипов строит больницу. Евгений Мальцев строит дороги и котельные. Игорь Оболенский и Сергей Бабков строят дом отдыха. Роман Кашанов строит газопроводы. Михаил Добриян строит институт. И так далее. Писатели пишут книги. Художники пишут картины. Город не богат, но именно здесь мы и строим Россию. Этого не нужно стесняться. Об этом нужно говорить вслух и всему миру.

Правда, есть одно «но». Имена. Город состоит из имён — из Кургана и Салотопки, из Игумнова оврага и дачи в Песочном. Давно разрушена дача в Песочном, мы не знаем, кто был тот игумен, но народная память цепко держит эти названия.

Как и человек, город должен носить нормальные, естественные имена. Ни Октябрина, ни Красарма, ни Даздраперма не прижились. Точно так же не приживаются странные названия улиц и площадей. Конечно, скучно было жить Марусе на улице с названием, которое она не могла выговорить, —

Карла Либкнехта. Так почему бы нам вновь не назвать её Даниловкой?

В названии «Игумнов овраг» мы слышим историю созидания. А в названиях «Каляев» и «Люксембург» мы слышим историю разрушения. Тарусе нужна Соборная площадь, а не площадь Ленина!

Это же касается и новых названий. К ним тоже нужно относиться ответственно. Мы стоим на улице Весёлой. Рядом улица Добрая. Пустые, пресные и бессмысленные названия, которые не связывают нас ни с нашим прошлым, ни с нашим будущим. Конечно, эта липовая аллея должна называться аллеей Ивана Цветаева. И я не сомневаюсь, что рано или поздно так и будет.

Правда для этого придётся аллею сохранить. Иван Цветаев любил сажать деревья. Мы помним его знаменитые ели и четыре куста орешника. Здесь, возле памятника, мы тоже посадили орешник. Думаю, Ивану Владимировичу радостно сегодня видеть эти кустики. Они вырастут.

За домом стоит яблоня — ей 100 лет. Эти яблони и липы помнят наших родителей, помнят войну, помнят Цветаева. Между тем, и тарусяне, и дачники нещадно вырубают эти деревья. Вырубают свою память. С каким-то жутким садизмом. Деревья мешают им ходить, мешают ездить, мешают жить, и их нещадно рубят. Говорят, они старые и больные. Но позвольте, если они старые и больные, они требуют заботы и ухода. В Тарусе сегодня процветает эвтаназия деревьев.

Это необходимо остановить!

Если мы будем сажать деревья, давать местам, где мы живем, нормальные имена, и не будем отгораживаться друг от друга лагерными заборами из профлиста — тогда мы научимся

любить друг друга. А без любви друг к другу мы не возродим Россию.

Не знаю, удалось ли мне объяснить, зачем мы построили памятник Ивану Цветаеву.

Наша семья вложила в этот памятник и душевные силы, и семейные средства, и физический труд. Мы довольны результатом и с радостью дарим бюст Ивана Цветаева Тарусе и тарусянам.

*Таруса
9 октября 2010 год*

Роль бронзы в воспитании переоценить невозможно — бронза делает зримым и материальным то, что могло бы уйти в зыбкий песок истории, как прозрачный ручей, делает видимым тот опыт прошлого, на котором надо учиться при формировании своего настоящего. Когда память о настоящем человеке закрепляется в бронзе благодаря твёрдому намерению и упорству его благодарных потомков — это большая удача для всех тех юных и резвых, кто потом будет проноситься мимо бронзового памятника и останавливаться на нём взглядом. Фотографировать на айфон и вываливать в социальные сети — потому что именно так сейчас принято запоминать и делиться впечатлениями... У них есть шанс в самом подходящем возрасте относительно легко и свободно усвоить такие выводы про жизнь, которые позже, в закоснелой зрелости, есть риск оценить либо с равнодушием, либо со скепсисом. Усвоить что-то важное про гражданское достоинство, о котором сегодня говорить так модно, но наглядных примеров которого вокруг особо не встретишь.

Запись в Журнале заседаний Священного Синода от 26 июля 2012 года, в Киеве: «15 июля 2012 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возгласил чин великого освящения храма-памятника в честь Воскресения Христова рядом с мемориальным комплексом «Катынь» под Смоленском и Божественную литургию в нем.

По окончании богослужения Предстоятель Русской Православной Церкви и губернатор Смоленской области А. В. Островский приняли участие в церемонии открытия на историческом здании Смоленского государственного университета мемориальной доски, посвященной педагогу Т. Н. Щипковой, репрессированной за религиозные убеждения в 70-80-х годах XX века».

На здании Смоленского Государственного университета отныне появилась ещё одна мемориальная доска. Надпись на доске гласит: «Здесь с 1961 по 1978 годы преподавала Татьяна Николаевна Щипкова, пострадавшая за православную веру в годы гонений». Мне хотелось бы рассказать о том, как родилась идея повесить этот памятный знак, какие трудности она встретила и какое общечеловеческое значение имеет сегодня эта памятная доска.

Большой проект

До этого момента у нас в России не было ни одного мемориального знака, который был бы посвящён гонимым православным. Доска в Смоленске — первый за двадцать лет религиозной свободы!

Есть памятники жертвам репрессий, и их довольно много. Есть памятники жертвам Холокоста. На Кавказе есть памятники и знаки погибшим или пострадавшим в советское время мусульманам, ведь их преследовали не меньше. А православным — нигде ничего нет. Ну, если только в сонме жертв политических репрессий.

Поэтому мы настаивали именно на этой надписи на доске — «пострадавшая за православную веру в годы гонений». Мы не хотели ничего выпячивать — мол, мы православные, мы лучшие, мы пострадали. Но лишь хотели подчеркнуть, что мы тоже были. Эту мысль хорошо почувствовал и поддержал Патриарх Кирилл. Выступая на открытии нашей мемориальной доски, он сказал, что хотел бы видеть подобные памятные доски и знаки повсюду, что такие памятники необходимы. Потому что они будут нам всем напоминать о людях, которые за свою веру в Христа Спасителя готовы были дорого платить — личными невзгодами и собственной свободой.

Я уверен, что это самое главное — мы должны сегодня вешать такие доски повсюду, во всех городах. Потому что эти памятники, знаки — всё это визуальное искусство, в котором постоянно существует человек — формируют его мир,

Губернатор Смоленска Алексей Островский, Святейший Патриарх Кирилл, Александр Шипков.
Открытие мемориальной доски. 15 июля 2012 год. Смоленск.

его нравственность, его мировоззрение. Скульптура создаёт необходимую атмосферу, которая в итоге облагораживает людей. И мы, православные, носители христианских ценностей, должны присутствовать в этой атмосфере, формировать сознание людей. Я уверен, что это должно случиться; подобные доски в ближайшие годы появятся по всей стране, потому что если этого не произойдёт, мы забудем самих себя. И это будет ужасно. Сохранить память о тех сложных годах, о смелых людях, о гонениях и вере, которая, несмотря ни на что, была сохранена, — это наш долг. И пусть открытие мемориальной доски моей маме станет началом большого и серьёзного проекта по всей России.

Мемориальная доска

Идея возникла весной 2012 года. Моя жена Люба как-то вечером в разговоре сказала, что было бы хорошо повесить на институте доску маме. Мы начали это обсуждать, поначалу просто так, несерьёзно. Это несерьёзное обсуждение длилось около недели и стало серьёзным. Я понял, что мы будем это делать. Мы знали, кто это будет делать. У нас есть знакомый замечательный скульптор Александр Дмитриевич Казачок, ученик Сергея Конёнкова. Мы понимали, что обратимся к нему, потому что мы сотрудничали с ним раньше и он по нашему заказу создал два бронзовых портрета в Тарусе — памятник Ивану Цветаеву и памятник генералу Михаилу Ефремову.

К слову сказать, мы стали действовать совсем неправильно. Ни с кем ничего не согласовывали, не брали никаких разрешений, а начали с изготовления доски. Стали думать, что должно быть на этой доске, будет ли это гранит или металл, каким должен быть портрет. А самое главное — что будет написано. Это было самое сложное. В конце концов, мы решили, что напишем так: «Здесь с 1961 по 1978 год преподавала Татьяна Николаевна Щипкова, пострадавшая за православную веру в годы гонений».

Мы хотели выделить два момента. Первый — объяснить, за что мы ей вешаем доску, чем она выделяется, почему именно этому преподавателю этого вуза, ведь там было и есть множество достойных людей, которые проработали по 40-50 лет. Мама была ведущим преподавателем кафедры французского языка и великолепным специалистом, но не была каким-то выдающимся педагогом. Не была Сухомлинским или Мака-

ренко. Ей мы повесили доску не за педагогические достижения, а за её верность нравственным принципам. Мы хотели, чтобы прохожие точно понимали, за что она пострадала. Она пострадала за своё православное вероисповедание, за свои религиозные убеждения. Для нас также был важен и конец этой надписи — «в годы гонений». Этим мы хотели подчеркнуть, что гонения продолжались до самого конца советской власти. Потому что сегодня очень многие утверждают, что гонения кончились в 1953 году со смертью Сталина. Более продвинутые говорят о том, что гонения прекратились во времена Хрущёва, когда действительно было много арестов и закрывали храмы. Мы же хотели показать, что на самом деле религиозные гонения, в том числе и на православных, закончились только с окончанием советской власти.

Когда мы уже сделали макет доски, я встретился с Патриархом и показал ему фотографию нашего макета. Святейший хорошо знает нашу семью уже много десятилетий, поэтому ему не надо было рассказывать, кем была моя мама. Он внимательно осмотрел эскиз, сказал, что макет хороший. «Но удастся ли вам повесить эту доску, сумеете ли вы получить разрешение?» — спросил Патриарх Кирилл меня. Я ему ответил, что буду стараться. «Это будет сложно», — предупредил меня Патриарх. И тогда я ему сказал: «Ваше Святейшество, а если мне всё-таки удастся повесить эту доску?» Он ответил, что если мы повесим эту доску, то тогда он сам придет её открывать.

И я взял благословение дальше продолжать эту работу. Патриарх, во-первых, вселил в меня уверенность. Во-вторых, архиерейское благословение, в том числе и Патриаршее, — вещь таинственная. Оно работает порой само по себе. Не то что бы

независимо от твоей воли, но как бы параллельно ей, и помогает в самых неожиданных местах. И мы с утроенной энергией взялись за это дело, не имея вообще никакого представления о том, как это делается.

Миссия невыполнима?

Для того чтобы повесить мемориальную доску, нужно, оказывается, иметь положительное решение горсовета, то есть депутатского корпуса. Нужно, чтобы городские депутаты проголосовали и дали разрешение повесить эту доску. Но до этого нужно собрать невероятное количество документов, потому что в каждом городе существует своё специальное положение об увековечивании памяти известных и заслуженных граждан, а затем предоставить все эти документы на топонимическую комиссию, которая собрана из уважаемых людей города — преподавателей, учителей, инженеров, чиновников. Это примерно человек 15-20. Они реально обсуждают, нужно это или не нужно городу, как это будет выглядеть. После этого собирается комиссия горсовета по социальным вопросам. Потому что «повесить доску» — это раздел «культура», а культура относится к социальным вопросам. Затем всё это выносится на обсуждение горсовета. И вынести этот вопрос необходимо не позднее, чем за 30 суток до сессии горсовета.

Прошение на установление памятной доски в Смоленский горсовет от имени Патриархии направил протоиерей Всеволод Чаплин; его Отдел по взаимоотношениям Церкви и общества вёл переписку и передавал мне официальные ответы. Часть документов готовили в Управлении делами Московской Патриархии. Этим занимался архимандрит Савва (Тутунов). И ещё

важный момент: необходимо иметь согласие той организации, которой принадлежит здание, где вы предполагаете разместить памятный знак, в нашем случае — разрешение Смоленского государственного университета, бывшего Педагогического института.

Когда Святейший сказал, что он приедет открывать доску, было понятно, что он поедет для этого не специально, а в рамках очередного визита в Смоленск. Я думал, что это случится через год, через два, и у нас ещё много времени впереди. Но он мне сказал, что поездка назначена на 24 июня, потому что ему предстоит освящать новый храм в Катыни, построенный на месте расстрела польских офицеров и на месте расстрела огромного количества советских граждан в конце 30-х годов. А разговор наш происходил примерно 24 марта 2012 года. То есть оставалось всего три месяца. И я понял, что у нас почти нет времени. Я поехал в Смоленск собирать необходимые документы, и дальше начали происходить совершенно необычные и порой таинственные вещи.

Во-первых, я столкнулся с тем, что эта задача вообще невыполнима: по количеству документов, по количеству подписей, по политической ситуации в городе. Потому что горсовет Смоленска состоит из политических фракций. И депутаты фракций находятся в политической конкуренции, что вполне нормально для демократического государства. И мне нужно было каким-то образом убедить депутатский корпус, чтобы они проголосовали «за». При этом был риск, что если я договорюсь с одной частью депутатов, то другая автоматически выступит против. Я прекрасно знаю специфику работы в Госдуме и Совфеде, и технология политической борьбы, политического «торга» мне известна досконально.

Мы начали действовать пошагово. Сначала собрали документы и отдали их в топонимическую комиссию. Когда маму выгнали с работы, а потом посадили в тюрьму, это было настолько резонансное дело в Смоленске, что, несмотря на прошедшие с тех пор 30 лет, старшее поколение это всё ещё хорошо помнит, и многие до сих пор относятся к этому достаточно напряжённо. Некоторые, может быть, даже не хотели бы, чтобы им напоминали об этом. Было понятно, что, так или иначе, этот вопрос коснётся губернатора. И я пошёл к нему.

Алексей Островский стал губернатором совсем недавно, три месяца назад, он только принял дела, знакомился с людьми, менял кадры, только-только начал осваиваться в Смоленске. Я прихожу к нему на приём и начинаю объяснять про маму, про то, что я прожил здесь двадцать лет. Подарил ему мамины лагерные записки. Разговор длился около часа. А. Островский сказал, что в целом поддерживает эту идею, за что мы ему очень благодарны. Для нас это была первая серьёзная победа, потому что, помимо поддержки Патриарха, мы заручились поддержкой губернатора Смоленской области.

Но не губернатор принимает решение. Решает горсовет, голосуют депутаты. А отношения городских советов и губернаторов субъектов Федерации далеко не всегда безоблачны. Это обычная ситуация для любого областного города, и я готовился к трудностям.

Я так подробно рассказываю о деталях для того, чтобы те, кто будут устанавливать подобные знаки в своих городах, лучше представляли себе, что необходимо делать и к кому обращаться. Так что этот рассказ можно использовать в качестве инструкции.

Чудо

Сначала у нас многое не получалось. Не могли то с одними созвониться, то с другими встретиться. Я ездил в Смоленск каждую неделю как на работу. Кто-то сразу поддерживал, кто-то неохотно разговаривал со мной, уклонялся от ответов. В итоге мы не успели на сессию горсовета, которая была назначена на конец мая. Наш вопрос не был включён в повестку дня, и, следовательно, к приезду Патриарха, который собирался посетить Смоленск 24 июня, мы не успевали получить разрешение и повесить доску. А следующая сессия горсовета должна была состояться уже после отъезда Патриарха, 6 июля. Я вернулся в Москву опечаленный, мы долго говорили о том, что это тупиковая ситуация, что повесить доску практически невозможно. И тогда я сказал, что на всё воля Божия. Будет воля Божия — повесим, хотя не понимал как, а не будет — не повесим. И тогда мой сын Василий успокоил меня, сказав, что тогда повесит он, когда сможет, пусть через двадцать лет. Бронзовая доска к тому моменту была уже отлита и хранилась в мастерской у скульптора.

Спустя несколько дней Люба шла по улице, задумалась и начала молиться о том, чтобы Господь подсказал, как нам поступать дальше. Пришла домой, подходит ко мне и говорит: «Езжай в Смоленск, попытайся ещё раз». Я купил билет и уже из поезда позвонил отцу Андрею Милкину, начальнику патриаршего протокола. Это было где-то 16-17 июня. Спрашиваю: «Ну что там, как Святейший, что с визитом в Смоленск?» На что отец Андрей мне отвечает, что Патриарх поедет в Катынь на три недели позже — 15 июля. И получилось, что из-за

переноса визита я успеваю «вынести вопрос» на следующую городскую сессию.

Мы как сумасшедшие кинулись туда и непрерывно начали работать с депутатами. В итоге мы успели и собрать все документы, и вынести обсуждение на комиссию по социальным вопросам. Кстати, это была уникальная комиссия. На ней собралось восемь депутатов. Я там присутствовал. По благословению Епископа Смоленского и Вяземского Пантелеимона пришел иеромонах Серафим (Амельченков), секретарь епархиального управления, поддержать меня, за что и владыке, и ему наша огромная благодарность. Пришла также Екатерина Сергеева, начальник Управления культуры города Смоленска, которая тоже нам очень помогала.

По ситуации я понял, что собравшиеся депутаты принадлежат к разным политическим фракциям. Но дальше произошла фантастическая ситуация: каждый из них начал отстаивать эту доску перед другими. Среди них были люди разных политических взглядов, православные и неверующие, даже был один практикующий иудей, который активно доказывал необходимость появления этой доски в Смоленске. В результате все проголосовали единогласно. Это было маленькое чудо, ведь я опасался, что депутаты поссорятся между собой. Я много лет работаю с депутатами и прекрасно знаю, насколько всё это не просто.

Таким образом, все необходимые промежуточные решения были получены, а документы собраны. И 6 июля, на последней перед летним отпуском сессии, Смоленский горсовет проголосовал единогласно. Нам разрешили повесить доску на здании Смоленского университета.

Нравственная дилемма

Самой сложной составляющей был всё-таки университет. Потому что там до сих пор работают люди, которые помнят эту историю и отчасти причастны к ней. Это самый сложный и самый тонкий момент. Катя Левицкая, одна из лучших смоленских журналистов, брала у меня интервью для теле-репортажа и спросила после записи о том, кто из преподавателей написал донос на Татьяну Щипкову, в результате чего её уволили из института, а потом посадили в тюрьму. Я долго объяснял, что никто не доносил. Не было в университете, тогда пединституте, ситуации, чтобы кто-нибудь, зная о религиозных убеждениях моей мамы, написал на неё донос в КГБ или ещё куда-то. Наоборот. Небольшое количество её коллег-преподавателей знали о её взглядах. Они их не разделяли, они не были религиозными людьми, но все они относились к этому с уважением и пониманием, считая, что это её право. И никогда на неё ничего не писали, никто не доносил.

Известно стало о ней не столько в Смоленске, сколько в Москве. У нашей семьи были очень большие контакты в разных городах. Когда мы пришли в Церковь, мы начали общаться с большим количеством верующих людей по всей стране. Мы собирались, решали какие-то вопросы, вместе молились, издавали свой самиздатовский журнал, купили в Тверской области дом, который стал «базой», где мы собирались. В общем, мы были довольно активны и не могли не привлечь к себе внимания. И поэтому собственно университет был здесь ни при чём.

Когда мы в Смоленске напечатали наш самиздатовский журнал, к нам пришли с обыском, арестовали журнал, и мы поняли, что наша спокойная жизнь закончилась, что мы поте-

ряли учёбу, работу. Это был май-июнь 1978 года. Мы с женой учились на четвёртом курсе французского отделения, а мама там преподавала. У нас был первый ребёнок, которому не было и года. Потом сверху пришло жёсткое указание маму уволить и лишить учёной степени. Естественно, обком коммунистической партии и госбезопасность начали выкручивать руки руководству вуза, а руководство — преподавателям, заставляя их голосовать. Сначала за исключение, а затем — за лишение учёной степени. И вот здесь сотрудники института невольно оказались в чрезвычайно сложной нравственной ситуации, ситуации нравственного выбора.

Эта проблема, которую мы в семье обсуждали в течение многих десятилетий. С одной стороны, мы имели полное право

Дома в Смоленске.
1978 год

поступать так, как мы поступили, — исповедовать свою веру открыто. Мы практически не скрывали её, просто в Смоленске об этом узнали в последний момент. Мы не скрывались, мы не жили подпольной жизнью, мы считали, что согласно Конституции мы имеем право на свободу совести и это наше право — жить, молиться, воспитывать наших детей так, как мы хотим. Мы стали жить так по факту.

Но при этом мы поставили окружающих нас людей в очень сложную ситуацию. И спустя много лет мы стали задумываться о том, имели ли мы право так поступать. Ведь тогда мы думали больше о своих проблемах и исканиях, чем о бытовом благополучии других. Конечно, мы не специально ставили людей в такую ситуацию — мы сами были довольно наивны, и нам, честно говоря, в голову не приходило, что нас могут тоже «наказать». И когда это всё произошло, для нас это был очень сильный психологический удар. Мы даже не поняли толком, что случилось. Жизнь стала другая, она изменилась в один день. Всех этих людей мы поставили в чрезвычайно сложную ситуацию, когда они должны были решать — голосовать им или не голосовать. Встать на защиту, возвысить голос — значит потерять всё. Все проголосовали единогласно за лишение Татьяны Щипковой учёной степени и увольнение.

И всё же. Одна преподавательница пришла к нам домой поздно-поздно ночью, чтобы её никто не видел. Пришла и попросила у мамы прощения. Она проголосовала как все, но извинилась перед мамой, сказала, что её мучит совесть, но она не смогла поступить иначе. Через день, также поздно ночью, пришла другая преподавательница. Их было двое. Это уже много, и это было для нас чрезвычайно важно. Потому что вопрос нравственного выбора в каком-то смысле намного важнее, чем раз-

говоры о преследованиях, о том, как мама отбывала заключение. И сегодня это тоже важнее любой политической проблемы.

Вернувшись в Смоленск с нашим бронзовым портретом спустя три десятилетия, мы это всё снова всколыхнули внутри университета. Мы сами сомневались, молились, но поняли, что доску всё-таки должны повесить. Я долго разговаривал на этот счёт с ректором университета Евгением Кодиным, он был не против, но сказал, что «должен решать коллектив». Это был сложный период и самые сложные переговоры, детали которых не следует выносить на публику. Но в конце концов ректорат принял положительное решение и выдал его нам на руки.

Лет за десять до того, как маму лишили учёной степени кандидата филологических наук и уволили «вследствие недостаточной квалификации», в нашем институте произошла очень похожая история. Преподаватель той же французской кафедры, еврей — помню только его фамилию — Масис — подал документы на выезд в Израиль. За это его точно так же предали ostracismu, уволили и устроили общее собрание, на котором приказали голосовать за лишение ученой степени. Единственным человеком, который тогда проголосовал «против», была моя мама — Татьяна Щипкова. Не понимаю, почему её не уволили уже тогда же за «пособничество сионизму». Наказание было «мягким» — всего лишь лишили очереди на квартиру (мы жили в общежитии).

Человек культуры

Татьяна Щипкова была внучкой священника, он умер до её рождения. А поскольку её мама Галина Пиотровская погибла в ленинградскую блокаду и она осталась сиротой, то её

воспитывала бабушка-попадья. Мама была человеком неверующим, конечно, комсомолкой, училась в Ленинградском университете. Они жили с бабушкой в одной крошечной комнате, там всегда были иконы, всегда было Евангелие. Мама в церковь не ходила, но ходила бабушка, и бабушка за неё всегда молилась и по воскресениям приносила просфоры. Мама не была атеисткой, просто была неверующей. Просфоры ела неохотно («только ради тебя, бабуленька»).

Таня Щипкова. 1941 год. Одиннадцать лет

Но при этом она была человеком культуры. Она всегда много читала, в том числе и Евангелие, потому что каждый культурный человек должен знать Евангелие. Спустя какое-то время, когда мама увлеклась лингвистикой и уже училась в аспирантуре, она начала заниматься историей старорумынского и старофранцузского языков. А текстами, с которыми она работала на предмет грамматических изысканий,

были в основном Псалтирь и Деяния Апостолов. Она их читала по-французски, по-старофранцузски, по-румынски, по-старорумынски, по-русски. Ей надо было их сравнивать и изучать. Я думаю, что эти тексты работали как-то ещё сами по себе. Ведь она не просто их читала, а погружалась во фразу, в слово, потому что мама была грамматистом, и ей важно было именно построение фраз.

И такое углублённое погружение в священные тексты не может не дать результата. Я думаю, именно так мама и пришла к вере. Её приход к религии не был каким-то толчком извне. Это было плавное вхождение в веру, когда в какой-то момент она почувствовала себя верующей. Что значит почувствовать себя верующим человеком? Это просто: в какой-то момент ты понимаешь, что Бог есть. Понимаешь это как-то изнутри, и от этого уже невозможно отказаться. А второй момент — когда чувствуешь, что у тебя с Ним есть какие-то взаимоотношения, какой-то контакт, пусть даже минимальный. Это может быть и зачаточная молитва, когда ещё не умеешь молиться и плохо понимаешь, что это такое, но уже молишься, у тебя есть это ощущение эйфории, не эмоциональной, а другой — мягкой, тёплой. Мне кажется, что у мамы было именно так — медленное количественное накопление, которое потом переросло в качественное и стало абсолютно естественным.

К тому же мама — человек предельно честный. Она была воспитана в безусловной евангельской парадигме. Свою роль сыграли и бабушка, и классическая русская и европейская культура. Например, мама никогда меня в детстве не наказывала за бытовые проступки — опоздания, сломанные вещи, невыученные уроки. Но всегда жёстко наказывала за нравственные проступки. Когда однажды на улице я, шестилетний, посмеялся над пьяненьким калекой, который ехал на доске с подшипниками, это вызвало у мамы невыразимое негодование, она пришла в состояние оцепенения, остановилась и, задохнувшись, не могла произнести ни слова. Она вела меня за руку, выдернула свою руку из моей, и я понял, что в этот момент ей физически невозможно касаться меня, я понял, что

С сыном. 3 августа 1967 год

нарушил нечто фундаментальное. Найдёте ли вы более страшное наказание чем то, когда родители не могут прикоснуться к своему ребёнку?

Мама постоянно читала мне вслух, даже когда я уже был довольно взрослым парнем — 5-6 класса школы. И только потом, годы спустя, я понял, что это был её метод воспитания. Я не рос интеллигентным мальчиком со скрипочкой. Мы жили без отца, я был дворовым мальчишкой, мы шныряли по нищему Смоленску, во время разлива вылавливали из Днепра немецкие штык-ножи, выкапывали из траншей и окопов за городом гранаты. Старшие обучали меня ругаться и отливать на костре «свинчатки». Мама далеко не всегда справлялась со мной и, желая хоть как-то оградить мою душу от разрушения, читала мне вслух Диккенса и Гюго. В нашей маленькой семье тогда ещё не

было христианства, но были христианские писатели.

Вообще у неё были жесточайшие правила насчет того, что можно, а что нельзя. Ей, например, даже в голову не могло прийти, что на электрический счётчик можно поставить «жучок» и не платить деньги «этому гнусному государству», которое отобрало у неё жильё и поселило в жуткое общежитие с клопами. Поскольку у мамы в блокаду сгорел дом, то она была поставлена на «блокадную» очередь.

Но так как мама была сиротой, а бабушка-попадья — немогущей и старой и не могла ходить по исполкомам, маму сняли с очереди на жильё. Мы уехали в Смоленск потому, что нам в Ленинграде просто негде было жить. А ей обещали, что она будет преподавать в вузе и ей дадут квартиру. Ничего не дали, кроме комнатки в общежитии. Там был у каждого свой счётчик, а готовили на керосинке и электроплитке. И эта электроплитка была очень дорогой — за неё мы платили 13 рублей в месяц. Это были безумные деньги при зарплате 110 рублей в месяц. И многие как-то «химичили», ставили «жучки». Мы жили бедно, потом, когда она стала чуть больше зарабатывать, она давала деньги своим ученикам, которые уже жили в Ленинграде и вынуждены были там снимать комнату. Мама им помогала, чем могла. Всё остальное уходило на книги.

Татьяна Щипкова, студентка филфака
Ленинградского университета. 1952 год

Это было время шестидесятников, в нашем общежитии жило много творческих людей, кто-то рисовал, кто-то музицировал, пели Окуджаву, обожали Хемингуэя, Сент-Экзюпери, Фиделя Кастро и Гагарина. К этому всему добавлялись и христианские нормы, которые служили маме нравственным ориентиром. В каком-то смысле маме было очень трудно жить, в плане бытовой неустроенности, а в каком-то — очень легко. Она великолепно управлялась ножом и вилок, прекрасно знала все правила этикета, и когда в Москве или Ленинграде мы попадали в академические дома, то она объясняла мне, что громоздить салфетки на тарелках в виде домиков неприлично, они должны находиться по левую руку в серебряном или деревянном кольце. В детстве и юности она часто бывала в доме своего двоюродного деда, академика А. А. Байкова. Это был один из известных советских ученых-металлургов, вице-президент Академии наук СССР. В Москве есть институт и улица его имени. В Ленинграде на Литейном, 10 висит посвящённая ему доска памяти и есть улица, названная в его честь. Мама помнит, как после войны Б. Штоколов пел у них в квартире, а на стенах висели акварели М. Волошина — байковского друга юности. Для неё мир науки и культуры был абсолютно естественным и родным.

И при этом у неё никогда не было зависимости от мира материального благополучия. Поэтому когда она жила в Смоленске в нищете, это её никак не задевало и не унижало. У неё были любимые книги, альбомы и пластинки. Вот где было настоящее богатство — в мире искусства. Разумеется, приезжая в любимый Ленинград, она первым делом покупала билеты на концерты. И я навсегда запомнил знаменитый скрипучий пар-

кет Ленинградской филармонии. Это был её мир, в нём она жила и думала.

Статья 206 часть 2

Маму осудили по статье 206, часть 2 (злостное преднамеренное хулиганство). За избиение дружинника. Она гостила в одном московском доме, куда неожиданно пришли с обыском и проверкой документов. Это был 1979 год. У мамы в руках была записная книжка, и дружинник попытался отнять у неё эту книжку. Мама, естественно, не отдавала. Тогда мужчина больно заломил ей руку за спину и отобрал книжку. Она дала дружиннику пощечину, хотя и пощечиной-то это трудно назвать. Она была очень маленького роста, а он высокий. И она махнула рукой и задела его по подбородку, инстинктивно, чисто по-женски. Маме было 50 лет, а ему — не больше 25-ти. На суде этот парень выступал как потерпевший. Я в это время находился в Ташкенте в армии, но мне рассказывали, что он сгорал от стыда, потому что ему читали хвалебные характеристики — комсомолец, общественник, дружинник, мастер спорта по боксу. И в суде даже не понимали этой несуразицы, не понимали, что мама, ростом метр сорок шесть, с сильнейшей глаукомой, никак не могла избить мастера спорта по боксу. Они даже не дали себе труда придумать что-либо более правдоподобное, что только подтверждало «липовость» обвинения и уголовного дела.

Вскоре после освобождения Татьяна Щипкова описала всё, что видела в лагере и тюрьме. Её воспоминания изданы отдельной книгой под названием «Женский портрет в тюремном интерьере. Записки православной».

Когда всё случилось, для неё это, с одной стороны, была трагедия, потому что она безумно любила институт, преподавание, своих учеников. Но, с другой стороны, для неё это было освобождением. Она стала свободной от идеологии, от советской лжи, в которой жил весь интеллектуальный класс. И это ощущение появилось у нас у всех. Конечно, нам было страшно, ведь мы потеряли дипломы и учебу, работу, привычный мир, многих друзей. Но мы стали абсолютно и навсегда свободными. Конечно, эта свобода имела свою цену. Меня отправили в армию, Люба была прикована к младенцу — без работы, денег, еды. Прожила абсолютно жуткие два года, пока я не вернулся. Мама — в тюрьме. При этом у нас всех была эйфория свободы, потому что мы могли теперь не только думать, но и говорить всё, что хотели и где хотели. В армии, на улице, на допросах, в тюрьме...

Но за свободу каждый платит лично сам.

La femme pauvre

Мы с женой и детьми уехали из Смоленска в Ленинград. Мама провела в тюрьме три года. После освобождения мы привезли маму к нам в коммуналку на канал Грибоедова. Больше было некуда. Но ей у нас не разрешили прописаться. Дважды её арестовывали, увозили на ночь, с предписанием в течение 24 часов покинуть город, иначе грозил повторный арест.

Мы стали её прятать. Сначала по родственникам. Когда поняли, что можем подвести их, прятали по знакомым. Потом и знакомые стали пугаться этого. Было страшно. Помогли псковские батюшки, сумели прописать её в деревне, сумели сделать

паспорт, без которого она на нелегальном положении прожила целый год. Потом постепенно ей всё-таки разрешили переехать к нам в Ленинград, и она уже жила с нами, работала сторожем-вахтером. А начиная с 1991 года стала работать учительницей французского языка в гуманитарных классах при только что открытом Богословском Институте. До 77 лет она преподавала, написала пока не изданный большой четырёхтомный учебник

Пасха. Крестный ход. Деревня
Деулино. 2007 год

французского языка, суммировав весь свой огромный преподавательский опыт. Переводила замечательного французского католического писателя Леона Блуа. К сожалению, он практически неизвестен в России. Мама перевела его великолепный роман «La Femme pauvre» («Бедная женщина»), в котором рассказывается о трагической судьбе глубоко религиозной женщины. Пока он тоже ещё не издан.

На бронзовой мемориальной доске, которая теперь висит на стене Смоленского университета, Татьяна Щипкова изображена на фоне классной доски. Нателный крестик случайно выбился наружу, как на одной из её последних фотографий. Она держит в руке раскрытую книгу, на обложке которой я вначале хотел написать «La Femme pauvre». Но жена меня отговорила, убедив написать «Les Misérables». Это название романа Виктора Гюго «Отверженные», который мама очень

любила и часто брала читать со своими студентами. Роман о чести, смирении, справедливости и христианском достоинстве человека.

*Записано и подготовлено к публикации журналистом
Миленой Фаустовой.*

*Смоленск — Москва
Август, 2012 год*

Выступление на открытии мемориальной доски Т. Н. Щипковой

Ваше Святейшество! Святейший владыка Кирилл!
Уважаемый губернатор города Смоленска Алексей Влади-
мирович Островский!
Ваше Преосвященство, владыка Пантелеимон!
Господин ректор, уважаемый Евгений Владимирович Козин!
Дорогие гости, земляки!

Мемориальную доску памяти Татьяны Щипковой от-
крыл Святейший Патриарх Московский и всея Руси
Кирилл 15 июля 2012 года. За двадцать лет религи-
озной свободы это был первый знак в России, уста-
новленный в память о христианах, пострадавших за
православную веру в годы советских гонений.

Мы собрались сегодня здесь, в Смоленске, возле универси-
тета, открыть мемориальную доску моей матери Татьяне
Щипковой, которая преподавала здесь и была подвергнута ре-
прессиям и гонениям за то,
что не скрывала своей веры,
за то, что рассказывала сту-
дентам о Христе, за то, что в
условиях идеологической не-
свободы позволила себе быть
свободной.

Физическую свободу мож-
но отобрать и отправить чело-
века в тюрьму, как это сдела-
ли с моей матерью. Но свобо-
ду верить, свободу молиться,
свободу общения с Христом
отобрать невозможно.

Мама вспоминала, как в
лагере в Уссурийском крае

юная зечка просила её записать молитву Божией Матери “Богородице Дево, радуйся!”. Девушка прятала эту молитву, опасаясь, что при очередном осмотре листочек “зашмонают”. Мама говорила ей: “Не прячь! Выучи наизусть и молча молись! Оттуда — не зашмонают!”.

Внутреннюю духовную свободу “зашмонать” невозможно. Но свободы можешь достичь только тогда, когда заплатишь за неё сам. А если за неё платят другие, то это кредит, который мы должны отдавать. Татьяна Щипкова заплатила сполна, сохранив верность Христу, Церкви и Отечеству.

Обычно такие слова говорят о мужчинах-воинах. Но они полностью относятся к этой женщине, крошечного роста, слабого здоровья, абсолютно беспомощной в житейских делах, простодушной и наивной. И при этом — необычайно твёрдой и требовательной к себе в вопросах нравственных. Татьяна Щипкова была человеком классической европейской культуры и православного мирозерцания. Заповеди блаженства были для неё ориентиром в повседневной жизни.

Я не буду вспоминать обстоятельства её увольнения и ареста, но я не могу не вспомнить тех людей, которые пострадали в тот год, но не поступились принципами, не предали свои убеждения. Потому что если меня и мою жену Любовь Щипкову исключали из института как близких родственников, то другие пострадали абсолютно безвинно. Это Елена Каптанова, студентка французского отделения, а ныне — ведущий сотрудник Поленовского музея-заповедника на Оке, это студент английского отделения Игорь Маллер, ныне — протоиерей смоленского Успенского собора, это преподаватель математики Ирина Николаевна Демидова, живущая ныне в Петербурге. Они не предали дружбу с нашей семьёй и поплатились за это работой и

дипломами. Так или иначе, это задело и других наших друзей, многих из которых я с благодарностью вижу сегодня на этом митинге.

Татьяна Щипкова изображена на фоне классной доски. В руках она держит один из своих любимых романов Виктора Гюго — “Les Misérables” (“Отверженные”), роман о чести, смирении и достоинстве, роман глубоко христианский. Она часто брала читать его со студентами. Этот портрет сделал замечательный русский скульптор, ученик и друг великого смолянина Сергея Конёнкова — Александр Дмитриевич Казачок, который приехал в Смоленск из Переславля-Залесского и сегодня находится с нами.

Установка этой мемориальной доски вызвала неожиданное и радостное для нас единодушие. Её поддержали люди самых разных, порой противоположных, политических и религиозных взглядов, представители депутатского корпуса, чиновники, общественные деятели, представители культуры. Но особенно я хотел бы поблагодарить губернатора Смоленска Алексея Островского, владыку Пантелеимона, руководство и преподавателей университета за поддержку, советы, помощь и человеческое участие.

Первый, к кому в марте этого года, ещё до Пасхи, я пришел за благословением начать работу по изготовлению и установке мемориальной доски, был Святейший Патриарх Кирилл. Он посмотрел на меня, потом на эскиз, потом опять на меня, задумался и сказал: “Делайте. Я сам приеду открывать эту доску”. И благословил.

Ваше Святейшество! Я, моя супруга Любовь и сыновья — все мы благодарим Вас за это благословение, за молитвы о нашей матери, благодарим за то, что Вы вселили в нас абсо-

Святейший Патриарх Кирилл и Александр Щипков

лютную уверенность в том, что это нужно делать. Без Вашей поддержки, без Ваших молитв мы бы не справились. Огромное Вам спасибо!

В ночь с 10-го на 11-е июля я увидел во сне маму. Мы долго разговаривали, и я целовал ей руки. 11-е июля — день её смерти. В этот день мы укрепили эту доску на стене Смоленского педагогического института, ныне университета, рядом с доской Александра Твардовского, гениального русского поэта, прошедшего раскулачивание и иные невзгоды. Именно Твардовский своей волей снял запрет говорить о репрессиях, напечатав “Один день Ивана Денисовича”.

Гонения на христиан продолжались до конца советской власти. Ученика Татьяны Щипковой, тоже смолянина — Владимира Пореша — и других православных освободили из лагерей лишь в 1986-87 годах, накануне празднования 1000-летия Крещения Руси. Мы должны помнить об этих гонениях и открыто

об этом говорить, потому что это история нашей Родины, и мы не хотим, чтобы это повторилось.

Гонения прекращаются тогда, когда мы признаём их и раскаиваемся в содеянном. Открытие этой доски — видимый знак этого признания и этого раскаяния.

Поэтому я считаю, что гонения на православную христианку Татьяну Николаевну Щипкову закончились сегодня, в тот момент, когда Патриарх Русской Церкви снял покрывало с мемориальной доски, на которой написано: “Здесь преподавала Татьяна Щипкова, пострадавшая за православную веру в годы гонений”.

Благодарю за внимание.

*Смоленск
15 июля 2012 год*

ПОЛЕМИКА

А ведь «рукопожатность» — это ещё и важное профессиональное понятие для журналиста. Не только элемент его личного кодекса чести. «Профессиональная этика журналиста» — это не просто курс учебного плана подготовки журналистов-бакалавров, «вариативная часть, обязательные дисциплины». Это обязательная часть профессии. Вариативным может быть лишь понимание этики и пределов допустимого.

Рукопожатен ли данный спикер для твоего издания? твоей аудитории? Хочешь ли ты, предоставляя ему слово, тем самым закрепить за ним его рукопожатность в публичном пространстве? Заслуживает ли он её?..

Наше время — это время событий, которые произошли только в том случае, если про них написали в новостях. Это время «звёзд», которые светят, только если их пустили на экран — телевизора или планшета. Нет доли хуже для амбициозного дурака, чем невнимание медиа и забвение аудитории. Не стоит забывать про это.

Медиарейтинг, оправдывающий появление в твоём эфире популярного спикера, отъявленного при этом мерзавца, — это опасный идол. Его любимое лакомство — журналистская совесть.

Сергей Бунтман, ведущий журналист радиостанции «Эхо Москвы», пригласил в эфир модного колумниста Александра Никонова, сторонника эвтаназии. Никонов предлагает убивать новорождённых, если у них обнаружены физические или умственные пороки. Бунтман открыто говорит о своей принадлежности христианству и католичество. И, несмотря на это, предоставил слово Никонову для популяризации его фашистской идеологии.

Христианин — не просто обозначение принадлежности к конкретной Церкви. Христианин должен отвечать за свои слова, за своё мировоззрение, за свои поступки.

На радиостанции «Эхо Москвы» работает Сергей Александрович Бунтман — образованный человек, христианин по вероисповеданию, отец четырёх детей, которых он, по его же собственному признанию, очень всех любит и которыми гордится. Счастливый семьянин и добрый католик.

Сергей Александрович на днях пригласил в эфир профессионального колумниста и профессионального атеиста Александра Никонова. Пригласил, чтобы дать ему слово в свободном «Эхе Москве». Рутинное дело этот прямой эфир — прошёл, и забыли. Да только Никонов известен ещё и как профессиональный мальтузианец. Мальтузианцы — это существа, породившие идеологов фашизма.

Это существо выползло в эфир популярной радиостанции и предложило убивать только что рождённых детей, у которых обнаружены серьёзные физические или умственные недостатки.

Так получилось, что само это существо не было убито родителями, хотя и страдает неизлечимым пороком отсутствия совести. И теперь оно ползает по газетам, радио и ТВ и рассказывает всем о том, как надо убивать детей. Оскорбляет родителей инвалидов, называя их «идиотами», а детей — «уродами».

Подобные Никонову у нравственно здорового человека вызывают брезгливость, а Сергей Александрович сказал ему «спасибо» — за то, что тот поднял «такую важную тему».

Во все времена, во всех странах существуют нравственно ущербные индивидуумы, и здоровье общества определяется не их наличием, а той реакцией, которую они вызывают. Возможность циничной пропаганды убийства детей на «Эхе Москвы» показывает, что автор программы серьёзно болен, раз некто с человеконенавистническими взглядами может публично выступать в его эфире с пропагандой идеологии, которая находится за пределами добра и зла. Разномыслие в политике, культуре, науке — сколько угодно. Но здесь нет места играм в свободу слова. Здесь все христиане мира единомыслие исповедуют: не убий!

Сергей Александрович, выпустив Никонова в эфир, Вы — христианин — уже солидаризировались с ним. Вы разделили его болезнь и сами сделались больны. И виноваты в этой болезни ни власть, ни рейтинг, а лично журналист, который никак не обозначает свою нравственную позицию, боясь этим нарушить представления об «объективности». В России уже был период, когда, боясь показаться противниками свободы, журналисты закрывали глаза на то, чему учат наших детей в школе, что они смотрят по телевизору. Вы сделали следующий шаг — Вы разрешили публично говорить о том, что некоторых

людей можно убивать просто за то, что они родились. Получается, что журналистская «объективность» становится большей ценностью, чем право на жизнь, и существо с фашистскими взглядами по итогам только этой одной радиопередачи может праздновать победу, поскольку оно побывало на эфире у образованного католика, который любит детей, хорошие фильмы, хорошую музыку — и который промолчал. Мистер Хайд одержал победу над доктором Джекилом просто потому, что лично Сергей Бунтман забыл о том, что он христианин, но отлично помнил, что он сотрудник свободной радиостанции.

Между тем, каждое такое существо, которое попадает к Вам в эфир, даёт себе подобным сигнал, что людей можно убивать, унижать их человеческое достоинство. Вы сами нарушаете все законы не только журналистской, но и человеческой этики, вводя чудовищ в пространство публичной дискуссии. Лично Вы, Сергей Александрович, несёте теперь ответственность за каждое убийство ребенка, за каждого человека, сделавшего аборт. Поскольку это в Вашей программе прозвучали слова о том, что убить больного ребенка — это всё равно что оторвать листок календаря, и что, родив через год нового мальчика или девочку, родители смогут начать жить с чистого листа.

Вы не встали и не прекратили это чудовищное словоизвержение, Вы продолжали вести эфир, никак не обозначив своей позиции. Вы умыли руки, Вы предали.

Наверное, у Вас найдутся правильные оправдания и весомые аргументы в свою защиту. А моё банальное напоминание о том, что журналистика предполагает не только свободу слова, но и ответственность перед Богом, покажется смешным и нелепым. Пусть так, но каждый день, приходя домой, Вы, Сергей Александрович, глядя в глаза своим детям и внукам, должны помнить о том, что Вы поддерживали призыв убивать чужих детей.

Москва
8 января 2010 год

**Православный кинематограф.
П. Лунгин, В. Хотиненко, А. Прошкин**

Прошло несколько лет с момента написания данной статьи — а серьезных кинематографических работ на нравственную тему в отечественном кино так и не появилось. Трудно вспомнить что-то действительно значимое, яркое, занимающее отдельное место в памяти и в сердце.

Что же касается так называемой «православной тематики» в российском кино — может, оно и к лучшему, что тематика эта в настоящий момент вышла за рамки общего, как с удовольствием произносят в последнее время, тренда. Фи лигранных искусников с тонким духовно-художественным вкусом тут еще меньше. Рассказать о Христе и о Церкви и не скатиться при этом ни в политиканство, ни в елейный официоз, ни в урапатриотическую державническую риторику — как выясняется, современному художнику непросто.

А ведь на самом деле православное кино, как автор и отмечает в предисловии к статье, — это не кино сплошь про купола и рясы. Главный герой о Боге может ни разу вслух не вспомнить — а при этом все о Нем зрителю рассказать, как Алеша из чухраевской «Баллады о солдате».

Научиться говорить о Главном, не произнося прямых определений и не прописывая очевидных формул, — это одна из граней искусства религиозной коммуникации. Современными массовыми средствами которой являются и кино, и медиа.

В 2009 году в прокат вышло сразу три фильма на религиозную тему. «Царь» Павла Лунгина, «Поп» Владимира Хотиненко и «Чудо» Александра Прошкина. Демонстрация в кинотеатрах страны этих трёх фильмов породила в церковной среде жаркие разговоры о рождении «православного кинематографа». Однако для меня «православность» определяется не столько темой и содержанием картины, сколько нравственным состоянием и мировоззренческой позицией автора. Например, один из моих любимых «православных» фильмов — «Рабочий поселок» Владимира Венгерова по сценарию Веры Пановой (1965).

Сегодня мы встретились с тремя одарёнными русскими режиссёрами: Павлом Лунгиным, Владимиром Хотиненко и Александром Прошкиным. Их фильмы — это отражение взглядов на веру и церковно-исторические процессы конкретно этих людей. Это не взгляд схимника и не взгляд церковного историка. Это взгляд художника. Ведь Христос Поленова, Ге или Иванова — это не Его Икона. Это состояние творящего. Тем более не «иконы» — те три фильма, о которых я осмелюсь высказать несколько критических замечаний.

Павел Лунгин

Начну с «Царя». Некоторые уже прозвали этот фильм «православным ужасиком», что, конечно, несправедливо. Это не ужасик. Павел Лунгин — великолепный мастер трагикомедии: вспомните «Свадьбу» или «Такси-блюз». Это картины с интонацией истеричного надрыва, водкой, льющейся рекой, очень смешными сценами и больной безысходностью. «Царь» стоит в том же ряду. Скрытая насмешка и жестокость фактуры. Неожиданные по-

рой возникают ассоциации. Смотрю работу Лунгина, а в памяти всплывает надрывно-кровавый Бабель. Какое уж тут православие! Мрак.

В своё время на роль героя, терзаемого ужасными монгольскими пытками, Тарковский пригласил Юрия Никулина. Враги мучали того, чей всенародно любимый образ десятилетиями вызывал радостный смех. От этого сцена мучительства удесят�еряла своё воздействие. Фильм «Царь» весь вышел из одной этой сцены. Лунгин использует этот прием дважды. Канонизированный почитательницами фильма «Остров» образ отца Анатолия зрителю возвращают в виде злобного психопата. Лунгин ничего не поменял в игре Мамонова. Тот так же двигается, так же улыбается, и что самое ужасное — он так же молится. Интонация молитвы повторена глас в глас. Грозный царь Лунги-

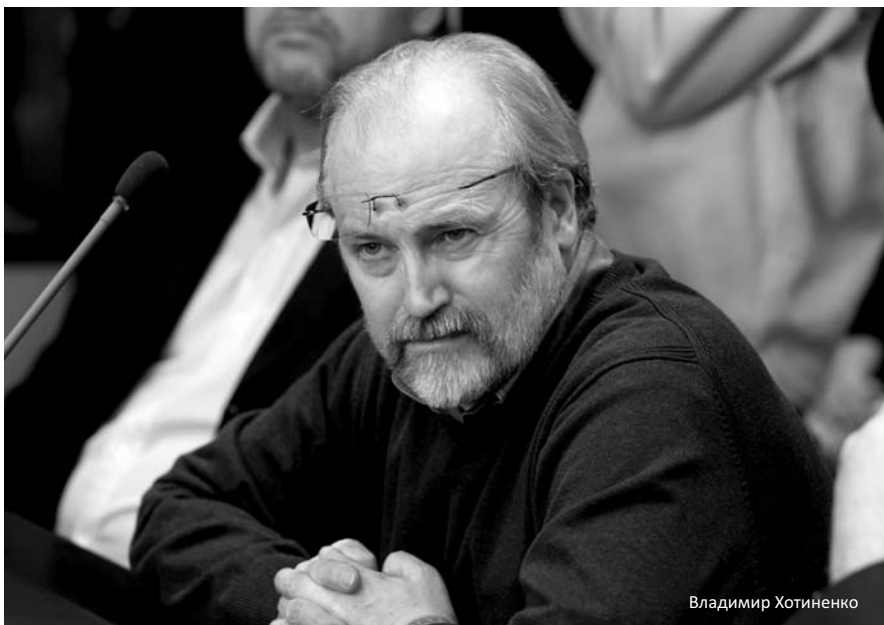
на — это пародия на аскета. Оттого некоторые чувствительные околоцерковные патриотические сообщества так болезненно отреагировали на появление этого фильма.

Лунгин играет с огнем, он не останавливается на этом. Он дразнит зрителя и дальше, заставляя священника Ивана Охлобыстина играть шута, кривляться, строить рожи. Сыграно слабо, а впечатление ошеломляющее. А всё от того, что мы знаем, что по воскресениям этот актёр совершал Евхаристию.

Лунгину после «Острова» пришлось пережить искушение учительства. Его затаскали по православным тусовкам, ему поклонялись, понуждали говорить прописные истины и рассуждать о духовности. Отрадно, что, будучи человеком тонким и умным, Павел Семёнович всё-таки вернулся в кинематограф.

Фильм Владимира Хотиненко «Поп» вызвал у меня противоречивые эмоции. Вместе с залом я рыдал от сентиментального накала. Сергей Маковецкий и Нина Усатова заслужили эти слёзы своей фантастически сделанной работой. Не влюбиться в их образы невозможно. Чего стоит сцена, когда отец Александр приносит письма от сыновей! Как матушка их берёт, как она поворачивается, как смотрит! В десять секунд экранного времени Усатова вкладывает немыслимую эмоциональную глубину. Блестящий актёрский дуэт, блестящая режиссура, безукоризненная операторская работа.

Однако на фоне восторга от образов главных героев у меня как у зрителя возникает вопрос: а о чём этот фильм? О том ли, что долг Церкви — служить своему народу независимо от политической ситуации? О том ли, что священник приближает день победы, тайно сотрудничая с партизанами, о войне в тылу врага?

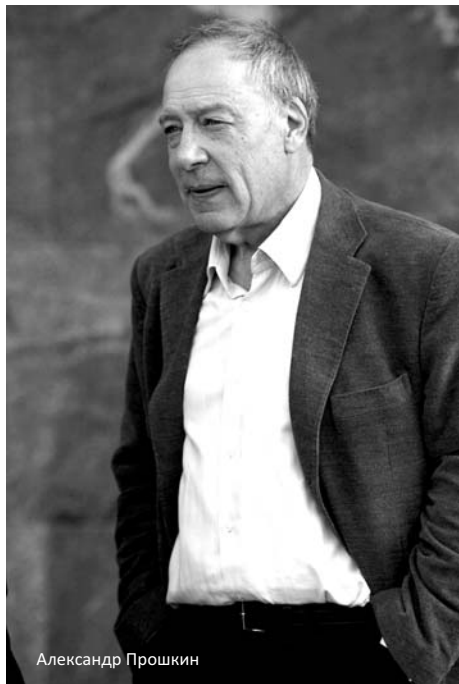
О милосердии? О святости? Вопросов больше, чем ответов. Одно очевидно — это фильм мировоззренческий, а не приключенческий. Из сценария изъята детективная линия сотрудничества митрополита Сергия с советской разведкой. Фактически нет сюжета, который обычно каркасом держит кино. В фильме отсутствует (нарочито?) драматургия. Борьбы добра со злом нет. Хотиненко с его режиссёрским опытом прекрасно это понимает, и, значит, сознательно отказывается от драматургии. Для чего? Может быть, для того, чтобы показать добродетель в чистом виде, показать, что священник должен, подобно врачу, духовно окормлять всех, кто к нему обращается, независимо от того, какие на ком погоны, звезды или свастики? Если так, то какие художественные приёмы использует режиссёр, и почему у зрителя возникает стойкое ощущение, что враги хорошие, а наши плохие?

Мы видим на экране весьма симпатичного немецкого офицера — православного, рефлексирующего, мечущегося, склонного к покаянию. Его антиподы — предатель милиционер и мерзавец НКВДшник. Немец смотрит на батюшку с симпатией и даже любовью, а НКВДшник бьёт по лицу и сажает в лагерь. Единственный, кто в фильме стреляет в сторону священника, — партизан. Немец выправляет еврейской девочке фальшивые документы, чтобы спасти её, а бывший милиционер грозит настучать на священника за то, что тот укрывает «жидовочку». Какую задачу ставил перед собой художник, вызывая у зрителя симпатию к немцам и очевидную неприязнь к своим? Это призыв к прощению врагов? Если так, то призыв удался.

Особенно талантливо снята сцена расстрела партизанами предателей-полицаяв. Пересмотрите эту сцену внимательно. Полицаи моются в бане. Они чисты и размягчены. Баня делает русского человека лучше и чище, даже полицая. Они тихи и душевно спокойны. Один из них в белоснежной рубахе идёт на реку. Тихая река, течение времени и судеб. Образ перехода от жизни к смерти. И вдруг он видит партизан и бежит назад предупредить своих добрых друзей и соратников о надвигающейся беде. Он бежит и кричит: «Нас идут убивать!». Зритель видит агнца. Через мгновение его белоснежная рубаха (такие рубахи одевали матросы «Варяга» перед своей героической гибелью) окрасится жертвенной кровью. И затем мстительные партизаны в течение нескольких долгих экранных минут методично убивают людей в белых рубахах. Разумеется, это не документалистика и не реальная жизнь. Это кинематограф, это образы. Хотиненко имеет полное право предложить молодому поколению свое авторское видение эпохи.

В связи с книгой отца Георгия Митрофанова недавно разгорелся спор о генерале Власове. Предатель или не предатель? Могу подсказать методику поиска ответа: поставьте рядом двух генералов — Карбышева и Власова. И подумайте.

И коротко о «Чуде» Александра Прошкина. Удивляюсь, как Александру Анатольевичу, человеку далеко не церковному, принявшему крещение только на съёмках «Чуда», удалось так достоверно показать весь комплекс проблем, с которыми приходилось сталкиваться рядовому священнику в послевоенное время в СССР. Нужно научиться жить в постоянном ожидании ареста, бороться с властями за сохранение храма, передать веру детям, которых «травят» одноклассники. Крестить тайно,

Александр Прошкин

отпевать тайно. Рисковать собой, женой, детьми. Сохранить веру и постоянно самому себе отвечать на вопрос — где грань допустимого компромисса? Это фильм о священнике, который живёт не по лжи. Отец Андрей — потомственный священник традиционных взглядов, с традиционным отношением к священническому долгу. Его отец был священником, и его дед был священником. И его сын наверняка продолжит это служение. На таких семьях Церковь выстояла в

XX веке. Немногие знают, что отец патриарха Кирилла — исповедник веры. И дед патриарха Кирилла — исповедник веры. Оба — священники, и оба провели долгие годы в сталинских лагерях. Мне много приходилось общаться со старым советским духовенством. Образ прошкинского отца Андрея напомнил мне их рассказы.

«Чудо» сложено из трёх новелл. История отца Андрея, история о потере любви в семье провинциального журналиста и история фантастического появления в городе Никиты Хрущёва. Вторые две новеллы меня не очень тронули, но первая, повторю, глубока и пронительна.

При всех неоднозначностях «Царя», «Чуда» и «Попа» реакция зрителя на эти фильмы показала, что в обществе существует огромная потребность в кино на нравственную тему. А это значит, что мы увидим реакцию и других кинорежиссеров на этот общественный запрос. Надеюсь, что нас ждёт не конъюнктура, а серьёзные работы.

*Москва
Январь, 2010 год*

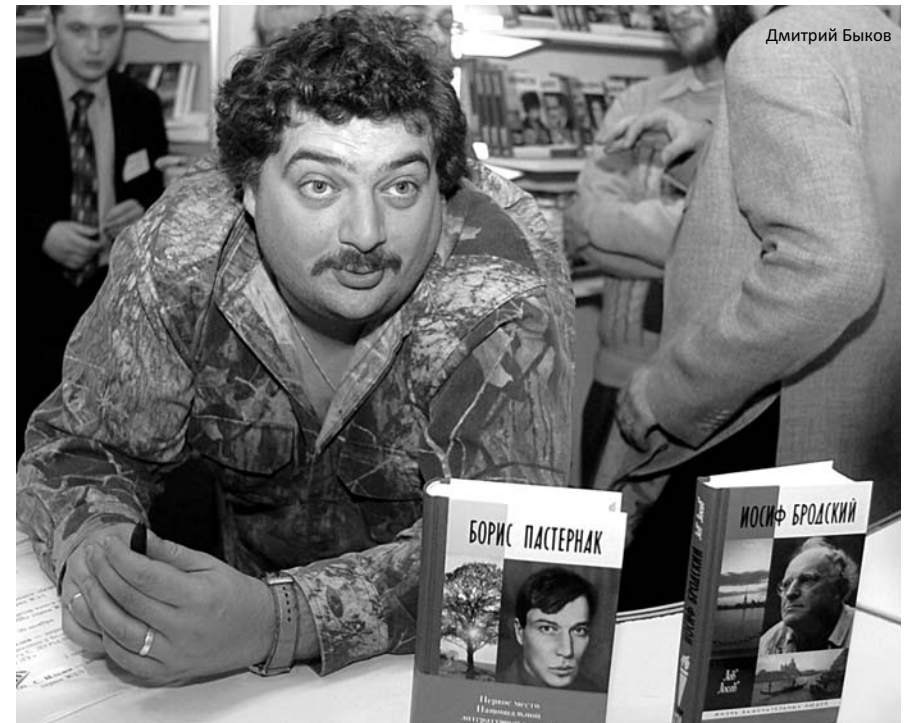
Овсянка, сэр! Дмитрий Быков

Всегда бывает досадно и жалко, когда талантливые публицисты — а таков, конечно, Быков — не удосуживаются по-настоящему вслушаться в ритм церковной жизни, но решаются при этом выносить однозначный вердикт: «и всё-то у вас тут не так! и вовсе надо было бы всё расположить по-другому, по-правильному (помоему)». Вроде и остры, и чутки, и глазом зорки, и словом метки — а церковная тематика оказывается для таких публицистов некой вязкой непроходимой субстанцией. Они начинают тонуть, и, не желая разбираться в правилах внутреннего существования в этом незнакомом мире, хватаются за первые попавшиеся штампы и стереотипные приговоры, как за спасительный круг.

Порой читаешь тематические тексты таких публицистов и думаешь: а ведь какой талантливый православный автор мог бы получиться. Как глубоко и проблемно он мог бы писать о Церкви... если бы его личные, частные, интимные взаимоотношения с Церковью были бы иными.

Но у каждого автора, у каждого журналиста — своя духовная судьба и свои законы отображения её в личном творчестве.

Одним из первых писатель Дмитрий Быков включился в антиклерикальную компанию, начатую в 2011 году либеральной частью властной элиты. Его тут же поддержали и внутрицерковные либералы. Мгновенно организовали для него круглый стол на интернет-сайте «Правмир», предоставили трибуну. «Овсянка, сэр!» — это реакция на антицерковную статью Быкова «Толоконные лбы».

Скажу откровенно, прочитав первые строки пламенного памфлета Дмитрия Быкова «Толоконные лбы», я восхитился. «Трусость», «фатализм», «пещерное суеверие», «зыбкое болото в душах». Каков, однако, подумал я, пафос! Какова стилистическая палитра! Какая смелость — взять, да и сочно харкнуть в лицо православным! Да не просто харкнуть, а как-то удивительно вовремя совпав с антиклерикальным колебанием генеральной линии.

Сочетание паясничанья с менторством — штука для «маститого» обыкновенная, главное при этом — из гражданин-поэта не превращаться в поэтхама. Быковское менторство, с ясно слышимым местами фальцетом, напоминает одного моего знакомого выпивоху. В конце 80-х, когда общество бурлило и дым стоял коромыслом, тот, надев галстук-бабочку, ходил по Арбату, громко скандируя: «Нет, нет, Бога нет!». Кто-то тихо возмущался, большинство откровенно потешалось над клоунадой. Но желающих поддержать антирелигиозный пафос как-то не нашлось. Впрочем, то было время хэппенинга. А сегодня всё очень серьёзно, без тени юмора. И с соответствующим случаю, нравоучительно-постным выражением лица: «Овсянка, сэр!».

Что же случилось с ярким литератором? Нет, конечно, регулярное писание политических памфлетов в стихах и прозе слог не улучшает. И раз, взявшись за лиру Шендеровича, с ней рискуешь и остаться. Прилипнет к рукам. Навсегда. Но всё же я уверен: это не про него, не про Быкова. Ведь в его еженедельных стихотворных колонках много чего было. И хороший юмор, и подлинная, а не вымученная злободневность.

Но сегодня в душе философа и художника что-то сломалось, услужливость возобладала над смыслом.

Памфлетист уверен: набирают ныне клиентов для воцерковления сплошь из бабушек да байкеров. Странное дело, сколько на литургии бываю, а ни разу не видел там байкеров. А ещё, откровенничает куртуазный бэрримор, иерархи у Церкви не те. Чем именно не те — не уточняет. Видно, невдомёк ему, что Церковь — это не только иерархи, а в первую голову прихожане, да простые приходские священники, труд которых — не сахар.

В храм мы ходим вообще не пойми зачем. Потому как у нас страна «трусливого магизма», а все, так сказать, верующие погрязли в язычестве. Быков точно это знает. Со всеми знаком или не шутя овладел статистикой. Подкрепляя этот тезис, демонстрируя глубокую эрудицию, он подтягивает Фрейзера и Фрейда. Только лукаво не договаривает. Конечно, ритуализм — яркая ветвь в науке. А «Тотем и табу» — вещь программная, но у Фрейда, мягко говоря, не единственная. Непонятно, как тогда быть с его последней работой «Человек Моисей и монотеистическая религия», написанной за считанные месяцы до смерти? В ней, как известно, дедушка Фрейд приходит к выводу о необходимости и неизбежности для общества религиозного базиса и об уникальной, скрепляющей людей силе традиционного христианства, о его сублимирующем потенциале. Как быть с этим завещанием австрийского светила?

Отчего же с самых первых строк Быков берёт такой низкий старт, ранее ему не свойственный? Что заставляет его стоять в столь неудобной позе? И почему интонация у него при этом такая вымученная?

Да вот же, в начале статьи и разгадка.

Оказывается, в обществе произошёл «взрыв антицерковных настроений». В самом деле? Наверное, я трагически отстал от жизни или плохо слежу за новостями. Много у нас за год случилось в обществе разных «настроений» — то на Манежке, то в Химкинском лесу. Но вот народных антицерковных что-то не припомню. Да и то сказать: разве это Церковь прокладывает для чиновников хайвэй сквозь леса, повышает пенсионный возраст, вводит ювенальную юстицию, громит образование и науку, взимает коммунальные поборы?

Так где же случились эти самые антицерковные настроения, на которых так настаивает господин Быков? А случились они, как он и сам точно знает, но помалкивает, — в околореволюционной политтехнологической тусовке. Выращены эти «настроения» для употребления исключительно нашими политическими элитами и капитанами бизнеса. Примерно как лобстеры или фуа-гра. Эта буря в стакане воды искусственного происхождения. И «настроенческие» эти высказывания вложены в уста специально обученных на то гоблинов.

Колебаться вместе с генеральной линией партии — древняя профессия, коей либеральная интеллигенция давно и в совершенстве овладела. Только ведь не всё то вздор, что княгиня Марья Алексеевна таковым считает. Вот намерении Дмитрию Анатольевичу какие-то умники присоветовали и марксовы идеи объявить экстремизмом. Удружили. Минус Маркс. Минус православие. Что же остаётся? Креатив и оптимизация? Сжатие денежной массы? Идеология одной родной единой партии? Скучно, право. И страшно. Как на одномерном дне у Даниила Андреева.

Но выборы пройдут, туман рассеется. Начнётся указанная оптимизация — да такая, что мало не покажется. И что скажет

Быков, увидев сегодняшние свои натужные и смешные антиправославные филиппики? Наверное, даже не улыбнётся над прихотливыми изгибами генеральной линии. Потому что самому Быкову эти изгибы, вероятно, приличествуют. Но что возьмёшь с художника? У художника игровое сознание и вечная весёлая относительность. Вот только лакейский выход с овсянкой — жанр ведь, прямо скажем, пошловатый.

*Москва
Сентябрь, 2011 год*

Несомненно, полноправно рассуждать об интерпретациях недавней еще эпохи могут лишь те, кто в ней жил или вырос. Проблемы шестидесятников, переживания советских религиозных диссидентов знакомы тем, кто родился «в районе Олимпиады-80», лишь по документам — да по рассказам тех, кто непосредственно переживал ушедшее время. Отсюда и расстановка акцентов се го дня. Я гляжу на прошлое глазами того, кто для меня сегодня больший авторитет, — история окрашивается для меня в такие тона, какую палитру предлагает мне мой старший многоопытный собеседник.

Но отзвуки прошлого приходят и в сегодняшний день — их несут с собой продолжатели традиций культурной жизни предыдущих поколений, наследники различных субкультур. Да и сам по себе взгляд на прошлое во многом формирует злободневный контекст.

И бывает так, что ностальгическое переживание прошлого со слов очевидцев этого прошлого оказывается для современников настолько упоительным, что с ним не хочется расставаться. На дворе сменилась погода? вовсе нет, сменилась лишь внешняя оболочка, но на самом деле над общиной до сих пор не развеялись сумрачные тучи. Облака цензуры, бюрократического давления и пропагандистской пошлой муштры — вот они, их можно заметить, стоит лишь поднять голову и поглядеть туда, на вершину властной пирамиды. И спастись от них можно лишь под знакомым потертым диссидентским зонтиком, в замкнутом полуэлитарном кругу утонченных единомышленников. Чужим нет доступа на беседы в прокуренных кухнях. На дискуссии о непростых судьбах церковной интеллигенции, которая, как ни крути, никогда не будет идти в ногу с «начетниками».

Религия уныния. Александр Архангельский

Осенью 2011 года журналист Александр Архангельский показал на телеканале «Культура» четырёхсерийный документальный фильм «Жара» про религиозные искания 70-х годов XX века. Фильм не столько исторический, сколько идеологический. Об этом я и написал в своей рецензии.

Любое мировоззренческое произведение — это в первую очередь портрет создателя. Документальный фильм «Жара» (вышел осенью 2011 года) Александра Архангельского о религиозных исканиях конца XX века интересен именно своим авторским видением. Художественное творчество предполагает возможность перевоплощения автора в лирического героя, публицистика — никогда. Если мы имеем дело с публицистическим изложением религиозного мировоззрения, то должны понимать, что это именно то мировоззрение, которое присуще автору, его возрасту, образованию, политическому пристрастию, и глав-

Александр Архангельский

ное — тому религиозному опыту и состоянию, в котором он сам находится в данный период своей жизни.

Архангельский погружает нас в душную атмосферу советской духовной пустыни, на пространствах которой возникают оазисы веры. Символика «жары» прямолинейно проста и понятна, чего автор и не скрывает. Христиане 70-х и 80-х годов представляют собой очень замкнутую, подпольную группу, в основном москвичей. Автор постоянно акцентирует внимание зрителя на тайне: в квартире за завешанными окнами и закрытыми дверями, под интершум «Маяка», для своей семьи и нескольких верующих служит литургию советский ученый и тайный священник. Знакомство с основами христианства происходит на тайных встречах в подвальных помещениях. Дети верующих не могут спокойно гулять во дворе, они лишены общения, для них создаются тайные группы и кружки. В библиотеках работают тайные монахини, в институтах и редакциях тайно думают о том, как донести до небольшого круга интеллигенции знания о религиозных практиках.

Вы думаете, этого всего не было? Было. Подтверждаю как свидетель и непосредственный участник этих «тайных соборщ». Мы организовывали религиозно-философские семинары, читали христианский самиздат, сами издавали нелегальные православные журналы. При этом наша жизнь вовсе не ограничивалась подпольной православной деятельностью. В эти же годы в стране стояли храмы и монастыри, куда мы приходили на службу, исповедовались, причащались. Их было ничтожно мало, нас не пускали в храм на Пасху, но не могли помешать прийти в обычное воскресенье. Исключали из высших учебных заведений, но не могли запретить рассказывать однокурсникам о своей вере. Судили и сажали в ИТУ, но не могли запре-

тить молиться. Моя мать, в 1980 году попав в места лишения свободы, создала там православную «школу» для просвещения девушек-уголовниц (из 3000 зечек ни одна не донесла!) и вела переписку с отцом Сергием Желудковым, который присылал ей вырезки из настенного церковного календаря. После освобождения она говорила, что в лагере эти софринские листочки давали ей главное — ощущение молитвенной связи со всей Церковью и с годичным кругом её праздников.

Церковь семидесятых была унижена и скована, но её жизнь была много шире и разнообразнее, чем просто закрытые элитарные общины в квартирах-катакомбах. Это не только упрощение, но и искажение реальной ситуации тех лет. Мы жили свободно. Благодаря приходу в Церковь мы обрели желанную свободу во Христе, рядом с которой советская политическая несвобода оказалась смешной и нелепой. Фильм Александра Архангельского, напротив, создаёт у зрителя ощущение, что вся настоящая истинная христианская жизнь шла именно в подполье. А в действительности она шла на литургиях в тех самых «сергианских» храмах, противопоставленных в фильме нашим нелегальным кружкам и семинарам.

Конечно, внутри Церкви всегда были и есть «партийные» интересы различных групп, близких по возрасту, убеждениям, образованию и даже национальности, несмотря на знаменитое «нет уже иудея, ни язычника... нет мужского пола, ни женского». В Церковь приходили люди разных пластов: хиппи, комсомольцы, представители богемы, философы-марксисты. Отдельная тема — христианизация советской еврейской интеллигенции. Некоторые из этих пластов или «партий» сами претендовали быть церковью и быстро скатывались в сектантство, как это произошло с Анатолием Береславским, Львом Регельсоном

и многими другими. Но основной поток радостно вливался в Церковь. Именно *радостно*, а в «Жаре» вообще нет радости.

Тональность картины и все её участники как бы подчеркивают, что христианство — религия печальных людей, религия скорби и уныния. В реальности же для меня, моей жены, моих друзей узнавание Христа в 70-е годы было событием восторженно радостным. Мы шумно христосовались при встречах на улице, осеяли себя крестным знамением, заведя купола. Мы вообще не прятались, мы чувствовали себя дома, в своей стране, в своей Церкви. И чихать хотели на советскую власть... Это был эпатаж, но корни его — в эйфории от той внутренней свободы, которую нам дала Церковь. У Архангельского не оказалось места ни для радости во Христе, ни для счастья в Церкви. Нам показали постаревшего и усталого Сандра Ригу и не сказали ни слова о том бесконечном юморе и веселии, которые царили в его экуменическом движении «Призыв».

Скорбный взгляд на веру имеет право на существование, но тогда встаёт вопрос о том, что отражает эта скорбь. Чего тут больше — оценки прошедшей эпохи или нынешней? Может быть, это современное религиозное ощущение самого автора? Сейчас считается хорошим тоном сравнивать нынешнее время с брежневским, с теми самыми «застойными». Намёк легко прочитывается и в фильме «Жара». Оставим в стороне политику. Нас интересует религия. Где же Церковь самого автора? В каких элитных кружках она спрятана сегодня? В каких пещерах и катакомбах? Кто те водители, которым предназначено вывести современных ищущих христиан из жаркой пустыни? И главное — куда?

Александр Архангельский — яркий публицист, общественный деятель, писатель. Авторитет Архангельского в последние

годы очень вырос. Сегодня он оказывает уже заметное влияние на ведущих церковных журналистов, которые формируют определённый образ Церкви в кругах просвещённого политического класса.

Тема религиозной жизни в СССР поднимается редко, а в теледокументалистике — вообще впервые. Ни Сванидзе, ни Млечин, ни, тем более, гламурный Парфёнов этой темы не касаются в своих телефильмах и телешоу. Широкой публике почти ничего не известно о религиозных процессах второй половины XX века. Поэтому публицист Майя Кучерская справедливо назвала новый фильм Александра Архангельского «оглавлением к огромной книге о жизни людей, продиравшихся в советские времена к вере».

Действительно, описать всё телеязыком невозможно, ведь это фильм, а не энциклопедия. Невозможно даже просто перечислить сотни знаменитых имён, принадлежавших той эпохе. А речь идёт именно о сотнях и тысячах людей, которые были вовлечены в поиск религиозных смыслов. То был процесс народный, а не элитарный, который благодаря именно своей массовости завершился освобождением Церкви. Тем не менее это очень длинные четыре часа экранного времени. Выход фильма совпал с жёстким шельмованием православия на Первом канале и НТВ. На этом фоне смысловое звучание «Жары» приобретает силу, фактически формируя на годы вперёд неверную идеологическую трактовку религиозных процессов, бурливших в дни моей молодости... с неизбежным переносом этой трактовки на день нынешний.

Москва
Ноябрь, 2011 год

Ох уж эта миссия. Сколько копий сломлено за последние годы в спорах о ее границах и возможностях. Сколько ошибок допущено, сколько перегибов. Аппетиты миссии, в интерпретации ее отдельными ретивыми рыцарями Христовыми, возведшими самих себя в «рыцарское достоинство», порой достигают невероятных масштабов. Так и хочется нажать на тормоза... вместо кондуктора, опьяненного собственными миссионерскими замыслами.

Думается, что мы дожили до времени, когда на смену количественному воцерковлению приходит качественное. И сегодня задача — уже не нагнать статистику, не дотянуть цифирь доли потенциально православных по отношению к общему числу населения страны до неких приятных взору показателей. Но — удержаться в храме тех, кто пришел туда ненадолго и раздумывает над тем, остаться ли ему или уйти и жить, как жил. Задача, как видится, именно в том, чтобы помочь таким зашедшим стать полноценными членами церковной общины. Лежит ли к этому путь через перенос даты Рождества на 31 декабря? Через богослужение на русском, скамейки в храмах, упрощение условий поста, сокращение длительности Литургии?.. Если человек действительно пришел в храм искать Христа — есть ли ему дело до того, что в новогоднюю ночь он не может есть мяса, как его неверующий коллега? Если человек пришел в храм искать «комфортного Бога», должны ли все немедленно озаботиться тем, в каком месте подстилать солому?

Неудобное Рождество. Андрей Кураев

В начале 2012 года протодиакон Андрей Кураев предложил перенести Рождество Христово с 7 января на 31 декабря, чтобы совместить его с празднованием гражданского новолетия. Объяснил это как эдакое миссионерское ноу-хау. По его мнению, это будет способствовать миссионерским задачам, которые стоят перед Русской Православной Церковью, и одновременно снимет массу проблем, связанных с желанием «хорошо отметить» Новый год и ограничениями Рождественского поста, которые данному желанию препятствуют.

На первый взгляд, в идее переноса празднования Рождества на Новый год нет ничего антицерковного, поскольку дата празднования Рождества условна и не раз переносилась. Однако живём мы в России, где существует своя собственная многовековая календарная традиция, которую наша Церковь героическими усилиями сохранила при советской власти.

Протодиакон Андрей Кураев

Для того чтобы уничтожить народ, нужно сделать всего три вещи: уничтожить или реформировать веру, язык и календарь. Повторяя опыт Французской революции, большевики начали своё правление именно с уничтожения народной веры, русского языка и календаря, поскольку календарь является одной из скреп национального единства.

Одновременно с уничтожением православия большевики осуществили реформу русской орфографии: в 1918 году из алфавита исключались буквы *Ѡ* (ять), *Ѣ* (фита), *Ѥ* («и десятеричное»); вместо них стали употребляться *Е*, *Ф*, *И*. Пропали *Ѣ* (еры) в конце слов после твердых согласных. Казалось бы, ничего не изменилось. Какая разница, как писать слово: мир или *мір*. Читатель и так всё поймет правильно, а упрощение орфографии даёт возможность быстрее обучить людей грамоте. Однако язык слишком сложный инструмент, чтобы такое упрощение проходило бесследно. Язык мы не только слышим, но и видим графически. Латиница в польском или кириллица в молдавском калечат и кардинально меняют сознание носителя языка. В середине 70-х годов Александр Солженицын говорил о том, что русский язык стремительно сжимается, исчезают целые семантические поля. Мы можем наблюдать, как стремительно упрощается словарный запас, и в результате народ перестаёт ощущать себя как единое целое, перестаёт чувствовать связь с предками и культурой. Откалывается целый пласт культуры — наш современник не может прочесть в подлиннике не только «Повесть временных лет», но даже прижизненное издание Пушкина.

Реформа, которую провели большевики, перейдя на григорианский календарь, была не менее болезненной. «Порвалась цепь времен», разрушился традиционный уклад жизни человека, так как календарь теснейшим образом связан с годичным богослужебным кругом, с церковным опытом, с ритмом духовной и повседневной жизни народа. Взлом календаря — это взлом всего психологического уклада жизни православного человека. Это делалось сознательно и целенаправленно. А ведь была ещё и попытка отменить

воскресный день и перевести нас сначала на пятидневку (1929–1931 гг.), а затем на шестидневку, которую отменили только летом 1940 года. Сюда же я бы отнес и насильственное введение ленинского «декретного» времени, к которому Дмитрий Медведев с детской беззаботностью самоуправно добавил ещё один час.

Моя прабабушка, вдова барнаульского священника, скончалась в возрасте 88-ти лет, и до самой смерти в 1968 году каждый день переводила в уме дату, пересчитывая новый стиль на старый. Поняв, что она находится не в 12-м сентября, а в 30-м августа, она успокаивалась, осеяла себя крестным знамением и поздравляла меня с именинами. Это не была блажь пожилого человека, она до смерти жила в своём времени, во времени своей Церкви, не предала его и не уступила коммунистам. В 20-е годы прошлого столетия именно протесты верующих сделали возможным для патриарха Тихона отказаться от перехода на новый стиль, который он вынужден был на короткое время принять под давлением властей. Русская Церковь осталась верна своему календарю в эпоху гонений, и именно она сохранила его, упорно печатая календари с двойными датами. Церковный календарь принадлежит области Предания, вмешательство в которое может спровоцировать непредсказуемые последствия.

Бесконечный стёб отца Андрея изрядно поднадоел. Провокативная «жириновщина» неуместна в Церкви. Эти методы «вброса» и «обкатки» экстравагантных идей здесь не работают. А если это не стёб, а серьёзное предложение реформировать церковный календарь, то выглядит эта революционная новация, мягко говоря, безответственно. Как-то Кураев в одной из своих статей подметил, что миссионерство — очень опасное служение: слишком часто приходится общаться с нецерковной аудиторией, и проповедник рискует перенять идеи, не совместимые с традицией Церкви. Похоже, что на этот раз отец протодьякон сам угодил в эту ловушку.

*Москва
13 января 2012 года*

«Не свою честь, но славу Божию».
Дмитрий Свердлов

К добру ли был сочинен Фейсбук или к худу? Возможно, не было бы его, не случился бы и этот конфликт, и много других им подобных — между малознакомыми или вовсе незнакомыми людьми, у которых в их реальной жизни практически нет поводов для пересечений и дискуссий.

Но сетовать по поводу издержек Фейсбука сегодня нелепо — социальные сети реформировали наш мир, причем не только сферу коммуникаций, но и пласт межличностных отношений. Мы начинаем формировать отношение к человеку в том числе и по его поведению в соцсети — такого не было еще пять-семь лет назад, а сегодня это — произвольная модель оценочного поведения для всех более-менее информационно активных индивидуумов. Более того, Фейсбук — это еще и невероятной силы самообличительный механизм. Мы неожиданно обнаруживаем, что именно в этом пространстве знакомый нам, казалось бы, человек проявляет вдруг такие странные, нетипичные для него черты и качества.

Мне понятны решения известных священников, однажды и навсегда ответивших положительно на измученный вопрос социальной сети «Вы действительно хотите выйти из системы?» и удаливших свои блоги.

Священник Дмитрий Свердлов прославился своими неординарными поступками. На выборах в Госдуму (декабрь 2011) в день голосования он под видом журналиста записался в наблюдатели, следил за чистотой голосования, а затем надел рясу и крест и неожиданно оборотился православным священником, шокировав публику. После плясок Надежды Толоконниковой и её подруг на амвоне Храма Христа Спасителя и их задержания весной 2012 года он принёс им извинения от имени всей Русской Православной Церкви.

Я же вступил с ним в полемику после того, как он начал популяризировать антицерковные памфлеты. Я счёл это недопустимым.

Рано утром в воскресенье, в 4-ю неделю Великого поста, священник Дмитрий Свердлов разместил в своём блоге социальной сети «Фейсбук» антицерковные стишки Дмитрия Быкова из «Новой газеты», в которых автор высмеивает православие, церковь и патриарха, поигрывая рифмами «кирилловой — горилловой».

Я попробовал представить себе священника, который собирается через час служить Литургию, а перед этим предлагает нам, своей пастве, начать воскресный день с чтения подобного текста. Может быть, отцу Дмитрию было смешно это читать,

Священник Дмитрий Свердлов

может быть, уколы в адрес священноначалия щекотали нервы перед тем, как он возденет руки перед престолом, может быть, напротив, он преисполнился горечи, страдания и слёзы текли по его лицу. Не знаю. Но священник предложил своей пастве читать это перед службой. И отправился совершать Проскомидию, молиться о нас грешных.

Отец Дмитрий — священник, я целую его руку, держащую крест.

Он не священник сам по себе, и его священство не есть его личная харизма. К священству его призвал Господь через Церковь, часть которой — я. Это мы, члены Церкви, поставили его священником. Мы ему доверяем, но и требуем от него соответствовать священническому долгу, принятому им на себя добровольно и скреплённому после «ставленнического допроса» Присягой: «своим добрым примером руководствовать других ко благочестию... Во всяком деле служения моего иметь в мыслях моих не свою честь, интересы или выгоду, но славу Божию».

Социальные сети, включая «Фейсбук», — публичные площадки, в противоположность личному дневнику, который хранится от посторонних глаз в ящике письменного стола. Сказанное здесь — это позиция, которую ты хочешь довести до широкого круга читателей и допускаешь, что эта позиция может выйти далеко за этот круг.

Именно так я и воспринял действия священника. В своём комментарии к этим стишкам я написал: «Батюшка Свердлов, поношение Церкви доставляет вам удовольствие. Это не мазохизм. Это предательство. Вы сегодня служите литургию? Поминать будете «господина вашего» Быкова?».

Он это прочёл, устроил истерику и предпринял карательные санкции — отключил меня от своего блога («расфрендил»). А потом весь вечер выдавал обиженные реплики, упрекая меня «в хамстве». Правда, испугавшись (устыдившись?), ликвидировал в своём блоге этот постыдный быковский текст. Похвальное решение.

И всё же у меня остался вопрос, ответ на который я так и не получил.

Почему отец Дмитрий Свердлов надругательства над Церковью смакует и распространяет, а личную обиду (моя реплика действительно была жёсткой и обидной) не прощает?

Ведь, принимая священническую присягу, он обещался «иметь в мыслях моих не свою честь, но славу Божию».

*Москва
26 марта 2012 год*

Enfant terrible современной церковной тусовки. Даже не столько церковной общины, сообщества, церковного организма, сколько — тусовки. Потому что всё время тусит. Это — понятная траектория проживания жизни для креативщиков и всех, кто стремится отнести себя к таковым. Соответственно, и окружение того, кто всё время тусит, должно быть тусовочным. И проблемы — такими, чтобы их можно было бы перетереть на тусовке...

Прекрасный комедийный актер. Однако чем дальше он отходит от момента принятия решения о запрещении в служении, тем больше он для всех — доктор Быков и тем меньше — отец Иоанн. Марлевая сатирическая маска-повязка все плотнее прилипает к лицу священника, который, на минуточку, священником быть так и не перестал (временный запрет в служении — это, как известно, не лишение сана).

Дитя постмодерна, Охлобыстин — это воплощение всех вычурных безумств и крайностей российской православной ойкумены на новейшей стадии её развития. Он несёт в себе черты всех известных околоцерковных субкультур — тут и риторика «батюшки на мотобайке и на рок-концерте», и поступь хоругвеносца, и цветистое политиканство, и неуёмный активизм. В каком-то смысле отец Иоанн Охлобыстин — это зеркало-калейдоскоп с постоянно меняющимися картинками. Зеркало, отражающее множественность наших собственных диагнозов.

Богемного актёра и тусовщика Ивана Охлобыстина в 1998 году пригласили вести православную телепрограмму «Канон». Статус православного в сочетании с имиджем разгильдяя и матерщинника привлекал интерес зрителей. В 2001 году он был рукоположён в Ташкенте в священника и тут же вернулся в Москву, где его ждала уже общероссийская известность. Недостаток таланта компенсировался эпатажем и наличием сана. Случаи конвертации священного сана в политический капитал известны в современной истории Церкви. Но первенство в опыте столь удачной финансовой капитализации сана целиком принадлежит Ивану Охлобыстину. Он первый.

В «Крокус Сити» под хороший фортепианный аккомпанемент миру была явлена новая политическая партия «Коалиция Небо». Её создатель Иван Охлобыстин, по его словам, готов некоторое время побыть лидером новоиспечённой партии, а затем станет её «неофициальным духовным наставником». Немного эзотерики в таком важном деле, конечно, не повредит.

Почему отец Иоанн, так пламенно выступавший несколько месяцев назад с трибуны «Лужников», только теперь решил получить официальную прописку на российском политическом поле, вроде бы, понятно. Политреформа, вызванная к жизни духом кикиморы, сняла препятствия для создания почти любой

Священник Иван Охлобыстин

партии. О появлении в скором будущем религиозных политических организаций заговорили сразу все и обильно. И вот шоумен, актёр и отставной священник решил застолбить и свою деланку на этом поле.

Каково реальное будущее «Коалиции Небо», предсказать не берусь. Но гром оваций господину Охлобыстину на первых порах, думаю, обеспечен. Как общепризнанной «иконе» нового стиля — гламур-

православия, или православия-лайт (как кому угодно). В этом крайне сомнительном качестве он давно уже собирает сладкую дань восторгов с ортодоксов, радикалов, патриотов, либералов. Он как лундир популярен и гуляет по рукам.

Другой вопрос, так ли уж свеж этот новый охлобыстинский замысел. Ведь многочисленные попытки оптимизировать церковность, приспособить её к какому-нибудь «полезному делу» мы наблюдали в последнее время неоднократно. Подобные намерения демонстрирует сегодня орден церковных интеллигентов. Популярным носителем и символом этой новейшей сакральности стал ароматно пахнущий гламурный московский священник Дмитрий Свердлов. С другой стороны, использовать православие в качестве арт-объекта на свой лад стремятся рубщики икон и плясуны на алтарях. Да, brutally. А что? Кошунство в контексте contemporary art — категорический императив. И вполне рукопожатно, выражаясь всё тем же выдержанным языком.

Отличие бывшего священника Охлобыстина от всех этих артистов постмодерна лишь в стилистике. Если либеральные политики спят и видят политический перформанс в майданном стиле в исполнении Церкви, то кредо отца Иоанна — православный национал-патриотический Империзм.

Эта громокипящая теория родилась на свет не сегодня. В общих чертах дело обстояло так. О национал-патриотизме вдруг заговорили год назад. Заговорили хором, тема стала салонной. Как раз в этот момент православный шоумен вышел в народ с новенькой идеологией. Он стоял в «Лужниках» на вершине белой пирамиды, в плаще с белым подбоем, рассекал воздух лозунгами. Имперско-национал-патриотическими, как заверяли его вольные и невольные имиджмейкеры.

Стандарт православного национал-патриотизма в его доктрине был разжёван и положен в рот слушателю. Чтобы оценить качество этого продукта, приведём пару цитат из шумно разрекламированной охлобыстинской «Доктрины 77».

«Рано или поздно нас сотрут как нацию с лица земли. Это нормально! Это по плану. Об этом нас предупреждали святые. Наша задача — победить и исчезнуть! Потому что в мирной земной жизни нам нет места!»

Или:

«Не признав, что русского народа сейчас нет, и традиций толком никаких, кроме водочного ужора, нет, не найдём мы выхода. Не откроем принципа, по которому сможем протянуть руку единомышленнику».

Если послушать Охлобыстина, то о национальных особенностях следует говорить как о наборе вредных привычек («водочный ужор»). А историческая судьба русских — это исключительно мессианство и роль прослойки между Европой и

Азией («чтобы не сомкнулись»). Ну, а православие, согласно «Доктрине», стоит понимать как набор скрепляющих общество символов, но не как идейную основу общества. Впрочем, православие в «Доктрине» занимает далеко не первое место. Империзм — вот это действительно предмет культа Охлобыстина и его поклонников. Какой именно Империзм, с какими ценностями — если не считать ритуального заклания русского народа ради какой-нибудь великой идеи, — об этом сказано более чем туманно. В самом деле, какая разница? Главное, чтобы сакральная суть была в глаза и кружила аудитории голову.

Все эти мемы навязчиво карикатурны. А их изложение отец Иоанн сопровождает тяжкими потугами на юродство. Он позволяет себе быть откровенным, словно говоря: «Смотрите. Парадокс. Я не гипнотизер, я — шут гороховый — предложил вам эстетическую концепцию, и вы, ну признайтесь, допустили возможность существования этой концепции. Это было на самых глубоких уровнях ваших чувственных реакций наравне с сексуальным, то есть в самой бездне».

Да уж, в самой бездне. Лучше не скажешь.

Больше всего максимы отца Иоанна напоминают один известный в народе культурный феномен, так называемый «перевод Гоблина». Гоблин, известный альтернативщик, искусно делает кустарную переозвучку популярных кинохитов и продаёт их по второму кругу — для потехи. Сюжетные ходы и визуальный ряд те же, отдельные слова — те же. А закадровый смысл изменён кардинально. Иногда с точностью до наоборот.

Очевидно, что такой патриотизм, какой заложили в проект «Империзм» его продюсеры, очень удобен и безопасен. При внешнем вольномыслии, когда каждый тезис нарочито «гуляет»

и «вихляется», есть в нём и чёткие установки вроде «без монархии народу не обойтись».

Возьмите вполне официальный проект «евразийской империи», проталкиваемый в одном пакете с либеральной «модернизацией». Потом сравните его с тезисами «Доктрины 77». Якобы национал-патриотическими. И найдите 10 отличий. При самом внимательном рассмотрении не найдете ни одного. У нас без Охлобыстина мало говорят об особой миссии страны? О необходимости новых жертв для очередных бюрократических проектов — неважно, модернизационных или державных? О «несходстве» с Европой, одинаково спасительном как для западника, так и для почвенника?

Очевидно и другое. Именно эта версия православного национал-патриотизма, по замыслу выпускающего лейбла «Охлобыстин и Ко», должна положить конец политическому пиратству.

Что это значит?

А то, что потенциально опасное направление мысли должно быть строго ограничено рамками канона. А канон, в частности, гласит: только инфернальное кривляние даёт идее право на жизнь. Только в таком «бонтонном» (читай: маргинальном) виде идея получает допуск... нет, даже не на политическую сцену, а лишь на театральные подмостки. Иначе — никак.

Почему? Вероятно, потому, что настоящее православие и производный от него гражданский патриотизм могут стать реальной силой. Задача Охлобыстина высмеять её и не допустить её развития.

Проект «православный актер Охлобыстин» предназначен, в общем-то, для людей критически мыслящих. Но критицизм этот — тоже канонический (читай: консенсусный). Вы считае-

те себя православным, но ненавидите официоз? Понимаю. Вы христианин, но любите смеховую культуру? И согласны с тем, что «в наше время нельзя быть пафосным и убийственно серьёзным»? Вам, батенька, сюда, к отцу Иоанну. Вот достойный образец современного священника, а равно актёра, политика и шоумена. Только такое православие допустимо в эпоху гламура и твиттеризации всей страны.

В общем, банальная оферта. Принято? ОК. А дальше, как правило, начинается представление. Ваню для порядка подёргают за фалды, осведомятся на всякий случай о том, кто такие русские и может ли империя ни с кем не воевать. Владимир Познер на Первом канале, помнится, зачем-то попросил продемонстрировать аудитории ножичек, который батюшка, как выяснилось, всё время носит в кармане. Ваня словно ждал этого момента и охотно показал то, что просили. Удовлетворив свое непраздное любопытство, Владимир Познер завершил эфир наставлением аудитории. Мол, таких, как Ваня, во власть не пущать. И Ваня тихо сошел с подиума. Как послушный ребёнок, которого отправляют спать.

После провозглашения «Доктрины 77» в жизни отца Иоанна наступил телефонный период. В линейке «Билайна» (да не сочтёт читатель это навязчивой рекламой) появился новый тариф под названием... «Доктрина 77».

Иван Охлобыстин занимает должность креативного директора компании «Евросеть». Президент «Евросети» Александр Малис тогда заявил, что неоднозначный имидж священника Охлобыстина никак не может повредить репутации компании. Кто бы сомневался. Всё, казалось, встало на свои места. Духовный сан успешно конвертировался в сценическую концепцию. Это понятно. А концепция — в телефонный актив. Ну что ж. И

это не бином Ньютона. Амбиции художника наконец-то отличились в предельно конкретную форму. Маленький свечной заводик — не последняя вещь на этом свете. Охлобыстин, впрочем, настаивает на том, что его интересуют не деньги, а идеи. И что его доктрина не является попыткой выступить в качестве промоутера ведущей компании. Что тут сказать? Как говорится, гений — парадоксов друг.

Сегодня герой Империи вновь с головой ушёл в политические заботы. Созданная им «Коалиция Небо» нуждается в неустанной заботе. Ведь наш православный патриот вновь, уже в который раз пытается донести «свой взгляд на Предназначение русского человека и будущее России». Создать-то предстоит не что-нибудь, а «партию ледяной Логике Империи и пламенной Общей Мечты!». Дело нешуточное. И «вставляет», как говорится, не по-детски... Сопровождает рождение партии специальный тапёр — некто Лука Затравкин. Цена билета, если что, от 700 до 9900 рублей. Лёд и пламень сегодня недёшевы.

Главное, что всё это мы от отца Иоанна уже слышали, и не раз. То есть буквально все, по списку. О национальной гордости и «водочном угаре». Об особой миссии русского народа, ведомой лишь имяреку. О вовремя брошенном приходе. И, конечно, об Империи — главной, по мнению Охлобыстина, народной святыне. Без Империи да без монарха и народ не народ. Знакомые истории. Что дальше? Все ходы сделаны, перекричать того, который осенью возвышался на пирамиде, вряд ли удастся. От дежавю никуда не денешься. Для скоморошьего жанра, в котором трудится Охлобыстин, повтор смерти подобен. Уж не конец ли это «творческого пути»?

Как знать. Но куда интереснее его начало.

Чтобы одним махом стать иконой нового стиля, Ване нужно было всего ничего — получить сан. Что, к слову, не так просто, если за спиной у тебя вместо семинарии — актерское отделение. Но, как мы знаем из биографии нашего героя, реинкарнация прошла успешно. Вопросов к нововоздвигшемуся пастырю не было. Говорили: Господь управил.

Духовный сан и шутовская звёздность по отдельности не значили бы ровным счётом ничего. В совокупности же делали отца Иоанна неотразимым, являя миру нечто, с чем вяжется лишь одно определение — «человек-бренд». Потом, много позже, рассуждая о своем несостоявшемся президентстве, Иван скажет: «Я заставил телевидение работать на себя бесплатно».

Но, как известно, двум богам служить нельзя. И вот когда церковные приличия превратились в тяжкие вериги для актерско-политических экспериментов отца Иоанна, тот легко расстался с обузой. С саном, приходом, паствой, служением. Сняв облачение и завернувшись в белый плащ, он пошел пасти народы пафосными мессианскими сентенциями. Под самые выборы.

Конечно, добровольный отказ священника от служения — своего рода предательство. Такими вещами не разбрасываются. Ведь за право служить священники шли в застенки, а порой на смерть. Отставной отец Охлобыстин от права служить шёл в обратную сторону. К деньгам. И в связи с этим возникает много вопросов к тому незадачливому пастырю, из рук которого отец Иоанн некогда получил сан, и к тем создателям образов, кто много лет назад сотворил «православного» Ивана Охлобыстина, вытащив убогого матерщинника в ведущие православной программы «Канон».

До поры до времени у отца Иоанна получалось совмещать эпатаж и проповедь. В истории такой тип поведения давно по-

лучил своё название — «юродство». Вот только юроды и блаженные похабы ругались миру Христа ради, сохраняя истину слова Божьего незапятнанной. Шли на унижения, рисковали жизнью. Тут можно вспомнить, к примеру, знаменитого Николку Псковского, который, перебежав дорогу экипажу Ивана Грозного, бросил под колёса кусок сырого мяса. И на вопрос: «Что это значит?» отвечал: «Ивашка постом мяса не съест, а всё человечинной питается».

Но вполне очевидно, что в охлобыстинском блюде всё наоборот. Не смех укрывает хрупкую чистоту веры. Но атрибуты православности, вовремя подставленные слова из Писания прикрывают выморочный пафос громогласных вселенских идей. Медь звонкую, кимвал бряцающий. И выглядит охлобыстинская кривляющаяся проповедь жутковато. Словно глаголет с какого-то амвона косолапый Тартюф. Подлинного, светлого юродства тут нет ни грана. Есть нечто другое. Расчётливое безумие.

Под громовые раскаты лозунгов энергия нации уходит в песок. Может быть, как раз поэтому так любят лицедреть Охлобыстина? Как самого забавного фрика. Как ручную обезьянку. Любят зачастую люди совсем из других идейных сообществ, далёких от патриотических.

Хорошо, удачно, безопасно — когда национальное чувство и национальная вера надёжно похоронены в гламурной упаковке, в игривой жантильной беседе. Как и многое другое. Когда на устах у народного трибуна — всё, что только можно себе вообразить.

Как бы Церковь. Как бы патриотизм. Как бы русские. Как бы Россия.

*Москва
25 апреля 2012 год*

В России религия, наверное, всё чаще будет становиться объектом политического манипулирования. Материалом для политехнологических экспериментов. Церковь, становясь всё более активной общественной силой, в каком-то смысле сама «провоцирует» политехнологов на попытки использовать «фактор веры», религиозный выбор и ориентиры людей в интересах заказчика.

Да вот беда: большинство попыток приобрести себе политические дивиденды за счет игры на религиозном поле, включения религиозной темы в собственный техничный сценарий заканчиваются «пшиком». Почему? Думается, основная причина — катастрофические пробелы в базовом богословском образовании у доморощенных «политехнологов с конфессиональным уклоном». Они берутся с серьёзным видом рассуждать про сферу, законы существования и внутренняя логика которой для них малопонятны, даже на самом элементарном, азбучном уровне. Поэтому их поползновения развернуть серьёзную интеллектуальную дискуссию по религиозно-политическим вопросам не приводят к полноценным результатам. И оставляют впечатление скорее чего-то искусственно раздутого, слишком суррогатного, слишком неестественного и неприменимого к российским общественным условиям.

Одним словом, всем социальным экспериментаторам, пытающимся использовать в своих стратегических схемах религиозную тематику, не мешает для начала пройти обучение по базовому курсу «Основ православной культуры». Знание матчасти ещё никому никогда не мешало.

«Религиозный Кодекс» раскачивает лодку. Михаил Прохоров

По заказу олигарха Михаила Прохорова сотрудники Высшей школы экономики разработали для верующих граждан России специальный «Религиозный кодекс», который презентовали осенью 2013 года.

В презентованном «Религиозном Кодексе» Михаила Прохорова немало сомнительных мест. Например, его авторы усилено декларируют принцип «нейтральности» государства, но в самом документе многое этому принципу не соответствует. Начиная с того, что разрабатывался Кодекс под эгидой «Гражданской платформы» — политической партии, пытающейся эксплуатировать атеизм в политической борьбе за власть.

Утверждение «государство не должно вступать в выборочные альянсы с конфессиями» само по себе верно. Но куда же делись приверженцы других идеологий? Получается, например, что с ними — атеистами — вступать в альянс кодекс не запрещает. Принципы свободы совести, таким образом, явно нарушены. Объект «регулирования» определён избирательно. Ведь в России нет отдельного «кодекса для бизнесменов», «кодекса для атеистов» и других групп.

Теперь о технологиях, предлагаемых прохоровским проектом. Одна из них — это создание системы мониторинга поведения верующих. Например, механизмов «количественной статистики» и «комплексной качественной оценки тенденций и процессов в религиозной сфере». В переводе с социологического языка на граждан-

ский это означает, что некая экспертная группа будет определять, менять и озвучивать социальный рейтинг религиозных организаций в России. А как же остальные общественные организации? Они, по мысли авторов, в мониторинге не нуждаются.

Для определения численности верующих предлагается использовать специальные налоговые отчисления в пользу «религиозных организаций». Это ни что иное как налог на веру. Причём взимаемый не по желанию самих религиозных организаций, а по решению властей.

Странностей, бросающихся в глаза при самом беглом знакомстве с тезисами прохоровского «Кодекса», вполне достаточно, чтобы понять его абсурдность. Воспринимать его всерьёз как основу для какого бы то ни было законопроекта, конечно, невозможно.

Но интересны истоки и предпосылки этого документа.

Активным лоббистом прохоровского кодекса выступает депутат ГД Илья Пономарёв, совершивший идеологический скачок от КПРФ через СР до Гражданской платформы. Он, в частности, заявил: «Растёт пропасть между либеральной общественностью и воцерковленными людьми и назрела необходимость что-то менять в правовой сфере».

Заявление, по меньшей мере, спорное.

Во-первых, «Кодекс» не снял, а лишь усилил конфронтацию в обществе. Во-вторых, неверно определены стороны конфликта. Вообще сравнивать либеральность и воцерковленность — всё равно, что сопоставлять синее с тёплым или мокрое с ква-

дратным. Строго говоря, либеральность — это политическая категория, а воцерковленность — отношение к религии.

Но Пономарёв не случайно произносит то, что произносит. Сводя и противопоставляя эти понятия, он невольно признаёт, что религиозность в России уже давно воспринимается как общественная позиция. Поэтому и критикуется она не из «светских», как утверждают авторы «Кодекса», а из политических соображений.

В пользу политической подоплеки «Кодекса» говорит и тот факт, что с основным докладом по нему выступил политолог, профессор Высшей школы экономики Святослав Каспэ. Это даёт понять, с какими тенденциями в российской политике и экономике сцеплена прохоровская инициатива.

Не случайно и выделение в словах Пономарёва из числа разных верующих именно «воцерковленных». Это значит, что острее «Кодекса» направлено в основном против православных как наиболее многочисленной религиозной и социальной группы в России. Что вполне объяснимо. Вопреки неолиберальному курсу, активно поддерживаемому ВШЭ, Православная Церковь выступает против общества тотальной конкуренции. Вот к этому идейному конфликту и следует сводить предмет полемики, а вовсе не к борьбе «клерикального» и «светского», как хотелось бы утверждать авторам проекта.

Как ни крути, Русская Православная Церковь — единственная влиятельная общественная сила, которая выступает от имени моральных ценностей и социальных приоритетов в обществе. В её активе «Социальная концепция», эту позицию подробно раскрывающая. Остальные организации и движения в России на сегодняшний день либо менее влиятельны, либо придерживаются иных взглядов. Не случайно социологи насчитывают в стране от 60 до 80% процентов людей православной идентификации.

Что же представляет собой проект Гражданской платформы и Высшей школы экономики?

Он, вне всякого сомнения, отражает узкие интересы «креативного класса» — ущербного российского аналога западного middle class, который в своём классическом виде в России существовать не может из-за огромного социального расслоения. Но отнюдь не большинства российского населения, которое выступает против тотальной конкуренции и отхода от традиционных ценностей.

Истоки конфликта между «либеральной общественностью» и нелиберальным обществом, куда входит и Церковь, конечно, имеют мало общего с тем, о чём так упорно твердят создатели «Кодекса». Дело совсем не в том, что Церковь пыталась или пытается влиять на государство. А в том, что неолиберальные политики, коль скоро им не удалось подчинить себе Церковь, стремятся присвоить понятие «светскости» и сделать его частью своей политической программы.

Но, разумеется, вкладывают они в это понятие атеистическое содержание, что ясно показывает партийная инициатива Прохорова и «Гражданской платформы». Современный атеизм заключается не в утверждении, что Бога нет. А в том, чтобы лишить Церковь общественной трибуны, предоставляя её, тем не менее, другим.

Интересно посмотреть, что скажут другие либеральные партии. Вероятно, «Яблоко» присоединится к Прохорову, но пока неизвестно, как поведёт себя движение Навального. Одно ясно: антирелигиозные инициативы в России (не только прохоровская) имеют не «светский», а сугубо политический характер.

Причём принципы светскости попираются её мнимыми поборниками. Ведь трактуется понятие светскости не в соответствии с мировыми стандартами, не как разделение функций светской и духовной властей (ср., напр., соответствующее по-

ложение Конституции США), а в духе ленинских декретов. То есть как отделение Церкви от народа.

Обнаружить и выявить это противоречие была призвана инициатива Межфракционной депутатской группы в защиту христианских ценностей. Появилась она ровно тогда, когда стало ясно, что «платформа» и «вышка» ведут разговоры об отселении верующих за «правовую черту осёдлости». И что это не просто желание дискутировать и обсуждать вопрос с обществом, а серьёзное намерение вмешаться в текст Конституции.

Как только стало известно, что «Религиозный кодекс» готов, и Прохоров обзавёлся Пономарёвым для продвижения кодекса в качестве законопроекта в Думе, появилась встречная инициатива. Межфракционная группа предложила отразить строкой в законодательстве особую роль православия как социально и культурообразующей религии России.

Ясно, что эта инициатива стала прямой реакцией на инициативу Прохорова. После столкновения двух инициатив возник клинч.

Ситуация зашла в тупик. Но при этом совершенно очевидно, что сторона Прохорова нападает, а противоположная защищается. Дальнейшее настаивание на дополнительном регулировании жизни верующих в России лишь возбуждает гражданскую конфронтацию.

Развитие данного сюжета показывает абсурдность прохоровской инициативы и означает её политический провал. Продуманный симметричный ответ Межфракционной группы парализовал законодательное продвижение «Религиозного кодекса» и Прохорову ничего не остаётся, как признать тактическое поражение и молча согласиться на «нулевой вариант», на котором наверняка будет настаивать Кремль.

*Москва
Ноябрь, 2013 год*

Одно из важных качеств настоящего журналиста — умение смотреть на происходящие процессы по возможности объективно. Конечно, невозможно, да и не нужно, обозревать мир исключительно нейтральным взором безо всякой полярности; предвзятость, обусловленность оценки — это качество личности с определённой сформированной жизненной позицией. Однако умение освобождать собственное мышление от штампов, умение вслушиваться в тезисы противоположных сторон, чуткость в восприятии другого — качество, характеризующее профессионального журналиста, которое надо стремиться в себе развивать. Именно для того, чтобы не идти на поводу у штампованных характеристик, которыми некоторые творцы идеологических трендов склонны награждать новых нестандартных игроков политического поля, не вписывающихся в их привычную парадигму мышления.

Настоящий журналист — это не ксерокс, копирующий чужие интерпретации происходящего. Настоящий журналист — автор собственных оригинальных объяснений той жизни, которая происходит вокруг.

Министр культуры нового путинского правительства Владимир Мединский — писатель, публицист и историк. Стоит на государственных позициях. С первых же дней на новом посту он столкнулся с остракизмом со стороны коммунистов и либералов.

Не бывает настолько плохо, чтобы не могло стать ещё хуже. Это я о состоянии политической и медийной тусовки, чьё помрачение, сам того не желая, ухитрился обнаружить Владимир Мединский, назначенный в мае 2012 года министром культуры.

Я, конечно, знаю, что послужной список нового министра изначально давал массу поводов для подозрительных ухмылок. Судите сами. Человек долгие годы занимается политическим пиаром, а потом принимается писать книги по истории. Да не какие-нибудь, а, так сказать, «разоблачения наоборот». То есть ведущие подкоп под ту традицию популярной истории, которая занимается обоснованием вечного исторического статуса России как failed state.

Попытка разоблачать разоблачителей где-нибудь в Германии или Франции, вероятно, была бы оценена по достоинству. И легла бы на полагающуюся полочку в массиве работ по «нормализации истории». Именно таким термином принято называть это в цивилизованных странах. Но только не в России. Попытки Владимира Мединского поставить под сомнение не-

сколько исторических штампов вызвали у части публики нездоровое возбуждение, перешедшее затем в свист и улюлюканье в стиле уездной гопоты.

Я не оцениваю сейчас научную ценность работ Мединского, как и работ его идейных противников — скорее всего, они пребывают примерно в одном ранге, а главное — в одном жанре. Тем более любопытно было наблюдать, как реакция некоторых либерально мыслящих публицистов и комментаторов на творчество автора «Мифов о России» становилась всё менее отрефлексированной и всё более физиологичной. Тот эпизод, казалось, закончился, страсти улеглись. Но ненадолго.

Владимира Мединского назначают на государственный пост — и уже одно это, вне всякой связи с его будущей политикой как министра, вызывает у ряда медийных пикейных жилетов очередное дрожание левой икры. Абсолютно рефлексаторное.

А между тем сам Владимир Мединский, похоже, не собирался долго отсиживаться в окопе и осваиваться на новом месте. С места и в карьер он сделал как минимум два резонансных заявления. Первое касалось переименования улиц и захоронения тела Ленина согласно христианской традиции. Другое было публичной просьбой к главе телеканала НТВ Владимиру Кулистикову снять с показа фильм «Служу Советскому Союзу». Фильм подаёт тему войны в ультрамодной шансонно-блатной аранжировке. На киношансон могли обидеться ветераны и их семьи, тем более что показ был назначен на 22 июня.

Что было дальше, легко угадать. Министр Мединский получил две отповеди, произнесённые практически в унисон. Одну от лидера коммунистов Геннадия Зюганова, который не поленился написать в подручную «Правду» открытое письмо под названием «Министр бескультурия».

Другая отповедь исходила от Владимира Кулистикова, который использовал для ответа переделанный вариант известного текста Юза Алешковского «Товарищ Сталин, Вы большой учёный...», предварив его прямым обращением к министру.

Куда серьёзнее вопрос о соответствии фильма «Служу Советскому Союзу» элементарным общественным приличиям. Уродливая история о молодцеватых зеках и шкурных энкавэдэшниках, убоявшихся нацистов. Урки победили фашизм. Ничего более гнусного придумать было нельзя.

Что мы имеем в данном случае? Ситуация вроде бы облегчается тем, что речь идет о кино. Сюжет вымышленный, ситуации искусственные. Тем не менее любой сюжет в таком фильме служит метафорой исторической реальности. Создатели фильма

объективно создают впечатление, что помимо невинных зеков и подлых вертухаев, в СССР никто особенно и не жил, а если жил, то не может быть сегодня интересен.

Словом, совет министра был совершенно правильным. Достаточно поставить себя на место любого фронтовика, чтобы это понять.

Почему больших медианачальников хлебом не корми — дай только вызвать раскол и смуту в умах телезрителей, более или менее понятно. Ситуация вялотекущего скандала — их естественный климат. У них от этого рейтинг отрастает большой.

Но если присмотреться к заявлениям Мединского, мы увидим интересную закономерность. Министр культуры выступает — внимание! — как будто с нескольких позиций. Если спрямлять, то в истории с Мавзолеем он на стороне «белых», а в истории с фильмом — на стороне «красных». Странно? Нисколько. Может быть, истинная позиция этого министра — не разделять, а мирить и объединять? Именно поэтому он стремится, чтобы «никто не ушёл обиженным»? Если так, то цель вполне достойная.

Но ещё интереснее другое. Мы живем в удивительном мире политического Зазеркалья. Казалось бы, история услужливо предоставляет нам готовые амплуа. Вольнодумцы и свободолюбцы должны быть малозаметны и выполнять правила конспирации. А держиморды из жандармерии — выявлять их, разоблачать, тащить за шиворот пред светлые очи государевы. А что имеем в наличии? Стилистические штампы явно расходятся с политическими реалиями. «Певцы свободы» никак не становятся мишенями для осмеяния и провокаций — наоборот, самозабвенно составляют осмеяния в стихах и сканда-

лят в эфире. А «жрецы насилия» вопреки всем театральным правилам становятся жертвами травли. Парадокс, но тем не менее.

Осмеяние и травля сегодня — одни из самых узнаваемых приемов либеральной жандармерии. Которая, что бы там нам ни говорили о цензуре, реально окучивает в стране абсолютно всё идеологическое поле.

*Москва
Июль, 2012 год*

Можно ли называть кого-то из политических лидеров постсоветского пространства по-настоящему православным политиком? Можно ли доверять кому-то из нынешних руководителей бывших союзных республик с точки зрения тех гарантий, которые они обещают Православной церкви в «мирные», относительно стабильные для них периоды реализации своих полномочий? Какова доля конъюнктурности в этих обещаниях? И не окажутся ли они в мгновение ока забыты при изменении курса, при появлении на горизонте партнеров с альтернативными духовно-идеологическими установками?..

Эти вопросы всплывают постоянно при наблюдении за развитием церковно-государственных отношений в странах СНГ и Балтии последних лет. И эти вопросы ставят Церковь, представителей церковного управления перед необходимостью освоения особой тактики взаимоотношений с государственными властями. Тактики постоянного бдительного бодрствования при выстраивании диалога с государством в деле обеспечения различных прав верующих. И стратегии обеспечения особого статуса Церкви как субъекта гражданского общества и как старейшего традиционного общественно-го института одновременно. Интересы которого должны быть защищены законодательно вне зависимости от того, какой прогноз политической погоды был объявлен поутру.

Ватикан и «модернизация» православия. Александр Лукашенко

Накануне празднования 1025-летия Крещения Руси президент Белоруссии Александр Лукашенко раскритиковал православие. И я задумался: а не решил ли «батя» повернуть свою политику в сторону Ватикана?

Русские православные патриоты носятся с Александром Лукашенко как с писаной торбой. Очень уж они любят приводить его в пример как охранителя религиозных ценностей. На самом деле это глубочайшее заблуждение.

Накануне празднования 1025-летия Крещения Руси Лукашенко потребовал у Русской Православной Церкви «модернизировать» православие, заявив, что службы и проповеди у нас неприлично долгие и непонятные.

За последние пятнадцать лет я неоднократно бывал в Белоруссии. Общался с православными, которые настроены пророссийски. Встречался с православными белорусами-националистами. Говорил с униатами и латинянами, выясняя, какие религиозные направления поддерживает оппозиция, а какие — действующий президент. И, к некоторому своему удивлению, особой разницы не обнаружил. Уже тогда мне стало абсолютно ясно, что Лукашенко — никакой не защитник православия. Чуть только заколеблется политический флюгер — и он открыто повернёт в сторону Рима.

Смотрит он в эту сторону и сейчас. В столице восточной Белоруссии — Витебске — за последние годы при живом и здравствующем Александре Лукашенко один за другим открываются католические приходы. А поскольку режим в Белоруссии, как ни крути, авторитарный, то открытие каждого прихода согласовывается на самом-самом верху. Между тем православный Витебск — это не полонизированный Гродно. Он находится всего в сотне километров от Смоленска.

Активную прокатолическую политику Лукашенко начал вести лет 5-6 назад, вот только в России почему-то долго не обращали на это внимания. А напрасно.

Сегодня позиции Лукашенко в области религиозной политики неожиданно получили четкую артикуляцию. И одной иллюзией стало меньше.

Разумеется, настойчивые предложения перевести православную службу на современный русский язык, а время богослужения сокращать, довольно нелепы. Тем более что мотивирует Лукашенко свои горячие пожелания некими «требованиями времени», непонятно кем и с какой целью сформулированными, но которые сам Александр Григорьевич как бы медиумически нам транслирует. В тренде категорического императива секуляризма.

В сущности, «батька» говорит абсолютно то же самое, что в России говорят антицерковные либералы. Нет сомнений — и он, и они черпают из одного источника.

Не берусь сказать точно, почему заявление президента Лукашенко прозвучало именно сегодня, а не год назад. Но, по всей видимости, празднование 1025-летия Крещения Руси сыграло здесь не последнюю роль. Ведь это мероприятие только на первый взгляд предсказуемое и официально-триумфальное. На самом же деле «1025» — символическая дата. На её фоне многое, что было раньше не так очевидно, проявляется гораздо ярче.

Столкновение намерений и конфликт интересов сегодня видны как на ладони. Картина как будто бы сама собой наводится на резкость. Конечно, это не простая случайность. За такими датами стоят вещи мистические. Они заставляют людей говорить то, о чём раньше они предпочитали молчать. То же самое, кстати, происходит сегодня и на Украине.

Вот только нет ли со стороны белорусского лидера стремления быть святее самого Папы Римского?

На месте Франциска I я бы очень внимательно посмотрел на действия Ватикана в Белоруссии. И трижды подумал бы о том, стоит ли продолжать здесь политику, которую начали его предшественники.

Дело в том, что Белоруссия — моноэтническое государство. Здесь нет Кавказа, Татарстана, Тувы. И разыграть в целях дестабилизации страны национальную карту, как это делается «партнёрами» в России, практически невозможно. Единственное, посредством чего можно попытаться расколоть белорусский народ, — это именно межконфессиональная рознь.

То, что происходит в стране в последнее время — безусловные шаги в данном направлении. Очень опасные шаги. Безрадостный финал такой политики можно предсказать уже сейчас. Дело кончится серьёзным противостоянием.

Поэтому «батька Лукашенко», какие бы необоснованные надежды ни возлагали на него наши православные патриоты, вряд ли их оправдает. Его действия укладываются в отчетливый вектор католизации православной Белоруссии.

А между тем, папа Франциск заявил во время своего визита в Бразилию, что призывает молодёжь выходить на улицы и сопротивляться глобализму, навязыванию обществу культа содомии, защищать традиционные ценности, прислушиваться к мнению старших.

Призыв сопротивляться греху, агрессивной секуляризации, призыв к бескровному бунту — всё это хорошо. Папа Франциск хочет, чтобы молодёжь встала на защиту Церкви. Надо, чтобы и в России молодёжь защищала Церковь своих отцов, что, конечно, ведёт к определённом политическому напряжению между народом и властью. Но тот конфликт, который может разгореться в Белоруссии, — это, увы, конфликт совершенно

другого характера. Это будет противостояние не христиан и их гонителей, а христиан между собой — православных и католиков. На самом деле нам с католиками сегодня необходимо солидаризироваться, чтобы совместно дать отпор происходящему в Европе. Например, легализации содомии, которую насаждает во Франции президент Олланд. В этом важнейшем вопросе РПЦ оказывает католикам поддержку, о чём неоднократно говорил Патриарх Кирилл.

И в этот самый момент в Белоруссии стремятся сравить католиков и православных между собой. Иначе как предательством общего дела такие действия трудно назвать.

*Москва
Август, 2013 год*

Когда некое явление не уместается в твоём мозгу, проще всего пренебрежительно провозгласить: «как это глупо!». Так, художественная публицистика М. Кантора сегодня просто-напросто не по зубам слишком многим. Далеко не все оказываются в состоянии интеллектуально переварить его тексты — однако интуитивно чувствуют вызывающую определённую канторовскую позиции и ошестиваются в ответ. С кондачка нарекают «посредственным» многослойный историософский роман, в котором содержится прямой вызов конкретной идеологии, — хотя на самом-то деле не смогли одолеть и трети книги. Только никогда не признаются — ни в своей индивидуальной неспособленности к чтению серьёзной современной философской художественной литературы, ни в отсутствии в собственном кругу авторов такого же масштаба, которых можно было бы гордо предъявить во фронт со словами «да что там ваш Кантор! Вот на самом деле — величина!...».

«Красный свет» особо не уложишь в привычный формат мышления медийных ресурсов класса, не вполне оправданно называющего себя креативным. «Он слишком непонятен, этот Кантор, и в этом — его основное преступление перед всеми нами».

Весной 2013 года состоялась публикация романа Максима Кантора «Красный свет». Под большим секретом и под честное слово «нераспространения» Максим прислал электронный вариант романа мне в Москву и ныне покойному Виктору Топорову в Петербург. Роман невероятно интересный, не столько про историю людей, сколько про историю идей XX века. И я предложил автору написать и опубликовать рецензии ещё до публикации самого романа. Максим посомневался, но, в конце концов, я его убедил. И мы с Виктором Топоровым сделали рецензии. Виктор для «Известий», а я для «Эксперта».

Узок круг независимых интеллектуалов. Максим Кантор принадлежал к нему давно, но широкая публика узнала об этом в 2006-м, когда вышел его «Учебник рисования». Книга была посвящена давно назревшей деконструкции интеллигентских мифов, что не могло не вызвать скандала. В России (в отличие, например, от США) такие высказывания приравниваются к крамоле. К тому же Кантор, будучи по первой и основной профессии художником, видел нравы арт-тусовки изнутри, и ему было что сказать на тему интеллигентского лакейства и скупки художников новым режимом.

Картина предательства интеллектуалов получилась убедительной. «Учебник» вошёл в первую книжную пятерку «нуле-

вых», а кое-кто назвал его главной книгой десятилетия. Но дело было не только в пресловутой памфлетности «Учебника». Задача ставилась шире: написать нечто в традициях марксова «Капитала». Только при этом, как подчёркивал автор, «мотором исследования будет не прибавочная стоимость, не товарный фетишизм, а художественный авангард, эстетика». Поскольку искусство и политика в новой России были связаны по самое некуда, то есть ничуть не меньше, чем в эпоху госзаказа, эстетический сюжет у Кантора закономерно переходил в социально-политический.

Можно сказать, что Кантор взялся за разработку политэкономии новейшего искусства. Фокус заключался в том, что

у нас, в отличие от Запада, никто вплотную и систематически этим не занимался. Причина проста: тем, кто потенциально мог бы это делать, пришлось бы свидетельствовать против себя. И своего круга. Именно так в России рождаются негласные табу.

Кантор со своим «Учебником» попал в самый центр болезненного сознания российской интеллигенции. Разворошил муравейник. Поэтому даже в период его колумнистской деятельности остаётся немало тех, кто не может простить автору этого разоблачения.

Поиск политических корней искусства Кантор продолжает в книге «В ту сторону» (2009) и в последнем романе «Красный свет», который я только прочёл и нахожусь под свежими впечатлениями. Здесь симбиоз эстетики и политики рассмотрен в несколько ином ракурсе. На первом плане — уже не политэкономия искусства, но скорее исторический психоанализ, ярмарка политических идей, которые описаны Кантором со страстью колумниста и педантичностью репортёра. Среднестатистический читатель, находящийся во власти стереотипов, навязанных ему медиа и школьным курсом, найдёт в «Красном свете» много неожиданного.

Например, Кантор рассматривает XX век не как противостояние свалившихся с неба «тоталитарных режимов», а как продолжение большой европейской гражданской войны. Указывает на глубинный конфликт европейского сознания, который можно для краткости обозначить как «идеи 1914-го года» против «идей 1789-го», но который восходит ко времени Тридцатилетней войны. Это идея обычна для западного консерватора. С концом эпохи толерантности и мультикультурализма она набирает силу в Европе — но не в России. У нас подобные суждения

всё ещё вызывают бурю негативных эмоций у тех, кого принято называть рукопожатной или «изрядно порядочной» публикой.

С изучения трагикомического феномена российской «рукопожатности» роман и начинается. Место и время действия — банкет у французского посла, неуловимо напоминающий знаменитый салон Анны Павловны Шерер. Здесь происходит такое же обнажение нравов, как в «Войне и мире», но в первую очередь политических, при этом вместо «спасителя» Буонапарте — либеральные ценности.

Кантором выведена целая галерея светских персонажей, за которыми легко угадываются прототипы: редактор модного сетевого журнала Фрумкина, модный журналист Бимбом, пожилой политик Тушинский, молодой политик Гачев, крупный предприниматель Панчиков, адвокат Евгений Чичерин, Господин Пиганов, демократ и лидер оппозиции... И вот на этот пир духа случайно попадает странная личность, никому не известный следователь Петр Яковлевич Щербатов. Этот «подозрительный» субъект не знает, как пить сотерн, а главное — сомневается в общепринятой концепции Большого террора и в том, что Ленин был немецким шпионом. Демократия в опасности!

Назревает крупный скандал. Коллективная душа интеллигентского бомонда негодует и видна как под луной. Гости наперегонки произносят тирады. Описание светского раута переходит в театр абсурда. Но затем пространство романа расширяется. Читателя погружают то в декорации Второй мировой, то в смутные девяностые.

В новой книге Кантора хватает суждений, способных вызвать неприязнь у рафинированных либералов. Например, о надуманности конфликта между демократией и тоталитаризмом. Или о том, что нацизм есть неизбежное следствие капитализма

и представительной демократии (если обойтись без подтасовок при подсчете голосов), а христианский этатизм куда более открыт и человеколюбив.

Кантор описывает крушение советской империи, но в то же время говорит о безвыходности тупика, в котором оказался Запад. Со временем правящим элитам придётся пустить под нож и откормленный в пику советскому «тегемону» средний класс, и священные ценности демократии-толерантности-политкорректности. Когда война цивилизаций рвётся в Европу на плечах миллионов беженцев, тут уж не до жиру. Мир, выстроенный под диктовку финансовых элит, покрывается незримыми трещинами. Конец века (не календарного) на дворе. Впереди переоценка ценностей.

Впрочем, о такой переоценке ещё в далекие сороковые рассуждал в своем родовом замке консерватор-социалист Хельмут фон Мольтке, ещё один канторовский персонаж, нисколько не боясь, что на него донесут.

«Вы, как вижу, сторонник демократии? А то, что демократия всегда приведёт к власти Гитлера или Сталина, вас не смутит?» — допытывается рассказчик. «Полагаю, так будет не всегда... Сейчас заканчивается эпоха, которая началась при Лютере, я отсчитываю время Гитлера со времён Реформации. Эпоха Реформации закономерно закончилась капитализмом и нацизмом — это позор и гибель для моей страны», — отвечает аристократ фон Мольтке. Оппонент поражен его сутубым взглядом на историю. «Считаете, что эра капитализма и нацизма пройдёт? Хотите видеть германское христианское государство?» — вопрошает он.

Этот эпизод зеркально соотносится с тем, салонным, где оспорен другой идейный вексель. Русский следователь Щерба-

тов и немецкий аристократ фон Мольтке, каждый в своё время, но как бы сообща, ломают стереотипы и словно перекраивают историю. Именно здесь проходит идейная ось романа.

Квалифицированный читатель вряд ли заподозрит автора в сталинизме или ещё каких-нибудь смертных грехах: скорее уж речь идёт о современном прочтении платоновского «Государства» и гегелевских вариациях на ту же тему. Просто Кантор чутко уловил момент перелома в сознании общества. Именно поэтому его оценки и выводы быют наотмашь. Выглядит это так, как если бы революционные демократы вроде Добролюбова написали свои страстные труды, сделавшись социал-консерваторами. Если задаться целью отыскать литературные влияния, то, наверное, можно сравнить книгу Кантора и с «Дневниками писателя», и с розановской эссеистикой. А точность, с которой выведены общественные типажи, можно отнести на счёт щедринской школы, но с поправкой: у Кантора почти нет лобового сарказма, ему свойственно тонкое сочетание пафоса и иронии, влажных глаз и грустной улыбки.

В 2006-м и 2009-м недружественная критика утверждала, что автор сводит счёты с неприятелями по каким-то сугубо личным причинам: «Кантору хотелось бы расквитаться со своими мечтами и прельстительными фантазиями начала 90-х, хотелось бы расквитаться с авангардом 20-х, с друзьями 70-х... — с жизнью своей сквитаться за то, что он её прожил... Этот недостаток делает роман решительно непонятным никому, кто не был бы так или иначе вовлечён в ту же проблематику, что и автор».

Подобные реплики и семь лет назад выглядели спорными. Но сегодня они вообще не могут быть произнесены серьёзно. Со времени «Учебника» многое изменилось. Например, стало

вполне очевидно, что либеральный дискурс в России выполняет роль универсальной заглушки для критического мышления. Ряд очевидных табу и фетишей уже вызывает мощную реакцию у мыслящей части общества, а критика словаря политкорректности стала едва ли не рутинной. Тем не менее, как выразился кто-то из современных философов, либерализм всё ещё живёт на такой глубине, куда не доходит свежий воздух открытой полемики. Идейно он девальвирован, а политически пока ещё доминирует.

Но смена парадигмы неизбежна. Именно поэтому расчистка идейного пространства от устаревших политических мифов превращается сегодня в увлекательное занятие, на котором оттачивает свой метод всякий уважающий себя интеллектуал, точно так же, как любой профессиональный скрипач обязан освоить капризы Паганини.

Максим Кантор убедительно показал нам, как это делается.

*Москва
Март, 2013 год*

Анализировать революции и госперевороты можно только на безопасном расстоянии. Дождавшись не то что бы точки в процессе революционных пертурбаций... но по крайней мере перехода на новую строчку, начала нового абзаца. Новой красной строки, позволяющей перевести дух и немного очнуться от стихийного морока.

Оценку, в том числе и богословскую, феномену «болотных» волнений, что в Москве, что в Киеве (к слову, киевский «майдан незалежности» исстари назывался «Козьим болотом», см. «Описание Киева» 1868 года, составленное Н. Закревским), можно давать, лишь отстранившись от них. Выждав время. Посмотрев на все последствия. Посчитав количество жертв и отслужив панихиду по несчастным членам «небесной сотни». Члены этой самой «сотни» отдали свои жизни на майдане и за майдан спустя два месяца после того, как статья «Богословие Майдана» увидела свет. В то время, когда майдан обернулся к зрителям, к миллионам наблюдателей со всего мира еще одним своим ликом — темным, жестоким, отражающим грядущий хаос, развал, дезинтеграцию, насилие. В то время, когда первая эйфория и очарование майданом уже успели отойти, уступив место отрезвлению.

В этих обстоятельствах главная надежда всех верующих Русской Православной Церкви направлена на одно — сохранение церковного единства.

Существует «майданная» политика и экономика, есть даже «майданная» дипломатия. Обо всём этом было написано не раз. А вот феномен «майданного» богословия до сих пор, кажется, выпадал из поля зрения СМИ. Дождёмся ли мы откровенного разговора об этом? Во всяком случае, попробуем его начать.

Площадные теологи

В декабре 2013 года либеральные православные СМИ ретражируют статью украинского архимандрита Кирилла Говоруна с шокирующе откровенным названием: «Жизнь в Церкви. Богословие Майдана». В этом извилистом тексте хватает невнятных мест, претендующих на отражение неких исторических закономерностей. С другой стороны, — вроде бы не всуе поминаются блаженный Августин, Иоанн Златоуст, Максим Исповедник. Но есть и такие пассажи, от которых благочестивому читателю становится не по себе.

Поначалу замечаешь лишь пару неточностей, но довольно симптоматичных. «Отдельные церковные деятели осознавали необходимость развития отношений с обществом как таковым, а не только с государством». А что, разве Церковь изначально не часть общества? Верующие — какие-то пришельцы? Термин «протогражданское общество» отдаёт секулярной схоластикой и оставляет канцелярское послевкусие, но и это мелочи.

Архимандрит Кирилл (Говорун)

А вот дальше мы слышим нечто удивительное.

Автор впадает в неслыханную откровенность и делает странное для священника заявление: «Майдан в своей ценностной составляющей значительно перерос и украинские церкви — все без исключения... украинские церкви начали подтягиваться до того уровня нравственного сознания и ответственности, которые продемонстрировал Майдан... они перешли к тому, чтобы делами и словами солидаризироваться с ценностями Майдана, осознав родственность его принципов с христианскими».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Оказывается благодать нынче не в храме, а на Майдане, и потыкать омовца железной палкой под шлем или ударить цепью — всё равно, что переставить светильник разума из головы в сердце. Это мы слышим от христианина и духовного лица.

Вопрос не в том, хорошо или плохо, правильно или неправильно быть на Майдане. Само сравнение церковности

с политическими сообществами кощунственно. Но это ещё не самое плохое, что есть в майданном богословии архимандрита.

Национал-майдан

Говорун стремится подкрепить диковатую для священника риторику ссылкой на позицию европейских церквей после войны: «В Европе нацизм и Холокост заставил церкви коренным образом переоценить свои отношения с государством и обществом. Родилась даже отдельная отрасль богословия — политическая теология как реакция в основном на немецкий тоталитаризм и Вторую мировую войну».

Всё, конечно, хорошо. Только аналогия с Украиной в этом пункте сильнее всего хромает. Потому что в среде украинской оппозиции очень ощутим нацистский душок. Особенно неприлично это выглядело в период президентства Виктора Ющенко.

Бойцы УНА-УНСО с красно-чёрными повязками, лозунги типа «Русский мир должен исчезнуть», уверенность в расовой неполноценности «москалей» и «восточников» — это так, мелкая соринка в глазу? И призывы к Майдану — «показать пример дикой Азии» — архимандрит Кирилл Говорун, похоже, не считает ксенофобскими.

У нас много спорят о русском национализме. Но национализм украинский, в отличие от российского, на деле мало отличим от нацизма. Именно на Украине, а не в России он имеет военизированное крыло. Может быть, это и есть один из признаков возделенной «общественной субъектности»? Похоже, архимандрит страдает неразличением политических «духов».

«Богословие Майдана» претендует в устах таких, как Говорун, на статус новой религии. Этот гражданский культ — по сути, открытый призыв к Реформации. Но Реформации даже не религиозной, как в Европе, а секулярной, политической, в ряде случаев покрытой метастазами самой пещерной из идеологий.

Стоит лишний раз задуматься над тем, какая бездна открывает нам себя в речах Говоруна. После этого остаётся лишь констатировать, что подобные пастыри провоцируют в УПЦ МП раскол. Я рад бы был ошибиться, но не нужно себя убаюкивать. Надо срочно искать противоядие.

На этом можно было бы и закончить, если бы не дежавю.

Украина как Россия

Сколько ни говори, что «Украина — не Россия», никуда не денешься от странного факта: происходящее на Украине уже было в России. На Украине был свой 93-й год, но без танков и стрельбы. А в России есть своя программа партнёрства с Европой, куда более реалистичная, чем украинская, и без кабальных условий.

Вот и околоцерковная ситуация, намеренно привязанная к политике людьми определённого склада, — одна на двоих. Правда, на Украине болезнь зашла дальше. Однако «политическая теология», за которую ратует киевлянин Говорун, России уже знакома. В России рождение политтеологии совпало с формированием прослойки так называемой «церковной интеллигенции».

Московский публицист Сергей Чапнин в конце марта 2012 года опубликовал программную статью «Пятидесятница христи-

анской общественной жизни» (http://www.religare.ru/2_93493.html). В этом материале всё очень напоминает логику архимандрита Говоруна. Автор на голубом глазу заявляет о пробуждении христианского общественного действия в ходе политических митингов «за честные выборы» в декабре 2011 — марте 2012 года. Он говорит о позиции «ряда священников и мирян» — позиции, которая так и не вылилась «в христианские митинги или пикеты».

Стоит прислушаться к звучанию фразы: «Пробуждение христианского общественного действия стало очевидным после декабрьских выборов в России». Хорошо, что не к началу третьей пятилетки.

Отношение к политике: два мира — две системы

Может показаться, что и Чапнин, и Говорун ратуют за социально-политическую церковную позицию. Это было бы важно.

Вот, например, в августе 2011 года на христианском форуме «Rimini Meeting» одна из встреч была посвящена христианской политике, и в ней участвовали яркие политики-христиане из разных стран. Да что там, в той же Польше всё консервативное политическое крыло пропитано католицизмом. И только в России социально-политическая позиция носителей православных взглядов всячески табуируется. Всё ещё в ходу такие слова-ярлыки как «клерикализация» и «мракобесие». Желание лишить православных права голоса очень велико.

По оценкам социологов, в России сегодня проживает до 80% православных христиан. Неизбежно возникает вопрос: по-

чему у нас нет православных политиков? Почему градус анти-православной ксенофобии в России так высок?

И вдруг на фоне всего этого звучит призыв: идите на Болотную и Майдан. На первый взгляд, кажется: ну, чем не политизация? Но эта аналогия лишь на первый взгляд может выглядеть удовлетворительной.

На деле мы, к сожалению, сталкиваемся с призывом, противоположным тому, который означал бы социальное и политическое пробуждение Церкви. Дело в том, что либералы в Церкви призывают отстаивать в политике не свои, а чужие, нецерковные интересы. Именно так они видят процесс политического «пробуждения». Например, доктрину мнимой евроинтеграции. Или, в российских условиях, бесполезную «ротацию» правящих элит в удобном для «друзей» направлении.

Ради этого выдвигается абсурдный и кощунственный тезис: участие в политике само по себе очищает, а гражданственность служит формой благодати. Пребыванию в толпе протестующих присваивается сакральное значение — а ведь это уже пародия на литургию, как давешние советские демонстрации, которые были пародией на крестные ходы.

Это не православие в политике, а политика вместо православия. То, в чём нас пытается обвинять либеральствующая внутрицерковная публика, она сама же и практикует. Вот поэтому и обвиняет.

Эта чудовищная подмена представляет такую же опасность, как раннее советское обновленчество. И вызывает такую же тошноту, как описанный Михаилом Булгаковым фокстрот «Аллилуйя!». Трансгуманизм, расписанный «под православие», выдаёт себя за церковность. Ощущение фальши, которое вызывают эти призывы, неизбежно, как запах сырости.

Либерал-православие как оксюморон

Почему же православных призывают разменять веру на политические игры, но политически оснастить и защитить саму веру, само православие — не позволяют?

Либерализм — идеология, которая рассматривает остальной мир и любые другие формы власти как некие бренды. И церковный мир для них — просто одна из полочек в громадном мире-супермаркете.

Право на существование в этом супермаркете идей имеет что угодно — от православия и вуду до коммунизма и сатанизма. Но при одном простом условии — если они разделяют господствующие в либерализме ценности. Православие? Пожалуйста, но либеральное. Коммунизм, постмодернизм, экстремизм и постэкстремизм, пофигизм и пуссеизм — без проблем. Но если только вы разделяете ценности либерального интернационала. То есть не признаёте никакой власти, кроме денежной. И тогда вера, убеждения, принципы, — всё превращается в товар. Православие в их понимании — это лейбл, модный в ближайшем сезоне. Всё тот же трансгуманизм, но «от кутюр».

То есть немножко «по-православному».

Попытка же поднять ту или иную ценность выше её рыночной стоимости вызывает обвинения если не в тоталитарных комплексах, то, как минимум, в политизации и идеологизации. Хотя богословие в исполнении самих этих идеологов превращается в подобие курса исторического материализма. За уклонизм практикуют в своём узком кругу подобие анафемы, только её роль играет особая форма «нерукопожатности». Имеется в виду изгнание из сообщества, то есть аналог отлучения.

Почему же либерализм оставляет от православия лишь внешнюю оболочку, «выедая» сердцевину — убивая самую душу христианства? Почему он не совместим с православием? Потому что либерализм — идеология рынка. Причём тотального — когда свойство «быть товаром» распространяется не только на материальные ценности, но и на идеи, принципы, права и свободы (либеральные адепты так внимательны к ним потому, что поросёнка, прежде чем он будет зарезан, надо холить и лелеять). Всё в либеральной парадигме имеет право на существование при одном простом условии: надо быть товаром. В ином случае ценность объявляется тоталитарной, любое мнение — идеологизацией. Это форма тотального контроля.

Конечно, сама либерально-православная инквизиция не имеет в своём распоряжении костров и крючьев в натуральную величину, но методом смолы и перьев в исполнении подручных СМИ владеет вполне. Мы вынуждены лишний раз напоминать об этом, потому что очень уж высока «цена вопроса», говоря либеральным языком.

Их цель — сделать православие разменной монетой общегуманистических практик, устранив, таким образом, опасного конкурента. Продажа стула или автомобиля безразлична для предмета купли-продажи. Но продать веру — значит уничтожить её. Они это прекрасно знают. Поэтому борются с религией как с чудачком, который грозит «обрушить рынок». Ведь с узколобой монетарной точки зрения принципы и вера — это лишь задираание цены. Что дешевле — купить или уничтожить? «Гуманизировать» православие или объявить ему открытую войну? Втянуть в «оранжевые» проекты или сделать мишенью антицерковного «оранжевого» проекта? Именно такой ульти-

матум нам выдвинут сегодня. Нас склоняют к почётной капитуляции. Надо лишь согласиться стать либеральными. То есть поддерживать политические спекуляции и тупиковые болотно-майдаанные требования.

Скажем прямо. Сегодня либерал-православие становится главной угрозой единству и благополучию Русской Церкви. Оно опаснее антиклерикализма и деструктивных сект. Медленный яд убивает вернее, чем выстрел: от него нельзя спрятаться. Средство только одно: не пробовать на язык сомнительное блюдо.

Баррикада и метанойя

Итак, отдельными представителями УПЦ и РПЦ проповедуется очищение через политическую активность. Метанойя на баррикадах и в колоннах. Как ни странно, в этой доктрине нет оттенка глумления, присущего советским обновленцам, которые кривлялись как бы всерьёз, но как бы и в шутку.

Политическая метанойя — это серьёзно и это похоже на религию. Но только похоже.

Разумеется, всё это не имеет ничего общего с социально-политической позицией Церкви (выраженной, например, в «Социальной концепции РПЦ»). Та производна от заповедей христианских, а здесь речь идёт о политическом расцерковлении, прикрытом «религиозным» фразёрством. Церковь хотят заставить своим авторитетом подкрепить внецерковную, секулярную политическую программу. В этом разница.

Стандарт христианского гражданства, по их мнению, только один — «оранжевый». Майдан и баррикады, баррикады и майдан. Это не бунт, бессмысленный и беспощадный, но вос-

стание среднего класса. Осмысленно-циничное и низводящее все остальные классы до статуса «быдла». А в ответ получающее звание «офисных хомячков».

Когда такое происходит в обществе, это грустно. Когда начинает происходить в Церкви — страшно. Церковь так устроена, что она не может отторгнуть и того, кто идёт в неё с распостертыми объятиями, но с закрытым наглухо сердцем. Церковь не может делить единоверцев на чистых и нечистых. Церковь принимает всех. Именно этим они и пользуются.

Когда большинство поймёт глубину и серьёзность проблемы, может быть уже поздно. Раскол станет неизбежным. Ведь там, на Украине, он уже идет. А в России?

Мы можем цитировать евангельские строки о тех, кто «соблазнит хоть одного из малых сих» и кому «было бы лучше, повесили ему мельничный жёрнов на шею», но от этого не легче ни соблазняемым, ни соблазнителям.

Взгляды майданных богословов далеки от догматических, это понятно. Кроме того, они уже были опровергнуты историей, как европейской (когда католическая церковь благословляла этнические чистки), так и русской.

Нечто подобное русская история знала в период расцвета терроризма. Эсеровские боевики говорили вполне открыто: «Верю, потому и убил». Таковы были слова террориста Ивана Каляева, который 4 февраля 1905 года на территории Кремля бросил бомбу в великого князя Сергея Александровича.

Убийство великого князя тогда, напомним, вызвало безмерное ликование в среде либеральной интеллигенции. Такое же ликование она демонстрировала и в октябре 1993 года при расстреле Белого Дома. Сейчас никто не стремится лишить жизни

конкретного человека, но сама Церковь может быть расколота их руками.

Секулярное «православие» представляет собой подмену слова Божьего. Если сегодня не сделать необходимых выводов, мы можем стать свидетелями раскола Украинской Церкви. И остановить этот процесс будет трудно.

*Москва
Январь, 2014 год*

ЖУРНАЛИСТИКА

Нравственный кризис информационного пространства России

Данный материал сейчас интересен уже как историческое явление, как отражение определенного этапа в истории российского информационного общества. С момента написания статьи прошло несколько лет, за это время в информационном пространстве России произошли определенные изменения. Изменился фон государственной информационной политики, и перемены эти не завершены до конца — они встречают отражение и в процессах на отечественном медиарынке, происходящих буквально на глазах. Так называемой чернухи и аморалки на телеэкране стало заметно меньше; общественный запрос на традиционные семейные ценности удовлетворяется сериальной «клюквой» нового образца, незамысловатой пропагандой идей и образов крепкой семьи, деторождения, супружеской верности etc. Не высокий авторский стиль, конечно, но — однозначная альтернатива тому, что было.

За эти пять лет и Церковь стала более активным участником медийного поля — церковная информационная политика как раз начала формироваться как самостоятельное направление все в том же 2009 году. Православного присутствия в информационном контексте стало немного больше...

Всё, о чём я пишу в этой статье, пережито мной глубоко и сильно. Текст датирован 2009 годом, когда я добавил в него результаты исследования социологического центра ЦИРКОН, который возглавляет Игорь Задорин, один из умнейших и интереснейших современных социологов. Но написан он был в 2007 году. Я не раз выступал публично с этим текстом. В 2008 году на конференции «Деловой России» зал стоя устроил овацию. Это было приятно. Но ничего не менялось. Сергей Миронов поручил мне заниматься популяризацией идеи Общественного совета по телевидению, который бы не имел запретительных полномочий, но имел бы право выносить нравственную оценку прошедшим программам. Вся журналистская элита восстала против этой идеи: Познер, Сванидзе, Дондурей, Зелинская, Гусев, Шевченко и сотни других... Этого Совета нет в России и сегодня, хотя его аналоги существуют в США и во всех европейских странах.

Россия страна не просто большая. Россия страна огромная. Держа в руках политическую карту страны, ты наполняешься гордостью. А есть ещё карта полезных ископаемых. Климатическая. Экономическая. Начали появляться конфессиональные карты. Нет только самой важной карты — карты нравственного

состояния России. По этой карте народы, окружающие нас, могли бы судить о наших привычках, традициях, нравственных и духовных принципах, системе воспитания и образования, культурных ценностях и идеологических приоритетах.

Как составить эту карту? — спросите вы. Так она уже составлена, — отвечу я. Эта карта, этот путеводитель по загадочной русской душе — наши российские средства массовой информации и в первую очередь — российское телевидение.

Хозяйственные последствия ультралиберальных реформ, которые в 90-х годах прошли по стране, мы можем наблюдать сегодня. Они накрыли народ холодной волной, опустошив карманы. Последствия культурных и информационных реформ идут с некоторым опозданием, и именно сейчас они накрывают нас второй волной, опустошая душу тех, кто родился после 1991 года.

В современной России сложилась опасная ситуация: в целом по стране культурно-нравственный уровень родителей превышает потенциально возможный культурно-нравственный уровень их детей. И телевидение здесь — первый обвиняемый.

Сегодня российское телевидение занимает позиции, враждебные нравственным ценностям народов, населяющих Россию. Это — не фигура речи, это правда, которую нужно осознать для принятия мер по защите Отечества от телемагнатов, растлевающих детей и взрослых.

Общедоступное ТВ, и в этом его опасность, входит в дом бесцеремонно, буквально выплёскивая на ребёнка неконтролируемые потоки крови, насилия, грязи, мата. Родители, занятые попыткой выжить в условиях «конкурентной экономики», зачастую не в состоянии защитить от него своих детей.

В этом смысле никаких надежд на естественное выравнивание нравственной ситуации на информационном поле нет. По

крайней мере, в обозримой перспективе. Новое поколение, лишённое базовой культуры, будет, наоборот, естественным образом требовать ещё более пошлых и кровавых передач. И ТВ в погоне за рейтингом, рекламой, доходом пойдёт у него на поводу. Спираль будет постоянно закручиваться — мы уже наблюдаем этот процесс. Россия одновременно с развитием информационных технологий вступает в эпоху информационного варварства.

Итак, что собой представляет современное российское ТВ? На каких основаниях базируется?

Двадцать лет назад телевидение высмеяло преподавателя ленинградского Технологического института за то, что она отказалась поступаться принципами. Над ней публично потешались и издевались десять лет, вдалбливая россиянам новую мораль, согласно которой поступаться принципами не только можно, но и нужно. Вот первое основание, на котором стоит наше телевидение, — идеологический цинизм: убеждений не существует, принципов не существует.

Наше телевидение — грубое и бесстыдное, в нём нет места стыдливости и целомудрию. Вообще слово «целомудрие» уничтожено, выведено из речи. Реакция на него — нездоровый хохоток, будто вслух произнесено нечто крайне неприличное. Все мы не раз обращали внимание на то, как в телешоу при очередной скабрёзной шутке камера скользит по лицам в зале. Губы выдавливают усиленные смешки, а глаза разбегаются в смущении, потому что зрителям *неловко*! Где же источник этой неловкости? А источник — в природном целомудрии, остатки которого пытается вытравить из народа российское ТВ.

Ради рейтинга, то есть ради денег рекламодателя, телевизионщики готовы не только глумиться над наготой отца, но раздеть мать и научить детей смеяться над наготой матери.

«Будьте бесстыдными!» — призывает нас российское телевидение. И если идеологический цинизм — первое его основание, то жажда бесстыдства — основание второе.

Телевидение — это не абстрактный монстр, а конкретные дяди и тётки, которые зарабатывают деньги на пропаганде порока. Загляните в Останкино — в воздухе висит сплошной мат и табачный дым. Я два года служил в самых неблагополучных частях Туркестанского военного округа, 15 лет проработал рабочим на ленинградских заводах, но такого изощрённого мата, как в Останкино, не слышал. Телевизионные девочки с бриллиантками на нежных пальцах матерятся грубее прапорщика из Термеза. Этот мат — не просто стиль современного телевидения, это его суть, его душа. И если говорить абсолютно откровенно и прямо, то эти прокуренные дяди и матерящиеся тётки хотят внушить нашим детям, что между добром и злом нет разницы, что добра и зла не существует.

Отказ от добра и зла есть третье основание российского телевидения.

Понятия Добра и Зла являются фундаментальными в регулировании отношений между народами, государствами, классами, между народом и властью, между детьми и родителями. Группа лиц, которая сегодня манипулирует общественной моралью с помощью телеэкрана, считает, что всё регулируется деньгами. То есть, если использовать евангельскую терминологию, — мамоной и золотым тельцом. Все мы не раз слышали омерзительную фразу — «Ничего личного, старик, — бизнес!». Эта фраза утверждает превосходство денег над совестью. В этой фразе заключена вся идеология шпаны, которая захватила башню инженера Шухова.

Итак — отсутствие принципов, жажда бесстыдства и отказ от добра и зла.

Согласитесь, что при таком подходе говорить о совместимости российского информационного пространства и христианства не приходится.

В течение последних двадцати лет мы наблюдаем деградацию нравственной составляющей информационного поля. Возможностей роста не наблюдается даже в перспективе, а вот пределы падения каждый год открываются всё новые.

Но есть люди, которые общедоступное ТВ не смотрят. Они смотрят зарубежные спутниковые каналы, в том числе образовательные. Часто на языке оригинала. Читают иностранные газеты и журналы. Им и их детям деградация не грозит. Они называют себя элитой, «субъектом истории». На большую же часть страны, на «объект истории» общедоступное ТВ обрушивается всей своей мощью. Жёсткое классовое общество прошлого сохраняло себя посредством ограниченного доступа большинства к культуре, образованию, науке. Современное ТВ фактически выполняет ту же функцию. То есть теоретически условный «обычный человек» может оторваться от «ящика» и пойти, скажем, в театр или музей. Таким образом, он расширит свой культурный горизонт, а значит, и перспективы социализации. Но таких будут единицы. Остальных ТВ и «жёлтая пресса» отзомбируют. Если ежедневно внушать человеку не ценности просвещения, а скотские инстинкты, то он начнёт их принимать. Перспективы социализации такого человека минимальны. Зато он послушен, лоялен и смотрит телевизор. Правда, лишь до времени. Покуда народ сам не становится субъектом истории и самозваная элита не бежит в Париж от «русского бунта».

Теперь давайте задумаемся над тем, как одним словом охарактеризовать то, что нам показывает российское телевидение, что нам показывают люди без убеждений, без стыда, без базовых понятий о добре и зле, люди с повреждённым сознанием и повреждённой совестью. Что они хотят показывать на экране? Только *патологию*.

Наше телевидение — это бесконечный рассказ об отклонении от нормы, о всевозможных разновидностях патологии. ТВ рекламируют патологию во всём — в деловых отношениях, в семейных отношениях, в дружбе, в сексе, в искусстве, в религии.

Недоученные студенты, выпускники КВНа заменили юмор примитивным хамством, вместо врачей программы о здоровье ведут шарлатаны, вместо священников на экране появляются колдуны, а гомосексуалисты учат любви. Триумф патологии!

Нас пытаются убедить в том, что нормы нет. Что есть только патология. Что сама Россия — это патология. Что ТВ — это зеркало страны. Полюбуйтесь на себя, говорят нам с экрана, вы — уроды! Честно говоря, любоваться и слушать эту ложь надоело.

В действительности же телевидение в России — это рупор власти. Так было до 1991 года, так остаётся и сейчас. Телевидение — это зеркало власти, а не общества. И народ судит о самой власти именно через телевидение. Неужели такая простая вещь непонятна Кремлю?

Законопроект Сергея Миронова о создании Общественного совета Российской Федерации на телевидении в 2007 году поддержали лидеры всех самых многочисленных конфессий — Патриарх Алексей, Муфтий Равиль Гайнутдин, главный раввин России Берл Лазар, глава российских католиков архиепископ

Павел Пецци, глава лютеранской церкви епископ Арре Куганпи. Поддержали, потому что Совет нужен как воздух. Однако в правительстве на этот законопроект дали отрицательное заключение и заблокировали его.

Лучшим доказательством того, что нынешнее телевидение срочно нуждается в оздоровлении, а российское общество, несмотря на все старания «зомбоящика», всё же не превратилось в сборище дебилов, стал опрос общественного мнения, проведённый в 2009 году Исследовательской группой ЦИРКОН под руководством известного российского социолога Игоря Задорина. Результаты этой работы без преувеличения можно назвать сенсационными, потому что они перечёркивают все утверждения телевизионного руководства о рейтингах телепередач и предпочтениях зрителей. Выяснилось, что интересы общества имеют мало общего с интересами телевизионной корпорации.

Социологи отмечают, что телеактивность наших граждан является очень высокой — примерно 80% россиян смотрят телевизор ежедневно. Самыми популярными являются новостные и информационные передачи — их предпочитают три четверти (72%) опрошенных. Каждому второму (51%) интересны кинофильмы, 28% смотрят познавательные и документальные программы, 25% — развлекательные. Только 20% являются поклонниками заполонивших весь эфир телесериалов, 19% — спортивных передач, наименьшая популярность у телеигр — всего 4%. Обращает на себя внимание тот факт, что среди молодежи от 18 до 24 лет целых 53% интересуются новостями и только 39% — развлекательными передачами.

Вопреки распространённому мнению о том, что зрители ждут от ТВ развлечения, более половины респондентов (56%) на первое место поставили новостное вещание. Их интересует

информация о происходящих событиях, о действиях власти. На втором месте оказалась «воспитательная» функция телевидения, на третьем — познавательная, а функция развлечения — на последнем, четвёртом месте.

Отношение большинства россиян к передачам и фильмам, содержащим сцены насилия и эротики, скорее отрицательное: 65% и 55% соответственно заявили, что стараются такие программы не смотреть. Почти половина жителей России ощущает страх после просмотра телепередач. 65% россиян испытывают чувство стыда и неловкости после просмотра тех программ, которые идут на федеральных телеканалах.

Подавляющее большинство (71%) считает, что аморальные и опасные для психики передачи надо удалить с общедоступных каналов, при этом 39% сказали, что их нужно вообще запретить и это задача государства, 35% выступили за перевод таких передач на платные каналы. Вообще 70% аудитории российских центральных телеканалов считает необходимым и оправданным вовлечение государства в контроль над телевидением. Однако подчёркивается, что речь идет не о политическом, а о «культурном» (нравственно-этическом) регулировании. Лишь каждый пятый (21%) выступает против государственного вмешательства, называя это нарушением свобод.

Больше половины россиян считают, что управление телевидением не должно быть прерогативой исключительно профессионалов. Они уверены, что рекомендательным правом на показ тех или иных программ должны обладать общественные советы или полномочные представители телезрителей. За профессиональное управление телевидением высказалось 36%, за общественное управление — 52%. И, наконец, две трети (69%) опрошенных выразили позитивное отношение к проекту закона

о создании Общественного совета на телевидении. Против создания такого совета выступили лишь 20% респондентов. Социологи отмечают, что даже среди молодежи позитивное отношение к проекту закона оказалось преобладающим: 65% против 23%. Таково истинное положение дел с отношением зрителей к контенту российского телевидения. Стоит ли говорить о том, что результаты этого исследования упорно замалчиваются. Желающие могут ознакомиться с ними на сайте Исследовательской группы ЦИРКОН.

Преодолеть наблюдаемый нравственный кризис информационного пространства «естественным» коммерческим образом в условиях тотального падения культурного уровня невозможно. Более того, это чревато усугублением кризиса. Этот кризис может породить опасные социальные последствия: расслоение общества и последующие конфликты, поскольку единственной точкой консенсуса для разнорелигиозной и разнорасовой страны является только комплекс базовых нравственных норм. Выход состоит в форсированном учреждении общественных институтов в сфере СМИ. Прежде всего, на ТВ.

Россия — это наша страна, и наводить в ней порядок — наша обязанность. Общедоступное эфирное телевидение — это общественный институт. А общественный институт, как известно, функционирует нормально при одном условии: если существует социальный контроль. Это — аксиома.

Думаю, российскому обществу пора, наконец, сформулировать свои претензии к содержанию российского телевидения и заставить его служить народу.

*Москва
2007-2009 год*

Вот что важнее для журналиста, именующего себя православным, — свобода слова или ответственность слова?.. Какой принцип должен перевесить на чаше весов, на которых измеряются критерии профессионализма православного журналиста? Думается, особое качество цехового мастерства в данном случае — это тонкое искусство реализации внутренней свободы публициста, его свободного обращения к аудитории, проблематизации насущных проблем — в сочетании с бережным отношением к Церкви и церковной жизни. Без любви «не можете творить ничего», в том числе и христианские медиа не можете «развивать» и «улучшать». Если же любовь (немыслимая в Церкви без послушания) уступает место обличительству (в нём же часто, слишком часто — презрение), встаёт вопрос о целесообразности самого процесса. И невольно приходит на ум анекдотическая фраза про альтернативность крестика и такой естественной и небезобразной наготы. Либо ты в первую очередь человек православный и проявляешь снисхождение и понимание по отношению к некоторым язвам и изъянам внутрицерковной жизни (о которых ох как руки чешутся написать — ну ведь такая сочная тема...), либо ты в первую очередь журналист свободный и не считаешь себя вправе отмалчиваться. Этот момент выбора всегда непросто — но как же иначе?.. Честная гражданская журналистика на невидимом глазу поле битвы, где Бог борется с дьяволом, — это много сложнее, чем писать про текущие политико-партийные конфликты.

Четвёртая власть и православие

Православный журналист подвержен тем же недугам, что и светский. Главный недуг — мнимое ощущение власти и возможности влиять на принятие церковных решений. Вместо того чтобы информировать и просвещать.

Существует распространённое мнение, что журналист являет собой четвёртую власть. Эта установка формирует определённый стереотип поведения журналиста, его представления о своей роли, предназначении и возможностях. Человек, обладающий властью, формирует и структурирует пространство вокруг себя.

Действительно, можно говорить о власти журналиста влиять словом на мнение читателя, зрителя и на его психическое состояние. Далее можно рассуждать об интеллектуальных и нравственных пределах и ограничениях, которые ставит перед собой тот или иной пишущий человек. Об этом говорено много, не будем повторяться.

Журналисту на протяжении долгого времени внушали, что он четвёртая власть. И он поверил, что он действительно власть. Это — опасное заблуждение. Опасное, в первую очередь, с духовной точки зрения. Не будучи властью, но веря в обладание оной, журналист погружается в вымышленное пространство и теряет чувство реальности, что приводит не только к профессиональной непригодности, но и к неверному

выстраиванию отношений с окружающим миром, с окружающими людьми.

Конечно, я рассуждаю, опираясь в первую очередь на опыт общения со светскими журналистами, которым свойственна преувеличенная оценка своей роли в политическом процессе. Близко наблюдая власть, журналист начинает отождествлять себя с самой властью. Одна моя знакомая во время кампании по снятию Лужкова в 2010 году находилась за границей и вернулась, когда всё уже было кончено. В одном крупном агентстве она отвечала за вопросы, связанные с деятельностью московской мэрии. На ней не было лица. Она металась по кабинету, с горечью повторяя: «Это я, это я должна была его снимать!».

Я называю это наркотической зависимостью журналиста от информационного процесса. Журналист спешит первым сказать то, что слышат все. Он спешит, он гонит, он бежит, загоняя себя как скаковую лошадь. Он устаёт, выбивается из сил, и лишь одно утешает и удовлетворяет его — он «делает» политику, он — власть, он «снимает Лужкова». В конце концов, он стареет, не поспевает за молодыми, и его увольняют. Такие выброшенные из жизни, но вполне ещё активные люди либо спиваются, либо быстро умирают. Отчего? От долгого непонимания самого себя, своего предназначения и цели своего труда.

Журналистика — не власть, это фильтр между властью и народом. Он необходим в обычной жизни и власти, и народу. Но в критических, судьбоносных моментах истории надобность в журналистике отпадает. Власть напрямую обращается к народу с воззванием или угрозой. И народ напрямую обращается к власти, выходя на площадь.

Нет свободной журналистики в роли четвёртой власти. Есть свободный журналист, который свободно выбирает форму и место своего служения. Если ты выбрал так называемую православную журналистику — значит, посвятил себя служению Православной Церкви.

Является ли такой человек церковной властью? Нет, не является. Он является фильтром между иерархией и обществом. А где же церковная власть? Это прерогатива Соборов, Патриарха, Синода, правящего архиерея. Для сепарирования мнений и идей существует множество структур и мероприятий: синодальные отделы, Межсоборное присутствие, Рождественские чтения и проч. Если православный журналист этого не понимает и начинает претендовать на «управление» церковными процессами, то это неизбежно приведёт к прелести, ошибкам и расколам. Здесь можно вспомнить эпизоды с «Кредо», «Русью православной», «Правмиром» и некоторыми другими изданиями, которые, впадая в консервативный или либеральный раж, пытались присваивать себе функции, не свойственные СМИ. К счастью некоторые активные редакторы одумались и вернулись к пониманию церковной дисциплины, той добровольно принятой нами церковной дисциплины, которая делает нас хозяевами своей Церкви. А власть, данная нам, мирянам, в Церкви, много превышает ту мнимую власть, которую называют четвёртой.

*Москва
Январь, 2011 год*

К этой статье добавить нечего; все основные проблемы и болевые узлы современного внутрицерковного диалога в ней вскрыты. Диагнозы поставлены. Пути решения проблем, открытые и подчёркнуто миротворческие, предложены. Статья — точная иллюстрация на злобу дня, её просто полезно периодически внимательно перечитывать всем, кому интересна в первую очередь дискуссия с оппонентами, а не самолюбование.

На сайте «Богослов.ру» была опубликована статья монаха Диодора (Ларионова) «Церковь перед лицом мира: как распутать клубок “сложных” взаимоотношений?». Несмотря на приличный объём этого текста, я читал его, пропуская через себя каждую фразу. С чем-то соглашаясь, где-то огорчаясь. Но главным было чувство доверия к автору.

Ну как не согласиться с тем, что порой «трудно без огорчения смотреть на тех, кто дерзает говорить от имени христиан. Трудно слышать мёртвые речи, в которых отсутствует смысл». В самом деле. Разве редко нам приходится слышать формальные проповеди или видеть, как искушения секулярного мира проникают за церковную ограду? Всему этому мы были свидетелями, и не раз. Напоминая нам об этом, автор выражается достаточно резко: это, по его мнению, «дерзость тех, кто говорит от имени христиан». Но, несмотря на резкость, старается не съехать ни в какую идеологию, ни в какую партийность, говоря только о вещах очевидных.

Признаком искренности его намерений становится вот что. Начав с отношений между Церковью и секулярным, автор под конец приходит к другой, неизмеримо более насущной проблеме: как нам, членам Церкви, единоверцам, говорить друг с другом. Говорить о наших расхождениях и противоречиях — но так, чтобы сохранить глубинное родство, единство в вере?

Этим вопросом брат Диодор не начинает, а заканчивает. Примечательно, что отклики читателей на статью также обращены в первую очередь к вопросу о внутрицерковной дискус-

сии. Например, игумен Пётр (Мещеринов) пишет в комментариях, что статья «явно показывает, что мы подошли к границам православной публицистики. Я сам в своё время с этим столкнулся... После таких статей следующим шагом должна стать уже конкретика».

О какой конкретике идёт речь? Во-первых, говоря о чём-то, договаривать до конца. «Аргументировать, в чём, собственно, заключается та или иная дерзость тех, кто говорит от имени христиан, — пишет отец Пётр и тут же добавляет, — необходимо соблюдать при этом культуру дискуссии».

Несколько суховатая формулировка («культура дискуссии») не должна нас обманывать. Речь на самом-то деле идёт о самом важном.

Как нам, единоверцам, вести себя в ходе дискуссии, чтобы не порвать соединяющие нас нити, не заглушить наше сердечное созвучие в вопросах живой Христовой веры. Как нам не потерять друг друга, несмотря на разницу во мнениях?

Статья самого Диодора — пример осторожного и бережного отношения к потенциальным оппонентам (он их даже не называет, что, может быть, и напрасно). Но эта статья — счастливое исключение, подтверждающее правило. Несогласие в моральных, социальных, а особенно в политических предпосылках тех или иных идей часто разъединяет членов нашей Церкви. В последнее время эта проблема стоит очень остро. Многие это чувствуют.

Надо сказать, что автор «Церкви перед лицом мира» пока не может нас утешить: он понимает, что внутрицерковная дискуссия заходит в некоторый тупик. Почему? Определённого ответа у Диодора нет.

Я разделяю его озабоченность и готов предложить кое-какие соображения для ответа на этот вопрос.

В 2012 году мы, к счастью, уже прошли стадию ультиматумов, когда в ответ на неудобное возражение (или даже молчание) у некоторых возникало желание громко хлопнуть дверью. Такого уже не будет. Но это не значит, конечно, что мы автоматически научились вести диалог. Мы лишь в начале пути.

Вот Диодор пишет о проповедниках, которые «дерзают говорить от имени христиан», а сами не свободны от лицемерия, стяжательства, каменного бесчувствия. Говорит, не называя имен. Подхватывая эту мысль, тот же самый игумен Пётр (Мещеринов) замечает, что в данном пункте дискуссия — и вообще религиозная публицистика — всегда заходит в тупик: «После так поставленного вопроса следующим очевидным шагом будет — назвать этих “тех, кто дерзает”». Или же продолжать, как заклинание, повторять: “кто-то кое-где у нас порой...”. Это и есть границы жанра».

Тут отец Пётр совершенно прав. Я знаю его публицистику, читаю его записи в блогах, во многом наши позиции расходятся. Но это тот случай, когда я готов согласиться и разделить позицию оппонента.

Любая полемика внутри Церкви должна быть персональной. Без соблюдения личной ответственности за слова и поступки, без называния имён мы ни о чём никогда не договоримся. Мы увлеклись светскими околичностями. В итоге вместо нас, верующих, говорят и спорят фантомы, идейные штампы, рито-

рические фигуры. В итоге энергия полемики уходит в свисток. Разговор заканчивается не начавшись.

Удивительное дело: наши оппоненты предлагают нам устранить из дискуссии личность. Не называть имён, фактически вводя мораторий на критику. Общаться, как бы надев перчатки. Чтобы «спорили» друг с другом не люди, а идеи. Вместо живой дискуссии — борьба деклараций за позиции, и только.

На этот путь нас подталкивают и всевозможные тренды секулярной культуры. Культуры, где логическая аргументация уступила место «дискурсивной борьбе» и «войне образов», сила доказательств — выстраиванию информационной картинки и эмоциональному завлечению аудитории. Этот путь пронизан пафосом постстемодернистской критики с её призывом устранить из текста автора. Но за констатацией «смерти автора» в своё время угадывался скрытый императив: «Смерть автору!». И это в светском пространстве. А уж внутрицерковная полемика — может ли она вместо живого слова (авторизованного, личного, ответственного) обойтись словом мёртвым? Безличным, общеупотребительным? Тогда разговор не получится.

К тому же без называния личностей не может быть ответственности за сказанное. Например, одно дело обвинять в личных проступках священника — будь то сребролюбие, чревоугодие или чинопочитание. Совсем другое дело, когда начинается разговор о том, что внутреннее устройство Церкви — какое-то неправильное, поэтому в ней, мол, такие священники — со «стеклянными глазами» и «мёртвыми словами». Или наоборот: они такие потому, что Церковь устроена неправильно.

А ведь это уже откровенная подмена тезиса.

Всё-таки о чём идёт речь? О том, что батюшка согрешил или что православная культура в школе не нужна? У епископа «Мерседес» или на окраинах храмы строить не нужно? Где имение, а где наводнение? Где хвост, а где собака?

Собственно говоря, так именно и выглядит упомянутая война образов. Где речь должна идти о судебной ответственности или моральном осуждении, разговор вдруг касается увеличения числа епархий, возвращения церковных зданий и Бог знает чего ещё.

Так проступки отдельных людей становятся отправной точкой для политических выводов. Это странно. Но ещё более странно видеть, как идейные расхождения ведут к личному разрыву между единоверцами.

Тут я должен высказать одну на первый взгляд простую мысль. Нельзя путать личные отношения и идеологические позиции. В особенности сказанное касается той группы церковного сообщества, которую принято называть либерал-православной.

Проблема церковных либералов в том, что эти две вещи — идеологию и личные отношения — они очень тесно связывают. Если ты не разделяешь их точку зрения, то подлежишь немедленному остракизму. Тебе, что называется, не подадут руки. Тогда мы мгновенно забываем, что причащаемся из одной Чаши и расходимся по разным углам — уже не в публицистике (она как раз создана для полемики), а в реальной жизни. Твой старый знакомый отводит глаза и обходит зигзагом, чтобы, не дай Бог, не пришлось здороваться за руку.

(Замечу в скобках, что сей античный остракизм — вовсе не аналог христианского обличения. Обличают — личность, буквально «открывают лицо», причём делают это любя. Остракизм же — групповое осуждение частного случая, превращение оппонента в «козла отпущения» и пример для других — чтобы неповадно было).

Комичный критерий «рукопожатности — нерукопожатности», увы, — причина многих проблем. И одна из них — в невозможности нормальной дискуссии. Помимо морали, которую нам даёт Евангелие, у «рукопожатных» существует ещё какая-то специальная мораль, которой ведаёт лишь ограниченный круг посвящённых или просвещённых. И этот круг волен отпускать или не отпускать грехи, накладывать епитимью.

Нерукопожатность — это ведь и есть гражданский аналог епитимьи. Только смысл его далёк от церковной практики. Здесь церковность «рукопожатные» дополняют неким странным суеверием. По сути, оно — отголосок дохристианских обрядов. Это современный вариант изгнания из племени. Когда-то подобное изгнание погружало человека в состояние социальной ущербности и отменяло обряд инициации. Но, дорогие наши единоверцы, приличествует ли нам, христианам, следовать архетипам языческого мира?

Любопытно, что у церковных (да и светских) консерваторов нет понятия «рукопожатности» или его аналога. Правда, есть строгое различие по принципу «свой — чужой». Они тоже могут быть непримиримыми, хотя говорят не от имени «всех», а строго от имени «наших». То есть по умолчанию признают субъективность своей позиции. Для церковного либерала его позиция — «общепринятый» моральный императив. Под-

черкну: не евангельский, а именно общепринятый — вот что удивительно.

На всякий случай оговорюсь: сейчас я критикую оппонентов не за их общественные взгляды или взгляды на внутрицерковное устройство, но лишь за манеру ведения полемики. А точнее, за фактический отказ от полемики, который они, таким образом, совершают. Не подать руки — значит и не разговаривать. Уж какой тут разговор?

Почему в России великий музыкант Юрий Башмет подвергается либеральному остракизму? С какой стати Владимир Познер и другие пытаются заставить его оправдываться за то, что он сказал о президенте что-то хорошее, но абсолютно ни к чему не обязывающее?

Итак, важнейший критерий нормальной полемики: в рамках дискуссии обсуждать можно любые темы и называть любые имена.

В либерал-православной тусовке данный критерий не выполняется. Политические пристрастия доминируют здесь не только над личными отношениями, но и над церковными приоритетами. Например, члены сообщества могут поддерживать антицерковные информационные комбинации атеистов-антиклерикалов в силу общности политических интересов. Они не говорят «Стоп!», когда дело касается религии.

Это раздвоение мучительно. Оно требует постоянного самообъяснения и самооправдания. Что вовсе не исключает чувства вины, которое то и дело загоняется вглубь. Этот случай идеально подходит под ситуацию, описанную Диодором: «Состояние раздвоенности сознания, которое свойственно сегодня многим верующим, и особенно священникам, не является естественным для человека».

Да-да. Хотя Диодор в данном случае имел в виду другие примеры лицемерия и фарисейства. Но правда в том, что и указанная тенденция подходит под то же правило. Мы редко её замечаем, а потом вдруг удивляемся, что беседа «не клеится».

Разумеется, обсуждение темы «рукопожатности» (остракизма) в режиме свободной дискуссии сегодня невозможно. Это табу. Не единственное, но важное. Тема табуирована одной из сторон. Попытка говорить о чём-то подобном сразу объявляется либо провокацией, либо «троллингом» — если разговор идёт в блогосфере. Таким образом, важнейшая для Церкви тема просто выводится за пределы полемики волевым решением одной стороны. Проигрывают при этом все участники дискуссии.

Разумеется, хватает больных мозолей и у приверженцев других позиций. Вроде бы все мы за свободу мнений, только вот «необсуждаемых» тем при этом непозволительно много.

Вот показательный пример. Задаю в «Фейсбуке» вопрос своему единоверцу, журналисту-международнику, который годами восхвалял Саакашвили как образец порядочности и демократичности: «Так всё-таки имели ли место при Саакашвили пытки политзаключенных, или это пропаганда Иванишвили?». Коллега и единоведец отвечает: «Перестань заниматься троллингом».

Я не знаю, может быть, высокая оценка грузинского президента и справедлива. Но почему не ответить на мой вопрос простым «да» или «нет». Неужели сегодня мы не можем позволить себе такую роскошь, как прямое высказывание?

Или вот вопрос об общественной позиции людей Церкви: допустима ли она? Часто замечал, что моим оппонентам сам

этот вопрос кажется недостойным — если только речь не идёт о Болотной. Где-то это можно понять. Ведь и впрямь человек Церкви должен в первую очередь быть «свидетелем Божественной истины», а не идеологом той или иной социальной группы.

Всё так. И, конечно, лучше бы было думать только о евангельских истинах. Представить себя живущим в государстве, где все христиане, или, по крайней мере, на Церковь не было никогда никаких гонений. Но у нас другая история. И она нас к чему-то обязывает. Придётся опять повторить известную читателю мысль Томаса Манна: «если нам совсем не заниматься политикой, политика рано или поздно займётся нами».

Недавно мы в этом убедились на примере Pussy Riot.

Но если мы признаем, что у православных есть общественно-политические интересы (а после антицерковной кампании это отрицать невозможно), мы вынуждены будем признать и другое. Нам придётся, хотим мы этого или нет, освоить другой язык, помимо миссионерского. Глубинные евангельские истины необходимо будет переводить на язык общественно-политический, на язык идеологии. Потому что в исконном виде они не могут быть услышаны и восприняты обществом, особенно его секулярной частью. Бесполезно говорить об идеологических и политических вопросах только языком церковной проповеди. Перевод здесь, к сожалению, необходим.

Другое дело, что, занимаясь таким переводом, мы берём на себя обязательство совершить и обратный перевод — с газетно-журнального на церковный. С языка идеологии на язык веры.

Да, именно так. А что, церковным иерархам нечего было сказать своей пастве, а Церкви — остальному обществу в 1612-м, 1917-м, 1941-м, 1991-м? Но, заняв ту или иную позицию, мы должны объяснить, почему мы её заняли. Как наша общественная позиция продиктована евангельскими буквой и духом. Да, необходим и обратный перевод.

Вот этого правила двойного перевода мы должны всегда придерживаться. Это тоже условие выстраивания внутрицерковной полемики, гарантия от провалов коммуникации.

Да, у нас разные идеологии: социальные, финансовые, политические. Но у нас одно мировоззрение — евангельское. И мы его порой нащупываем. Правда, пока нам это даётся с большим трудом.

Наша задача сегодня — показать, что у нас есть эта общая платформа. Что и одни, и другие, и третьи — все они православные, просто с другими взглядами. Мы должны помнить о приоритете личных отношений — и тогда полемика будет иначе выстраиваться. Мы сможем к чему-то прийти, на первых порах — хотя бы к точному формулированию своих позиций. Если же мы нацелены на моральное уничтожение противника, то не сможем этого сделать.

Нам нужен консенсус, и неплохо бы помнить о том, что он у нас уже есть. Он аксиоматичен и зафиксирован в Нагорной проповеди. Опускаясь с горних высот евангельской аксиоматики в идеологическую сферу, нужно вернуться обратно вместе. Нельзя терять друг друга.

Пока что мы вынуждены говорить о том, как мы говорим. Вести дискуссию о дискуссии. Здесь потребуется целе-

направленная работа как минимум на ближайшие несколько лет.

И всё-таки сегодня, мне кажется, мы начинаем нащупывать эту почву под ногами. А дальше — просто остаётся сделать шаг навстречу.

*Москва
Февраль, 2013 год*

Можно ли критиковать Церковь

Искусство критики — тоже ведь особое искусство. Критика критике рознь... Является ли всякая попытка, всякое стремление «перелатать» своего оппонента на собственный лад непременно критикой? А не авторитарной попыткой подстроить окружающий мир под собственные устои?

Хорошо сказал М. Горький: «Чтобы иметь право критиковать, надо верить в какую-то истину». Наверное, в различии истин как объектов веры и заключается наше расхождение с самыми отъявленными критиками Церкви. У христиан Истина — одна, у их оппонентов — переливающийся букет многоликих истин.

Нас не устают спрашивать: «А можно ли критиковать Церковь? Скажите просто: да или нет?».

Слово «критика» в России сакрально. Почти как «кризис». Иногда кажется, что неслучайно эти слова — родственные. Это на Западе всё подлежит обсуждению, и в числе прочего, разумеется, критика. Одна статья знаменитого философа Ролана Барта так и называлась: «Что такое критика?». Оказывается, это понятие тоже можно проблематизировать...

У нас же сложилась уникальная ситуация. К объекту политического давления и дискриминации (а как ещё назвать всё, что происходит вокруг православного сообщества в последние два года?) обращаются со странным ультиматумом. Или вы должны позволить и дальше себя дискриминировать (по мнению оппонентов — критиковать), или вы — враги демократии и прогресса, и с в о б о д а к р и т и к и — вам не указ. Это почти как если бы чернокожих или индейцев в США в своё время обвинили в нетерпимости к критике.

Сегодня в России критик — это тот, кто заблаговременно обзавёлся трибуной с громкоговорителем. А остальные?

Давайте будем откровенны. Слово «критика» в его российском понимании пришло из советского прошлого, когда не было отчетливой грани между полемикой и политическим обвинением. Заблуждаешься — значит, виноват перед партией и народом. Критика сводилась к моральному (или физическому) уничтожению политических противников. А других противников, кроме политических, и не было. Кто не приемлет истину, тот идеологический враг. Сегодняшние

критики Церкви грешат тем, что по старой памяти стремятся сделать из Церкви идеологического врага. Отсюда — странные обвинения в том, что мы глухи к требованиям времени (кто их определил?), не поддерживаем курса на «модернизацию» и не желаем церковной реформации, которая якобы необходима. Опять же, не хотим упразднить патриаршество.

Что же такое критика в исполнении российских антиклерикалов?

Это обвинения в политической ангажированности вкупе с попытками толкнуть нас на политические баррикады. Это жалобы на особую близость к государству и сервиллизм — и одновременно дружеский совет вернуться к синодальному устройству, когда Церковь как раз и была полностью зависима от государства.

Странно говорить о нормальной критике, когда Церковь, будучи общественной организацией, под предлогом клерикализации лишается права голоса по общественным вопросам. А слышал ли кто-нибудь из наших уст об «атеизации» или «дарвинизации»? Когда-нибудь духовные лица или миряне клеймили (критиковали) атеистов? Нет, не воинствующих антиклерикалов, а просто людей, свободно исповедующих атеистические взгляды? Это невозможно. Этого не бывает. Церковь никогда и ничего подобного не говорила.

А вот нас за наши взгляды клеймят то «мракобесами», то «обскурантами». Мало того. А как расценить инициативы Михаила Прохорова, который предлагает нам добровольно надеть «жёлтые шестиконечные звезды» — выполнять нормы некоего «Религиозного кодекса», написанного специально для верующих? Всем остальным — УК, ГК и Конституция, а верующие вне закона?

Но вернёмся к критике.

Давайте чётко разделять две ситуации. Если есть основания обвинять кого-то в чём-то — например, священника — речь должна идти о нарушении закона, и подтвердить это может только суд. Во всех иных случаях речь идёт о полемике, участники которой равны. Они могут спорить о взглядах, но не могут требовать друг у друга изменить что-то во внутреннем устройстве своего личного пространства. Но пока, увы, культурной п о л е м и к и не получается. Вместо этого Станислав Белковский советует Церкви провести реформацию по его рецептам, кто-то призывает отменить патриаршество...

На самом деле есть три сферы ответственности: государственная, общественная и церковная.

Церковь не претендует на то, чтобы стать частью государственных институтов, поэтому не надо трогать и церковные институты. Они складывались веками. Можно критиковать церковных иерархов за гражданские, мирские поступки, но нельзя критиковать Церковь за внутрицерковную жизнь, это уже называется «забраться на амвон». А вот в том, что касается вопросов общественных, то есть нравов, морали, социальной справедливости и проч. — здесь вольны высказываться как православные верующие, так и люди с секулярным сознанием. Это «ничья территория», нейтральная полоса. На ней давайте встречаться и полемизировать.

Вот только, пожалуйста, уже не будем сетовать на «близость РПЦ к государству». Если сравнить по этому показателю Церковь с бизнесом, то последние окажутся к государству намного ближе. Уж если начинать, то с «Газпрома» и депутатов-бизнесменов, не правда ли?

*Москва
Январь, 2013 год*

«Информационная повестка дня» — это один из мемов дискуссии о взаимоотношениях Церкви и медиа, словосочетание, выведенное сегодня в ранг базовых понятий церковной информационной политики. Между тем мало кто удосуживается всерьёз задуматься над практическим содержанием этого понятия. Тогда как формирование этой повестки должно входить в зону ответственности каждого, кто, так или иначе, причастен к православным медиапроцессам.

Её не построишь волевым политическим усилием «сверху», эту повестку. Не внедришь посредством написания пары-тройки томов хитроумной политтехнологической стратегии по экспансии православных медийщиков в секулярное информационное пространство. Такая повестка — это постоянная активная профессиональная рефлексия людей мыслящих и пишущих. Осмысление происходящих событий через призму личного христианского опыта — и развитие этого опыта в том числе и путём соборного участия в формировании современной общественной позиции людей, относящих себя к Церкви Христовой и готовых защищать её интересы как свои собственные.

Эта статья была написана вскоре после того, как Русская Православная Церковь пережила мощнейшую информационную атаку. Здесь я попытался сформулировать своё понимание церковной информационной стратегии и обозначить принципы, на которых она может строиться.

Пятый Фестиваль православных СМИ «Вера и Слово» (28-31 октября 2012 г.) оказался необычным. Он проходил на фоне затухающей информационной атаки на русское православие, которая длилась около двух лет. Мы пережили эту атаку не без потерь, но пока побеждаем и набираемся опыта. Теперь мы должны поделиться друг с другом этим опытом.

Вроде бы антицерковная кампания ослабла. Но совершенно очевидно, что это лишь передышка. Новый виток начнётся через несколько месяцев, которые понадобятся нашим оппонентам для того, чтобы собраться с мыслями, подготовить новые идеологические штампы взамен тех, которые уже не работают, сформулировать новые лозунги и новую антихристианскую повестку дня.

Смогут ли христиане за это же время предложить свою повестку дня?

Мощная антицерковная пропагандистская кампания в СМИ, начатая в 2011 году, возникла не стихийно. Она имела вполне конкретные причины, суть которых становится яснее с течением времени. Дело в том, что наши оппоненты — противники русского православия — стали воспринимать православных верующих как опасного конкурента. Это произошло потому, что за последние двадцать лет Церковь окрепла, а её социально-нравственные ценности начали получать поддержку у части властной элиты. Либеральная часть той же самой элиты почувствовала эту «перемену погоды» и прекрасно поняла, что происходит. Поняла это раньше нас, раньше, чем это поняла сама Церковь. И поэтому антиклерикально настроенные политики организовали не просто антицерковную политическую кампанию, но кампанию превентивную.

Из этой ситуации следует два вывода.

Во-первых, после этой профессиональной пропагандистской кампании мы находимся в иной информационной реальности, чем до неё. И церковная информационная политика в связи с этим неизбежно будет претерпевать изменения. Собственно, она уже начала активно меняться, о чём свидетельствовал блестяще организованный и проведённый фестиваль «Вера и Слово», который сплотил и консолидировал огромное число православных «медийщиков» со всех сторон СНГ.

Во-вторых, оказавшись втянутой в социально-политическую борьбу своими противниками, Церковь уже не сможет не реагировать на их вызовы. Но для отстаивания наших интересов нам придётся чётко отрефлексировать собственные социально-нравственные позиции и заложить их в основу нашей повестки дня.

На первом этапе антицерковной кампании мы проиграли немало очков. Откровенно проморгали начало самой кампании в январе 2011 года и смогли перехватить инициативу лишь в августе 2012-го. Антихристиане же сформировали свою повестку дня ещё в конце 2010-го года.

Вот три её основных направления:

- критика священноначалия. Осуждение морального облика духовенства;
- призывы к обновлению Церкви, к её реформированию на секулярной основе;
- борьба с клерикализацией, так называемым «сращиванием» государства с Церковью.

Либерально настроенные пропагандисты внушают обществу мысль о том, что русское православие нравственно несостоятельно, не отвечает требованиям общества потребления, не способно влиться в процесс модернизации и потому нуждается во внешнем управлении, которое сможет реформировать РПЦ МП. Однако призывы к обновлению могут исходить только изнутри Церкви. В ином случае — если они исходят извне — такие призывы являются либо подталкиванием к секулярной реформации (идеи Ст. Белковского), либо желанием использовать РПЦ для борьбы с российским государством (идеи Б. Березовского). Обновление Церкви возможно только изнутри, а не извне.

Необходимо перехватить у критиков Церкви тренд на «обновление» и ознакомить широкую общественность с инициативами Патриарха Кирилла, которые и являются курсом на обновление. Это, например, социализация Церкви и благотворительность, административная реформа, реформа церковного образования и многое другое. Таков вектор церковного обновления, а не изменение канонов, богослужебной практики и не

подгонка христианского мировоззрения под нужды общества потребления.

Необходимо показывать подробную, достоверную, логичную и понятную информационную картину, отражающую реальное положение дел вокруг Церкви. Отвечать на вопросы «что?», «откуда?», «почему?», «зачем?». Аудитория должна воспринимать церковную тему целостно, а не фрагментарно. Поэтому, разумеется, следует прямо говорить о наших ошибках.

Возьмём для примера ситуацию с «Программой-200». Её освещение не только противниками — их горячая любовь к проекту общеизвестна, — но и сторонниками оставляет желать лучшего. Вся и без того скудная информация уходит в свисток победных реляций — или нейтральных констатаций в обрамлении нескольких цифр. В лучшем случае мы сообщаем, что где-то поставили поклонный крест на месте будущего храма, освятили стройку, заложили капсулу в фундамент. Куда менее охотно мы говорим о том, как вандалы вырывают эти кресты и срывают праздничные молебны у места стройки. Но это бы ладно. Мы так и не научились объяснять происходящее православной публике доступным ей языком.

Например, не мешало бы повторить, что от этой программы во многом зависит будущее Церкви. Увеличение числа приходов, катехизация и социальная помощь — всё это важные материи, но дело не только в них. «Программа-200» — ещё и проверка: а достигли ли православные возраста гражданской зрелости? Способны ли они отстаивать своё право на храм по месту жительства — учитывая, что автовладельцы, любители фитнеса или ресторанных изысков имеют такую возможность по умолчанию? Права верующих и неверующих в нашей стране действительно равны?

Вот об этой стороне вопроса православным СМИ следовало бы писать регулярно — если мы хотим, чтобы к нам прислушивались. Именно поэтому необходимо противостоять нападкам атеистов-секуляризаторов, которые прекрасно понимают: каждый новый храм — это семечко Слова Божиего, которое проросло к небу. Как противостоять? Силой убеждения, и прежде всего — в рамках информационного поля. Нужно помнить, что, вступив в пространство Церкви, мы добровольно возложили на себя обязанности по сохранению и развитию Церкви как Божиего Дома. Мы в этом доме и хозяева, и слуги одновременно. Парадокс. Но христианство целиком состоит из парадоксов.

Наша повестка

Положительная повестка дня для Церкви — это не рассказы по добрым пастырях и пасомых. Это не разговоры обо всём добром против всего злого. Выражение «повестка дня» имеет очень чёткий смысл — это перечень тем, которые предлагаются, а то и навязываются кем-либо для обсуждения обществу, и затем перерастают в программу действий. Положительная повестка — это, прежде всего, н а ш а повестка дня, а не чужая. Не та, которую нам навязывают извне, а та, на которой настаиваем мы сами.

Между тем, вся антицерковная кампания как раз и была построена на навязывании обществу тем, которые дискредитируют религию и разлагают, разрушают, расслаивают религиозное сознание человека. Мы, напротив, должны предлагать обществу свою концепцию социальных отношений, прямо противоположную антицерковной, — такую, в центре которой

стоят достоинство Церкви и наше желание вернуться к нормам традиционной морали и традиционной семьи.

Итак, что же мы можем и должны предложить в качестве повестки? Она должна быть актуальна, то есть отвечать политическим вызовам времени, и вместе с тем — соответствовать историческим задачам, которые стоят перед христианами.

О пользе нравственности

Сегодня российскому обществу необходимо заключить новый общественный договор, в котором главную роль будут играть не политические и экономические, а негласные нравственные правила и ценности. В современном мире любая ценность предельно функциональна. Нравственность в том числе. Она есть условие взаимного доверия. Без неписаных правил люди глухи и слепы по отношению друг к другу, они не составляют единства и становятся лёгкой добычей предприимчивых авантюристов, откуда бы последние не приходили, — от «оппозиции», от «власти» или со стороны других, более солидарных и пассионарных групп и институтов.

Без солидарности нет общества. А без нравственности нет солидарности.

Без выполнения негласных норм горизонтальные связи в обществе рвутся, социальные лифты не работают, процветают сепаратизм, коррупция и экстремизм. Отсутствие нравственных ориентиров приводит к огромным человеческим и цивилизационным потерям.

Традиционные нормы — базис любого успешного общества. Любая другая идеология всегда будет моралью отдельной группы в ущерб интересам остальных. Традиционные нормы способны

объединить всех. Эти нормы — не повинность, это — капитал взаимного доверия. Как говорят в таких случаях американцы, вкладываясь в него, каждый получит свою долю прибыли. В выигрыше окажутся все жители нашей страны. И напротив: если в обществе нет неписаных правил, оно распадается.

Все мы знаем о том, как часто интеллектуалы критикуют правила политкорректности, породившие в западном обществе двойную мораль. Но в 60-е годы Европе и Америке удалось избежать социальных потрясений, используя правила уважения друг к другу людей разных культур, национальностей и социальной принадлежности. Эти правила выполнялись на уровне слов и бытового поведения. Сегодня политкорректность и толерантность уже не справляются с задачей консолидации общества. Они выполнили свою роль и уходят со сцены.

Живя в России, мы находимся перед иными угрозами. Главная — это рост правового нигилизма. Когда позволено безнаказанно давить пешеходов, врываться в храмы, продавать любой товар и контент, будь то пропаганда насилия, алкоголизма, наркотиков, разврата.

Но мы избежим угроз, если договоримся и будем сами, без министерской указки, контролировать информационную сферу, следить за её чистотой. Сегодня нам нужны новые правила поведения. Это правила социальной корректности. Приняв их, как когда-то Запад принял правила корректности политической, мы покажем, что являемся нацией и готовы уважать друг друга. Тем самым мы сможем сохранить ценности, без которых общество не выживает.

Что же это за ценности?

В числе прочего, как уже было отмечено, — солидарность (иногда её называют общинностью, соборностью и проч.). Мы

знаем, что дети Господа равны перед Ним, поэтому в Церкви «несть ни эллина ни иудея», ни вассала ни сюзерена, ни правителя ни подданного, ни босса ни подчиненного. Сытый христианин накормит голодного, сильный защитит слабого, и все вместе отстоят церковную твердыню от нападков врагов Церкви, если таковые паче чаяния случатся. Это и есть солидарность. Важно понять, что это не просто какое-то внешнее единство. Это единство внутреннее, это доверие друг к другу, которое является неизбежным следствием христианской любви.

Далее, конечно же, семья. Семья есть ядро социальной системы и образец нравственного согласия. Ведь именно в хорошей семье отношения между родителями, детьми, родственниками как раз таковы, каковы они должны быть между членами Церкви.

В Писании сказано: «Возлюби ближнего как самого себя». И ещё: «Много званых, но мало избранных». Последнее означает вовсе не элитарность и даже не «богоотмеченность», как иногда ошибочно полагают люди, далекие от Церкви и Писания. Христианская избранность есть моральная сила и чистота сердца, позволяющие жить по Слову Божию, следовать Христовым заветам. Она вполне достижима для каждого члена Церкви. Правильнее сказать: в христианстве избранные избирают себя сами. Но нужны серьёзные внутренние усилия, чтобы «избрать себя ко Христу» — следовать Слову, возлюбить единоверцев и друзей Церкви.

И вот что интересно. Именно семья есть образец такого общества, где в силу многих причин эта высокая степень любви достигается гораздо легче. Там же, в семье, легче происходит «умягчение сердец». А затем эта любовь может и должна быть перенесена за семейные рамки. Это путь для тех, кому трудно

с самого начала ходить «узкими вратами» христианской любви. Поэтому семью и называют «малой Церковью». Поэтому и берегут православные семейные узы. Поэтому так опасаются всевозможных «патронатов», «ювеналок», однополых браков и передачи им детей из нормальных семей.

И ещё одна чрезвычайно важная задача социальной корректности — преодоление в обществе раскола, вызванного историческими причинами. Это означает необходимость примирить «белых», «красных» и всех остальных. В последние десятилетия мы и так лишили страну права на любую историческую преемственность, будь то советская, дореволюционная или религиозная. Обществу надо вернуть право на историю. Нам нужен консенсус по поводу собственной истории. Мы должны знать, кто мы такие. Социальная корректность позволит преодолеть разногласия на этом пути. У нас должно быть единое прошлое, если мы хотим иметь единое будущее.

Взаимное доверие (солидарность), семейные ценности, право на единую историю и должны стать нашей положительной повесткой дня. Сегодня у нас, христиан, очень хорошие шансы изменить ситуацию в стране, повернув общество лицом к традиционным ценностям.

*Москва
1 ноября 2012 год*

Стоит ли говорить, что сетка новогодних телепрограмм 31 декабря 2013 года не была изменена ни на йоту — несмотря на то, что и данное Обращение получило в Интернете достаточно широкое распространение, и с других сторон раздавались призывы к руководству телеканалов отреагировать на трагедию в Волгограде и пригласить гламурный свет новогодних шоу.

На самом же деле эта ситуация в очередной раз поставила ребром проблему государственной информационной политики в стране. Коммерческая составляющая превалирует над всем остальным. И в том случае, когда ситуация требует не политической, но нравственно-этической цензуры, однако ее реализации препятствует денежный фактор, об этой цензуре можно незаметно для всех забыть. Такова актуальная реальность.

Протест общества в той или иной форме против недопустимого контента — пассивный ли, в виде игнорирования вещания того или иного телеканала, или активный, в виде публичных акций несогласия, выступлений в СМИ, заявлений со стороны общественности etc — и должен стать тем главным тормозом и стоп-фактором, который будет останавливать медиадиректоров в их коммерчески обусловленных экспериментах.

ОТКРЫТОЕ ОБРАЩЕНИЕ К РУКОВОДИТЕЛЯМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕЛЕКАНАЛОВ КОНСТАНТИНУ ЭРНСТУ (ПЕРВЫЙ КАНАЛ), ОЛЕГУ ДОБРОДЕЕВУ (ВГТРК), АНАТОЛИЮ ЛЫСЕНКО (ОТР)

30 декабря 2013 года
Москва

Уважаемый Константин Львович!

Уважаемый Олег Борисович!

Уважаемый Анатолий Григорьевич!

В последние дни граждане России стали свидетелями чудовищного преступления — двух террористических актов, случившихся в Волгограде.

Все мы хорошо знаем, как в таких случаях ведёт себя общественность цивилизованных стран. Она отдаёт дань памяти погибшим и солидарно, с молитвами и взаимной поддержкой, переживает горечь общей утраты.

Несколько дней после трагедии принято посвящать всеобщему трауру. Это подчёркивает наличие общих ценностей, усиливает чувство сопричастности и единства нации перед новыми вызовами. Именно так обстояло дело в США после известных событий 2001-го года.

Сегодня наше общество и наш народ переживают тяжелую утрату. Совершенно очевидно, что новогодние праздники не смогут пройти в той легкой тональности, как это обычно бывает. Всеобщее развлечение на фоне трагедии выглядело бы не только неуместно, но и кощунственно.

Мы обращаемся к вам как самым авторитетным руководителям российского телевизионного сообщества с огромной и настоятельной просьбой. Давайте проведем Новый год так, как этого требуют выпавшие на нашу долю испытания. Вашему примеру последуют другие.

Предлагаем внести изменения в программу новогодних телепрограмм.

Увеселительные передачи, сопровождающие новогодние праздники, обычно резко выделяются на общем фоне телетрансляций и вызывают разные, порой полярные оценки.

Но сегодня особый случай. Насыщенный эмоциональный фон и фривольность в содержании программ вошли бы в явное противоречие с настроением в обществе, которое шокировано трагедией.

Призываем вас проявить пример уважения к нашим общим национальным чувствам, публично разделить горечь случившегося и продемонстрировать пример солидарности медийной элиты страны ценностям российского большинства.

Призываем вас в знак национального траура изменить контент новогодних программ. Вместо развлекательных передач было бы разумно наполнить трансляцию другим содержанием, которое поможет нашим гражданам задуматься о вечных ценностях, осознать глубинный смысл последних событий и своё единство перед трагедией, вместе пережить утрату.

Давайте будем в эти дни вместе с обществом, которое готово проявить зрелость, цивилизованность, сознательность и сплоченность.

*С уважением,
Александр Щипков
публицист, член Совета Общественного Телевидения России*

Мы заканчиваем читать честный рассказ человека о своём жизненном, творческом и профессиональном пути — пути, где личные переживания и духовный рост всегда были неотделимы от решения творческих задач. Надо всю жизнь, вплоть до последнего дня, продолжать учиться жить так, чтобы не было потом мучительно больно за бесцельно прожитые годы, — и всю остроту и вневременную актуальность слов советского писателя подтверждает только что прочитанный рассказ... Для полноценного человека фраза «жизнь удалась» — это не переполненная потребительская корзинка, не соответствие гляцевым лекалам модной респектабельной жизни, не черные икринки на красно-зернистом фоне. Это — постоянная, бьющая ключом жажда самой жизни, неиссякаемый интерес и живое любопытство к миру, постоянная творческая работа, совершаемая со вкусом, постоянное преобразование окружающего пространства — во исполнение той миссии, которую человек сформулировал сам для себя. Нет миссии, нет понимания собственных целей и веры в их необходимость для других — нет личности. Это ещё и краткая схематичная энциклопедия, снимок эволюции современного этапа религиозной журналистики в России. Всем интересующимся всегда будет полезно — перечитывать, вспоминать и уточнять имена, даты, проблематику.

Сама же отечественная религиозная журналистика определённо переживает сейчас не самые простые времена. Проектов в области православных медиа и так не слишком много, далеко не все выдерживают испытание временем и внешними условиями, выжившие же не приобретают желаемую мощь из-за отсутствия ресурсов, необходимой поддержки. Отдельные ортоСМИ, «выстрелившие» в 90-е, так и не смогли выйти на новую фазу и закоснели на этом самом «девьяностом» этапе эволюции, который сейчас уже мало кого интересует, а молодежью не замечается вовсе. В то же время общество само выставляет религиозной журналистике новые смысловые вызовы, на которые необходимо искать ответы так же энергично и ответственно, как искать бюджеты для работы редакции. Высокая эрудированность, гибкий ум, обязательная свобода от штампов, владение современным полемическим языком, яркость и образность мышления, чувство юмора и ироничность, прекрасная ориентировка в политико-социальной, экономической повестке дня — и при этом безусловная верность вере и Церкви, стойкость убеждений... Вот лишь некоторые элементы формулы профессионального православного журналиста; но много ли сегодня таких мастеров? Требовательных в первую очередь к самим себе?...

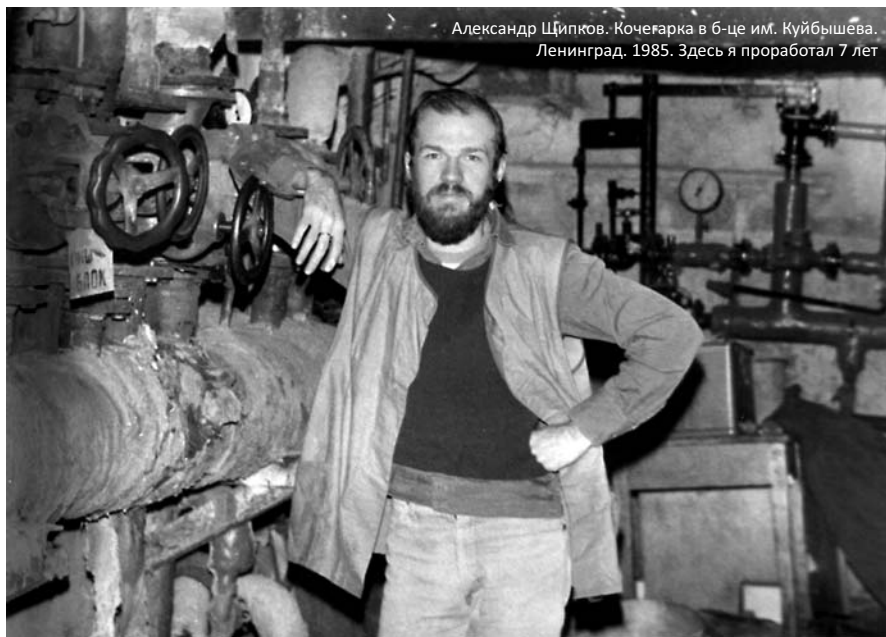
Творчество, в том числе и медийное, — это не только искусство, но и мастерство; оттачивать навыки профессии необходимо регулярно, так же, как спортсмен качает мышцы. Любой грамотный мастер всегда помнит советы и заветы своего учителя. Тем более отрадно иметь возможность близкого знакомства и сопереживания тому опыту собственной жизни и духовного роста сквозь рост в профессии, которым в своей книге делится Александр Владимирович Щипков.

Этот текст трудно назвать статьёй. Скорее он попадает в категорию мемуаров. И по объёму, и по структуре, и по содержанию. В нём я описываю свой путь в религиозную журналистику и коллег, вместе с которыми мы фактически создавали её в течение всех 90-х годов.

Вступление в ремесло

Так уж счастливо сложилось, что за 20 лет я не написал ни одной статьи о религии по заказу редакции. Всё, что сделал, — результат моего выбора, свободного желания и интереса. Темы статей, интервью или радиопрограмм я придумывал сам и никогда — наоборот. В 90-е я занимался исследовательской работой, изучал религиозно-политические процессы в России. Все мои газетные статьи и радиопрограммы были побочным продуктом исследовательских занятий. Сама религиозная журналистика тоже была для меня таким же объектом исследования, как сектантство, христианская политика или русский протестантизм. При этом я всегда умел участвовать в событии и одновременно изучать это событие. Это не было изучением «методом погружения», это была реальная потребность что-то делать для Церкви, активно участвовать в церковной жизни и успеть что-нибудь сделать, пока Господь даёт такую возможность. Я никогда не верил и сейчас не верю, что это надолго.

В отличие от всех моих коллег, пишущих о религии, мне не пришлось пройти нормальный путь от студента до профессионала. В силу жизненных обстоятельств я проработал пятнадцать лет рабочим, меня лишили диплома о высшем образовании и всякой перспективы на творческое будущее. Советская власть была незыблема, предложение КГБ эмигрировать во Францию (в 1983 году) я с негодованием отверг и жил как сжатая пружина, понимая, что впереди нет ничего, кроме заводских цехов, гаечных ключей, металлической масляной стружки и тяжелого алкоголизма — спутника советского рабочего. Поэтому когда в 1991 году шлюзы свободы были открыты, я ринулся навстречу упущенное и работал как лошадь, год за два: закончил институт (в 37 лет!), защитил кандидатскую по философии (в 43 года!), объездил всю Россию, изучая её религиозную жизнь,

Александр Щипков. Кочегарка в б-це им. Куйбышева.
Ленинград. 1985. Здесь я проработал 7 лет

написал три книжки, преподавал в Петербургском университете, работал в питерских газетах, на радио, организовал первую в стране антисектантскую организацию, участвовал в формировании христианских партий, создавал профессиональные религиозные журналистские сообщества в Питере и Москве, проводил в федеральных округах многолюдные встречи журналистов и чиновников, курирующих религию. И всё это время жадно фиксировал на бумаге, на фотоплёнке и диктофоне всё, что видел вокруг. И какие уникальные голоса сохранил — Астафьева, Вознесенского, Лебеда, Собчака, Аверинцева (здравствующих политиков, бизнесменов, писателей и актёров не называю), которые рассказывали мне о своих интимных религиозных представлениях и переживаниях.

Так пролетели пятнадцать лет, в которые я вместил все тридцать. В середине двухтысячных остановился, слегка устав от журналистики и от религиозной темы. На пятки наступали молодые, им предстояло повторить наш путь — написать обо всём том, о чём уже написали мы, но свежим языком, уже для своего поколения. Им предстояло пережить горячее неофитство, разочарование в Церкви, затем — настоящее воцерковление и религиозное становление личности, или, увы, её разрушение. Так было с нами, до нас и так будет всегда. Я погрузился в политику. Ушел работать к Сергею Миронову. Сначала — помощником на общественных началах, потом и официально, проделав карьерный путь от референтских должностей до «генеральского чина» — действительного государственного советника. Окунувшись в политику, я четыре года почти не писал о религии (не видел интересных тем), но, оставаясь главным редактором портала «Религаре», постоянно работал с авторами и следил за развитием государственно-церковных отношений.

Но ведь от себя не уйдёшь. Так или иначе, но религиозная тема неотступно следует за мной. Приход в 2009 году Патриарха Кирилла коренным образом поменял течение церковной жизни. Мне снова стало интересно, и я снова начал активно писать и высказывать свою точку зрения на религиозно-политические процессы. Сегодня я вижу, как между государством и Церковью возникают новые проблемы, отношения становятся многосложными, период взаимных симпатий завершается. Церковь ждут очень непростые времена. Мой опыт и моя интуиция прямо на это указывают. А значит, нельзя отсиживаться в стороне.

Моя точка отсчета религиозной журналистики

Начало религиозной журналистики можно отсчитывать от Священника Сергия Булгакова, можно от православного публициста Михаила Меньшикова, можно от баптиста Ивана Проханова... Всё зависит от ваших религиозных или политических предпочтений. Трудно сказать, откуда берёт она своё начало, но за точку отсчёта можно принять и публицистику начала XX века. Потом — провал. Эмигрантских авторов первой половины XX века не беру — всё же разговор идёт о российской журналистике. Затем появляется подпольная самиздатовская религиозная журналистика, которая, как всякая журналистика, сама по себе не существует — она всегда питается каким-то корпусом идей. Вся вторая половина века (я имею в виду круг, к которому принадлежал) прошла под влиянием идей Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХОН), которые были сформулированы Игорем Огурцовым и его единомышленниками в начале 60-х. Несмотря на разгром

и значительные тюремные сроки, ВСХОНовцы оказались источником энергии следующих поколений. В том числе и для журнала «Община» (1978), который был создан Александром Огородниковым и Владимиром Порешом. «Община» была общественно-литературным журналом. Мы печатали немного поэзии, немного прозы, какие-то исторические вещи, а также наши собственные слабые попытки описать путь своего прихода в Церковь. Последний номер открывался нашей

Декларацией, цитату из которой я приведу, чтобы вы почувствовали вкус того времени:

«Грозные судьбоносные события, обрушившиеся на нашу Россию, вызвали насильственное уничтожение христианской культуры и общественной жизни, христианских основ и привели к пробуждению самых низменных инстинктов. Страшное моральное разложение народа, пьянство, волна дикого уголовно-хулиганского террора, залившего страхом ночные улицы российских городов, — итог социалистических экспериментов...»

Мы бродим как проклятые в смраде больших городов по кладбищу и пепелищу нашей Родины. Ядовитый цинизм и ирония, предлагаемые нам миром как стиль

отношений и способ выживания, разлагают наши души...

Живая государственная практика исходит из положения, что человек глуп, туп, не способен управлять собой и нуждается в строгой регламентации. За нас решают, как нам жить, что нам читать, что нам смотреть, что петь и даже с кем спать. Нам от рождения всей социалистической культурой дан цельный, законченный, абсолютно и по существу ложный образ мира...

Мы хотим излить на этих страницах нашу боль и дать образ нашего мучительного пути, пути молодого человека от марксистской идеологии и безответственности атеизма на паперть Храма Божия...».

Вот так выглядела православная молодёжь в 1977 году

Вышло всего три номера. Последний мы печатали на машинке у меня дома в Смоленске. Сделали семь экземпляров, а 21 мая 1978 года к нам пришли с обыском и всё конфисковали. Каждый год мы с женой вспоминаем этот день как поворотный в нашей личной судьбе. Но это уже давняя история.

У Церкви был только ЖМП — Журнал Московской Патриархии. Сейчас над тем давним ЖМП принято посмеиваться и вспоминать, как злые языки называли его «Жалкими Мыслями Питирима». А тогда мы «доставали» его дефицитные номера и, взяв в руки, ощущали, что есть у нас в советской стране уголок иной жизни и иного сознания. Возможности самиздата тоже были ограничены, но нужно вспомнить самые популярные издания — «Надежда» Зои Крахмальниковой, «Московский сборник» Леонида Бородина, «Мария» Татьяны Горичевой, «Вече» Владимира Осипова. Это далеко не всё. Религиозный самиздат требует отдельного изучения. Вячеслав Игрунов, который обладал огромной коллекцией советского самиздата, уговаривал меня заняться этим, но это не для меня. Тут нужен человек другого поколения. Игрунов сетовал, что кто-то из сотрудников разворовывал и распродал его коллекцию, и шутил, что скоро всё пропадёт и не останется материала для анализа. Сегодня его коллекция хранится в обществе «Мемориал».

В самиздатском периоде тоже можно искать корни религиозной журналистики. Но всё же настоящая журналистика не может быть только подпольной, она должна иметь публичность. Поэтому я считаю началом религиозной журналистики 90-е годы, когда появились первые православные, протестантские и прочие газеты. Одним из первых был «Вестник христианской демократии» — печатный орган партии ХДС, который делал Александр Огородников. В то время я активно собирал

материал по христианской демократии и навещал Александра в партийном офисе в Москве на проспекте Мира (там же располагалась и редакция газеты). Так Саша стал не только моим другом, но и объектом исследования.

Если говорить о христианско-демократическом движении, то практически все его лидеры издавали газеты и журналы, которые необходимо отнести к религиозным СМИ, несмотря на их политическую направленность. Так что будет справедливым вспомнить имена участников ХД-движения, которые активно занимались издательской деятельностью, — Виктора Аксютинца, Виталия Савицкого (погиб в 1995 году), Александра Чуева, Глеба Анищенко, Виктора Ротта, Евгения Полякова.

Мама

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и вспомнить о маме. Мою маму, Татьяну Николаевну Щипкову, арестовали в 1980 году. Она отсидела три года, в 1983-м освободилась, а в 1985-м написала мемуары о том, как она отбывала срок в Уссурийском крае. Естественно, мемуары пролежали в столе до начала 90-х. Мама посылала их в несколько либеральных питерских журналов, но безуспешно. Книга называется «Женский портрет в тюремном интерьере. Записки православной». После её смерти в 2009 году я решил эти мемуары издать. Сделал распечатку и летом 2010 года отнес её Патриарху Кириллу. Он не знал, что мама умерла, и спросил, когда это случилось. Я что-то объяснял про будущую книгу, а он стоял и вслух повторял дату её смерти, стараясь запомнить. Я понял, что он хочет помянуть её на литургии именно 11 июля, в годовщину её смерти, до которой оставалось несколько дней. Порой мы забываем, что

Патриарх в первую очередь — священник. Вообще отношения народа и его Патриарха — крайне любопытная вещь. Я отдал ему рукопись. Мне, естественно, говорили, что ждать придётся долго — Святейшему некогда читать всё подряд. Но ровно через месяц я получил ответ. Патриарх прислал к этой книге вступительное слово. Короткое и очень сильное. Об исповедничестве. Вот оно:

«Нам иногда кажется, что подвиг исповедничества — это то, что принадлежит прошлому, поскольку нас сегодня окружает совершенно другая реальность, не требующая никаких особых усилий, чтобы исповедовать Христа. Нам кажется, что эта реальность исповедничества — где-то позади в прошлом. На самом деле исповедничество веры, подвиг свидетельства всегда будет. Все мы должны твёрдо помнить и знать, что путь служения Христу и Его Церкви всегда связан с исповедничеством и даже мученичеством».

Я уверен, что со временем эти четыре предложения станут общеизвестной цитатой.

Рыжий Христос

Моя первая журналистская работа так и не была напечатана. Более того, она вообще не сохранилась на бумаге. Но для меня это был настолько важный опыт, что я вам сейчас её перескажу.

Шёл 1978 год. Меня только что отчислили из института, и я устроился работать грузчиком на Смоленский завод холодильников — возил на электрокаре серную кислоту в стеклянных двадцатилитровых бутылках со складов в гальванический цех. Бутылки перевозились в деревянных коробах, которые постоян-

но ломались, а ремонтировал их одинокий столяр. Он работал за складами, где короба были сброшены в навал. Всегда на улице, летом в жару, осенью под дождём, зимой работал без рукавиц и без шапки. Гвозди, молоток, рейки, жестяная лента. Руки и лицо — одинаковая сизая корка. Он был старым, слабо-видящим человеком с отталкивающими бело-синими потрескавшимися губами. Старик постоянно бормотал что-то себе под нос. Я по несколько раз на дню приезжал на своём электрокаре за коробами, а он всё бормотал и бормотал, не замечая, как я сваливаю на землю худые короба и загружаю починенные. В какой-то момент я догадался, что он молится! Молится постоянно, без остановок, весь рабочий день. Я заинтересовался, сказал ему, что я православный, и попытался его разговорить. Я был единственным из грузчиков, кто не смеялся над ним и не материл, подгоняя в работе, — коробов всегда не хватало.

Он не шёл на контакт долгое время, но однажды неожиданно весело посмотрел на меня и спросил:

— А Христос какой?

— В смысле?..

— Какого цвета у Него волосы?

— Ну, на разных иконах изображают по-разному, — забормотал я.

— Рыжий! Христос рыжий, рыжий! — радостно воскликнул столяр и рассказал историю своей жизни.

Он был чекистом. Служил сначала в СМЕРШе, потом в НКВД и был большим бабником. Однажды обиженная жена из ревности донесла, что он ещё с фронта незаконно хранит у себя оружие. Его посадили. Он попал в особый лагерь, где на людях испытывали какие-то препараты. Зёков привязывали к койкам и кололи. Я не буду пересказывать, каким ужасным физическим мучениям его подвергали. Он описывал их механически, бесстрастно, словно это было не с ним. Всё закончилось тем, что он ослеп. И вот, когда моего столяра в очередной раз загнали в спецбарак, он начал молиться, будучи уже не в состоянии переносить муки. И барак зашатался, стены начали ходить ходуном и трястись. Мучители в ужасе вскочили, отступили от него, но потом опять начали делать инъекции. Столяр снова начал молиться, и барак снова зашатался. Так продолжалось до тех пор, пока все не поняли, что между его молитвой и непонятными явлениями существует прямая связь.

В конце концов, его оставили в покое, и в начале шестидесятых выпустили на свободу. Никому не нужный, слепой, больной, без жены и детей, он жил в какой-то лачуге под Смоленском, точнее, не жил, а просто лежал и умирал. И тогда к нему пришёл Христос. Он так и сказал мне: «Ко мне пришёл

Христос». Христос возник в воздухе дверного проёма между порогом и притолокой. От Него исходил свет невероятной силы, и Он был рыжим.

После этого видения к моему столяру вернулось зрение. Ровно настолько, чтобы он сумел устроиться на самую простую работу на завод, где волею судьбы оказался и я.

С тех пор мы беседовали ежедневно. Я старался задержать-ся возле него, не понимая, но чувствуя, что он владеет неким религиозным опытом, который я не в состоянии вместить. Я не знаю, был ли он крещён, но из наших бесед я понял, что он никогда не исповедовался и не причащался. Он никогда не был в церкви, не слышал ни одной проповеди, более того, он не читал Евангелия и даже его не видел. Как-то раз по-детски наивно он сказал: «Ты знаешь, Библия — это очень большая книга, такая большая, что её, наверное, трудно одному и поднять». Я спешил наговориться с ним, у меня оставались считанные дни заводской жизни, меня забирали в армию.

Я записал эту историю в двухкопеечной школьной тетрадке в клеточку, озаглавив: «Как стать христианином». Это был мой первый журналистский опыт. Этот текст не сохранился, его сожгла моя жена Люба. А случилось это при следующих обстоятельствах.

Спортивная школа Владимира Путина

В 1980 году мне дали разрешение на двухдневное свидание с мамой, которая находилась в исправительно-трудовом учреждении № 267 в Уссурийском крае, на самой границе с Китаем. Я затарился копчёной колбасой, маслом, шоколадом, наивно полагая, что за два дня откормлю её. Мама ничего не

ела, наоборот, сама старалась накормить меня дефицитными продуктами, которые мы с Любой с трудом и втридорога добывали в Смоленске у спекулянтов. Я сумел перехитрить «дубачек» и пронести в зону фотоаппарат и книжечку Тани Горичевой о православном подполье, которую она издала в Германии после своей эмиграции. Просто чтобы подбодрить мою бедную маму, завёрнутую в ватник и обутую в грубые кирзовые сапоги 33 размера. В голову не могло прийти, что наша промышленность такое выпускает.

Очевидно, нас слушали все два дня, потому что на выходе меня арестовали и отвезли в КПЗ в соседнее село, где я провёл несколько дней. Фотоаппарат и «антисоветская» литература на территории зоны по тем временам сулили хороший срок. Камера находилась через стенку от кабинета, где работали местные сельские оперативники, и теперь уже я подслушивал их громкие переговоры «с Москвой» по плохой телефонной связи. Они всё время советовались с кем-то невидимым, что со мной делать. По контексту я понял, что они самостоятельно начали проявлять мою пленку и загубили её. Серьёзный прокол. В конце концов, меня отпустили и даже вернули мой «Зенит» (до сих пор висит на стене как память эпохи).

Возвращался я через Ленинград в сильном волнении и в ожидании ареста. К этому времени из нашего круга сидело уже шесть человек. Из Пулкова прямо поехал к друзьям в кочегарку, чтобы срочно позвонить домой, в Смоленск. В любой кочегарке всегда есть телефон на случай нештатной ситуации. А в этой была даже включена «восьмёрка». То была кочегарка при Комплексной школе высшего спортивного мастерства на Каменном острове, где в это самое время занимался боевыми искусствами капитан КГБ Владимир Путин. Длинное, вытянутое

вдоль Невки здание бывшей конюшни. Со стороны Кировского проспекта — парадный вход в спортивные залы, со стороны онкологической больницы — в кочегарку. Тут работали покойный поэт Олег Охалкин, художник Митя Шагин, протоиерей Николай Епишев (тогда просто Коля) и другие мои друзья, сплошь замечательные люди. Это была исключительно православная кочегарка, в ней всегда висела маленькая иконка. В тот мой приезд дежурил Всеволод Корсаков — православный патриот, монархист, человек фантастической доброты и обаяния, который и сегодня там работает. Мы до сих пор именно там с ним и встречаемся. Но тогда передо мной стояла одна задача — уничтожить всё, что могло бы «подвести под монастырь» моих друзей и мою семью. Обыск был вполне вероятен. Я набрал 3-05-10 — номер телефона своей смоленской квартиры — и по-французски произнёс лишь одну фразу: «Il faut brûler tous». Нужно всё сжечь. Думал протянуть лишние полчаса, которые уйдут на перевод. Люба, которая неделю ничего не знала, где я и что со мной, несказанно обрадовалась, что я жив и на воле. С её к тому времени огромным опытом жизни «на вулкане» она прекрасно понимала, как быстро и какие бумаги придётся уничтожить.

С обыском так и не пришли. Брать было уже нечего. В ведре на балконе сгорела личная переписка Огородникова — записка адресатов могла им сильно повредить. Много чего сгорело безвозвратно. Сгорела и тетрадка в клеточку с моей первой журналисткой работой. Так что историю про чекиста, встретившего Христа, я рассказываю впервые. Мой чекист, скорее всего, давно уже умер. Я позабыл его имя, но иногда мне кажется, что он помнит моё и молится за меня.

Петербургские истории

Однажды мои студенты задали мне вопрос: «Кто ваш учитель в журналистике?». Я ответил, что в журналистике у меня не было учителей. Но в жизни были, разумеется, люди, которые повлияли на моё мировоззрение и на моё восприятие веры и Церкви. Но это настолько личное, что я не хотел бы выносить их имена на публичное обозрение.

У каждого из моих коллег своя хронология развития религиозной журналистики, своя личная точка отсчёта. Например, для Жени Стрельчика — «Московский церковный вестник».

Для Вити Тарасевича (погиб в 2002 году) — «Благовест-Инфо». Для Макса Шевченко — «НГ-Религии». Для Сергея Чапнина — «Метафразис». Для Жени Никифорова — газета «Радонеж». Для Вали Лебедева — журнал «Православная беседа». Для Володи Легойды — журнал «Фома». Для Андрюши Золотова — Ecumenical News International, и так далее, и так далее. В ту пору — десятки ярчайших журналистских имён и проектов. Мы создавали её все вместе, и одновременно — каждый в одиночку. Творче-

Обложка бюллетеня первого в СССР Христианского информационного агентства (ХИАГ)

ство — вещь индивидуальная, а направление в творчестве — совместная.

Моя точка отсчёта приходится на 1990 год — участие в работе Христианского информационного агентства (ХИАГ) и создание Секции религиозной журналистики в Домжуре на Невском.

Весной 1990 года мне предложили возглавить Ленинградское отделение первого в истории России Христианского информационного агентства (ХИАГ). Редактором был Евгений Поляков, а финансировал издание баптист Александр Семченко, легендарный человек, создавший при советской власти подпольную христианскую типографию и, разумеется, севший. Мы его звали Трофимычем, по отчеству. Сегодня он владеет большим строительным бизнесом, а тогда издавал газету «Протестант». Газета была узко нишевой, а Трофимыч — широко и политически мыслящим человеком. Вот он и согласился финансировать идею православного журналиста Евгения Полякова.

ХИАГ выходил раз в неделю тонкими брошюрками. По условиям благотворителя половину занимала довольно нудная протестантская тематика, всё остальное было отдано Полякову на откуп. В 1990-91 годах я собирал для ХИАГа новости в Ленинграде по своему разумению. Компьютеров тогда ещё не было, о факсе я не мог и мечтать. Но была пишущая машинка. Я сочинял новость, звонил в Москву и диктовал. Брошюры мне передавали с проводником «Красной стрелы», и они бесплатно раздавались всем желающим на религиозных и политических тусовках. В основном речь шла о всевозможных мероприятиях и конференциях, много — о христианской политике. Отдельная тема — возвращение храмов. В Питере с этим были проблемы. Собчак, будучи председателем Ленсовета, сопротивлялся передаче церковного имущества из всех сил, и если в Москве

храмы отдавали по два-три в месяц, то в Питере один — в два месяца. Некоторые это объясняли нескрываемой нелюбовью Собчака к митрополиту Иоанну (Снычёву), но мне кажется, что проблема была в другом.

Однажды я записался к А. Собчаку на приём. Это было уже году в 95-м. В заявке нужно было указать тему беседы. Я написал — «О Боге». В приёмной находились Кудрин и Путин. Они очень громко смеялись, были раскованны и бодры. Секретарша спросила мою фамилию, сверила с записью в компьютере и кивнула в сторону двери в кабинет.

Стол мэра был расположен довольно странно — слева от входной двери в дальнем углу. Посетитель в первый момент видел только пустой кабинет, окна и государственный флаг. Повернув голову налево, я наткнулся на пристальный взгляд. Анатолий Александрович молча изучал меня. Он не вышел к приставному переговорному столу, остался в кресле. Мы говорили около полутора часов. Складывалось впечатление, что он чем-то тяготится, но беседы не останавливает. Взгляд его постоянно скользил поверх меня, отчего говорить было трудно, но когда он посмотрел мне прямо в глаза — я похолодел. Это были глаза без дна. Черные, почти без зрачков, возникало ощущение, что чуть-чуть — и ты провалишься в них безвозвратно. Говорили о возрождении православия, о христианских партиях. Я несколько раз задал один и тот же прямой вопрос о его личной вере. Он переводил тему на Конституцию и закон о свободе совести. Не потому, что не хотел сказать правду, а потому, что не знал, как сказать, как выразить то смутное, что шевелилось у него в душе. Я подумал тогда: вот от него во многом зависит судьба епархии.

В те годы Собчак пытался создавать при мэрии управляемые межрелигиозные советы, а митрополит Иоанн их игнори-

С Анатолием Вишняковым,
создателем первой в России православной
рок-группы Галактическая федерация. 2003

ровал и фактически разваливал. Умный был старик и честный.

В январе 1992 года я окончательно расстался с рабочей сеткой. Моим последним кочегарским местом стала та самая путинская Школа высшего спортивного мастерства — ленинградский символ поколения «дворников и сторожей». Одновременно в том же январе я оставил и ХИАГ. Там произошла смена редактора, пришёл Яков Кротов. А я

был приглашен литсотрудником в газету «Рейтинг», которую издавали учёные из Института социологии РАН. В мои обязанности входило писать о религии. Я неожиданно обнаружил, что новостная журналистика отличается от аналитической и что самое сложное — понять, о чём писать.

Через год, в марте 93-го, набравшись опыта, я перешёл в городскую газету «Смена». Обычно «религиозку» запикивали в отдел «Общество» или «Культура». В «Смене» же я попросился в отдел политики к Сергею Шелину, которого до сих пор вспоминаю с благодарностью. Он дал мне целую еженедельную полосу и полную свободу. Я писал о сектах, о православной рок-музыке (в ту пору отец Андрей Кураев гневно её осуждал), о полемике Якунина и Невзорова (последний тогда был ярым защитником Церкви), о ХДС, о зарубежных

карловацких приходах, появившихся в России, об учёных-язычниках из Пушкинского дома и о писателях-атеистах из Дома писателей. Никаких редакционных заданий, никаких недельных планов — думай и решай самостоятельно под свою ответственность. В соседней комнате, где располагался Андрей Константинов, мелькали малиновые пиджаки, и его статьи из серии «Бандитский Петербург» соседствовали в «Смене» с моими рассуждениями о православии.

В те же годы я начал работу над диссертацией, и неизбежно встал вопрос об отсутствии у меня высшего образования. В 80-е я неоднократно отправлял в Минобраз просьбы и требования вернуть мне диплом и каждый раз получал ответ, что поскольку меня исключили «за поведение, несовместимое со званием советского студента», о восстановлении не может быть и речи. После советской власти я вновь пытался вернуть диплом — с тем же невесёлым результатом. Затем за дело взялся мой научный руководитель, покойный академик Лев Николаевич Митрохин. Он куда-то писал письма, звонил своим бывшим аспирантам, занимавшим всевозможные посты в ельцинское время, и в конце концов раздался звонок из Смоленска: «Принято решение пойти вам навстречу».

В течение года я ездил сдавать экзамены за последний курс и «госы». В «Смене» мои учебные отлучки переносили снисходительно, за что я признателен своим коллегам. Друзья-священники бесплатно селили меня в общежитии Смоленской духовной семинарии, которая расположена в удивительно красивом месте, возле крепостной стены, с видом на Успенский собор. Последние экзамены я сдавал в июне 1994-го. В эти же дни митрополит Кирилл проводил в семинарии курсы повышения квалификации для учителей, преподающих «Основы

православной культуры». Так я обнаружил, что пока в Москве шли дебаты, в Смоленске в каждой школе тихо и спокойно преподавали ОПК.

Когда я сдавал соискательские документы в Институт философии РАН, научный секретарь недоумённо и подозрительно изучала мой диплом, в котором было указано, что я поступил в вуз в 1974 году и, «прослушав полный курс», благополучно закончил его в 1994-ом. В жизни много смешного.

Радио. «Во что верит Россия»

В 1995-ом меня пригласили работать в петербургскую редакцию «Радио России», которую возглавляла Наталья Ухова, женщина редкого ума и редкой красоты. Уже через неделю она поставила меня вести прямой эфир в шесть утра на всю страну, а чтобы я от волнения не онемел (десять секунд молчания у нас считались браком в эфире), она приехала в студию и весь эфир держала меня за руку.

В основном я вёл политические программы и ток-шоу, но для души Наташа Ухова оставила мне получасовую программу, которая называлась «Во что верит Россия». За долгие годы существования этой программы в ней звучали голоса сотен знаменитых людей, от Михаила Горбачёва до Юрия Шевчука, от митрополита Кирилла до Татьяны Горичевой. Лихачёв, Панченко, Аверинцев, Сокуров... губернаторы, депутаты, актёры, художники, врачи, учителя, сантехники, слепые уличные музыканты. И, разумеется, я делился своими впечатлениями от многочисленных поездок по России, рассказывая о причудах российской религиозной жизни. Я то занимался миссионерством, то разоблачал секты, то полемизировал с коллегами-журналистами. В

В студии Радио Маяк. 2005 год. Тогда я вел программу, которая назвалась «Политика и жизнь»

разное время я увлекался то православным роком, то монашескими бардовскими песнями, которыми расцвечивал свои передачи. А порой сочинял пьески на религиозные сюжеты и сам разыгрывал их, устраивая мини-радиоспектакли. А когда всё надоедало — брал томик Тургенева и читал в эфире «Записки охотника». Наташа Ухова позволяла жить всей этой вольнице и прикрывала меня от начальства. Наша редакция называлась «Авторский канал “Невский проспект”», и в ней частенько появлялись замечательные актёры — Сергей Дрейден, Иван Краско, Вадим Жук, Александр Лыков, которые участвовали в радиоспектаклях и походив начитывали рекламные ролики и джинглы к моей «религиозке».

Радио — это особый мир звука и смысла, в котором я провёл в общей сложности десять лет и который любил и продолжаю любить. Здесь нет назойливой картинки и очень высок накал личного общения со слушателем. Я работал на «Петербургском радио», «Радио России» и на «Маяке». Позже ко мне присоединилась Люба, моя жена. Она делала программу «Церковный календарь», в которой рассказывала о православных, католических и лютеранских праздниках текущего дня. Программа давно закрыта, а она до сих пор помнит наизусть все даты этих христианских церквей.

Православное радио и православные программы на радио даже стали темой кандидатской диссертации Ольги Чернеги (умерла в 2011-м), преподавателя Барнаульского университета. Защита состоялась в МГУ, и я участвовал в качестве оппонента.

«Христос посреди нас» с митрополитом Кириллом

В 2000 году я открыл радиопрограмму под названием «Христос посреди нас». Это была программа для митрополита Кирилла, который в течение 14 минут отвечал на мои вопросы, касающиеся исключительно общественно-политической тематики. Ни слова о Церкви и вере. Взгляд православного архиерея на общественно-политический процесс.

Я специально из Петербурга приезжал записывать владыку Кирилла в ОВЦС. Многие помнят этот, теперь уже исторический, строгий кабинет с уютным потрёпанным кожаным диваном и креслом рядом, в котором всегда сидел сам митрополит. Если бы это было возможно, я бы сегодня выкупил это кресло. Мы записывались не более двадцати минут, почти под эфир. У меня было одно непереносимое условие — каждую программу

митрополит Кирилл должен был завершать фразой — «Христос посреди нас». Надо сказать, что митрополит делал это блестяще. Представьте себе: идёт разговор о Чечне или о брошенных в Средней Азии наших соотечественниках, и говорящему нужно, подводя итог и завершая мысль, выйти на главное, что есть в нашей жизни, — на Христа, который в этот момент находится рядом со слушателем. Это необычайно трудно сделать. В конце записи я вопросительно поднимал глаза на говорящего, он понимал моё напоминание, сосредотачивался, замолкал, иногда — на долгие тридцать секунд. Потом лицо светлело, и он формулировал последнюю мысль таким образом, что самым логичным и естественным заключением становилась фраза «Христос посреди нас». После этого шли музыкальные «отбивки» и я закрывал эфир.

Это была виртуозная работа, которая приносила мне истинное профессиональное удовольствие. Миссионерский эффект этой программы был ошеломляющим, я получал благодарные письма слушателей мешками. Это не гипербола. Письма приносили в брезентовых почтовых мешках. Старые радиийщики подтвердят, что такое в нашем ремесле бывало. Вышло то ли восемь, то ли десять выпусков. Затем программа «Христос посреди нас» была закрыта в приказном порядке на самых верхних ступенях ВГТРКшной власти. Без объяснений.

Мой «роман» с сектами

В разные годы меня интересовало разное. В начале девяностых — секты и весь круг проблем, связанных с их появлением в России. Секты импортные, секты российские аутентичные. Это было внове, никто про это не писал.

Вспомню забавный случай. Мою статью о сектах из «Независимой газеты» «Учителя и рабы» (1993) перевели на украинский и рассылали по украинским прокуратурам в качестве пособия. Настолько не хватало аналитического и фактического материала. В той статье я впервые использовал термин «тоталитарные секты», позаимствовав его во французской религиозно-литературе (*les sectes totalitaires*), о чём позже пожалел. Ниже вы поймёте, почему.

В те годы я воодушевлённо боролся с сектами, даже организовал в Петербурге Общество борьбы с сектами, в которое входили родители, прозевавшие своих детей. Некоторые члены Общества сделали впоследствии эту борьбу своей профессией и занимаются ею до сих пор. Где-то в моём архиве даже хранится членский билет за номером один.

Мне нужны были материалы. Я шёл к духовнику, брал благословение и отправлялся с диктофоном и фотоаппаратом на сектантские собрания, радения, моления и прочие малосимпатичные и порой духовно опасные мероприятия. А однажды совершил «противоправное» действие.

«Белые братья» уходили из Питера в Киев, объявив о самосожжении. Мой друг, преподаватель вуза, оказался жертвой религиозных поисков своей жены. Она, две их взрослые дочери и шестилетний сын присоединились к «Белым братьям». Более того, всю питерскую группу (около ста человек) возглавляла именно его шестнадцатилетняя дочь. Мой друг был в отчаянии и умолял помочь спасти хотя бы сына. Он надеялся на мою помощь, ведь я возглавлял единственное на то время Общество борьбы с сектами. Мы составили подробный план похищения ребёнка и осуществили его. Моя жена, которая великолепно водит автомобиль, сидела за рулём нашей убитой Волги ГАЗ-21

пятьдесят восьмого года выпуска и молилась, чтобы она только не заглохла. Мы с другом затаились в парадной, на лестничной клетке этажом выше. Дождавшись, когда кто-то вышел из квартиры, мы ворвались туда, схватили мальчишку и бросились к машине. В квартире находилось около тридцати мужчин и женщин. Мы действовали по-суворовски — натиском и внезапностью. Как ни старались «братья»-сектанты, но догнать нас не смогли. Ребёнка мы спрятали на острове Коневец, с монахами которого договорились заранее. Интересно, что уже в ту же ночь «Белые братья» звонили мне на домашний телефон и требовали вернуть мальчишку. Им понадобилось несколько часов, чтобы по номеру автомобиля определить владельца и адрес. В те времена это можно было сделать только с помощью МВД...

Когда «Белые братья» ушли в Киев, мой друг, ведь это была его собственная квартира, отдал мне её «на разграбление». Это была награда за помощь. Хрущёвская «трёшка» стояла абсолютно пустой — сектанты продали всё до последнего стула, ведь группа уходила в Киев умирать для «воскресения». На полу оставались порванные бумаги, обрывки писем и разодранные, растоптанные ногами аудиокассеты, которые я потом долго перематывал и склеивал. Это были записи радений и бесед. Уникальный материал для исследователя. Были и письма, порой удивительные по искренности и религиозной силе. Это была суррогатная вера потерянных людей. Они, безусловно, были жертвами — как мошенничества, так и преступного советского атеистического вмешательства в духовную жизнь граждан.

Про свой роман с антисектантской темой я могу рассказывать долго. Как мы «выкурили» мунитов из петербургского Института повышения квалификации учителей. Как под Минусинском меня задержали латыши, охранявшие Виссариона и

бесконечно ему преданные. Как Раиса Максимовна оправдывалась и объясняла мне, что вовсе не является последовательницей Сан Мён Муна. Как один очень влиятельный нынче член Общественной палаты организовывал встречу «богородичников» с Наиной Иосифовной. Как при Собчаке на балконе зала заседаний Питерского ЗАКСа медитировали колдуны, пытаясь повлиять на ход голосования. Как в Государственной Думе вместо российского герба повесили знамя Рериха... О сектах много статей в моей книжке «Во что верит Россия» (1998). Но это чтение тяжёлое — на любителя.

А оставил я это своё увлечение при следующих обстоятельствах. Проповедники у метро давно уже стали частью городского пейзажа, и к ним привыкли. Я выходил из метро «Чёрная речка», когда увидел, как несколько пьяных парней избивают девушку и двух ребят, явно сектантов. Их нелепые самошитые голубые балахоны были все в крови. Вокруг в грязь были брошены дорогие их сердцу брошюры с изображением какого-то очередного гуру. Их били жёстко, ногами. Курсанты Военно-морской академии пытались отбить сектантов от озверевших молодых людей. Я вспомнил 1978-й год, Ашхабад. Нас, новобранцев, обрили и привели в баню. Каждый служивший помнит эту первую баню. Заходишь в своей родной гражданской одежде, выходишь одетым и обутым «по форме». Твою одежду сжигают рядом с баней, а вместе с ней — всю твою прежнюю вольную жизнь. Сдуру я стал мыться, намылил голову — и тут на меня, ослепшего от мыла, обрушились невидимые кулаки. Это старослужащие туркмены увидели мой крестик и пришли от этого в животную ярость. Они что-то кричали про Аллаха, про «научим любить советскую власть» и не утомились, пока не выбили мне несколько зубов и не отобрали крестик — благо-

словение отца Дмитрия Дудко. Я видел окровавленных сектантов в голубых балахонах и вспоминал ашхабадскую воинскую баню. Накануне по «5 каналу» показывали мой угрожающий комментарий про секты. Я понимал, что эта кровь и это зверское избиение — моих рук дело. В тот день я навсегда покинул ряды борцов с тоталитарными сектами.

Группа «Профессор Паганель»

Тема — это половина статьи. А найти её трудно. Поэтому очень часто все пишут об одном и том же, заимствуя друг у друга сюжеты, а порой и идеи. Найти тему для статьи — это всё равно что студенту придумать тему для курсовой. Когда я преподавал социологию религии на факультете философии в Петербургском университете, мне пришлось специально для студентов систематизировать круг актуальных на тот год религиозных тем. Работать с молодёжью всегда азартно. Из предложенных мною тем они выбрали изучение язычества. Объединились в группу под шутливым названием «Профессор Паганель», поделили между собой самые известные петербургские языческие направления и под моим руководством приступили к их изучению. Я очень боялся за них, особенно за девочек, но полевые работы прошли без эксцессов. Результатом стал сборник «Петербургское язычество». В награду каждый из юных авторов получил возможность рассказать о своих исследованиях всей стране — в эфире «Радио России».

Мои студенты изучали не только язычников-реконструкторов, типа Венедов и Схорон Еж Славенов, но и модернистские языческие течения, одно из которых основал Дмитрий Лихачёв, настоящее религиозное мировоззрение которого ещё ждёт сво-

его исследователя. Студент философского факультета СПбГУ Филипп Щипков лишь прикоснулся к миру лихачёвских игр с облаком потусторонних сил. Он описал «Гремландию» — выдуманную страну, летоисчисление которой велось со дня рождения академика и гражданство которой давалось лишь сливкам тогдашнего общества. Композитор Андрей Петров был спикером Конгресса Гремландии, а Анатолий Собчак — скромным рядовым гражданином. В этой игровой стране было своё правительство, органы общественного самоуправления, и главное — своя обязательная государственная религия, в которой был разработан культ поклонения Единому Священному Богу, который не является личностью, но растворён в природе. Главным наказанием за нарушение «законов духовности» является невозможность продления рода. А цель религии — обеспечить личное бессмертие, переход «информационного духа» в новую телесную оболочку, то есть реинкарнация. Гремландцы собирались для интеллектуального и духовного общения в петербургских особняках, а за окном шёл дождь и выдавали талоны на мыло и сахар. Через два дня после публикации этой статьи Дмитрий Лихачёв ответил спешной заметкой в «Известиях», где категорически отвергал своё участие в «Гремландии».

Мои любимые темы

В середине девяностых я очень много писал о христианской политике, о русской христианско-демократической мысли. Итогом стала книжка «Христианская демократия в России». В конце девяностых — о гос-церковных отношениях и конкордате. За отстаивание идеи конкордата (договорной системы отношений между властью и религиозными организациями) меня

объявляли «антицерковным лобби» и грызли много лет подряд, аж кости хрустели. Оставили в покое только недавно, убедившись, что договорная система неизбежна и полезна Церкви — это форма её защиты при неблагоприятной смене политической власти. Её введение — это лишь вопрос времени и законодательной проработки.

Некоторые темы я находил первым, но не развивал по разным причинам. Так вышло со статьёй «Идеология смерти» (Независимая газета, 1994), в которой речь шла о смертной казни, абортах и эвтаназии. Юра Буйда (замечательный писатель и весёлый человек), который несколько лет курировал религиозную тему в «Независимой газете», напечатал её, не раздумывая. Это было ещё до появления широкого пролайфского движения в России. Я сам очень глубоко пережил эту тему, небольшой текст готовил несколько месяцев. Эту статью перепечатывали десятки раз, меня приглашали во всевозможные движения и фонды, разыскивали журналисты и активисты-общественники. Но я отказывался и больше никогда не возвращался к этой теме. Потому что это настолько важно и серьёзно, что если браться, то нужно посвятить этому всю жизнь.

Религиозная журналистика, на мой взгляд, не может быть всегда серьёзной. Я позволял себя и фельетоны, и шутки. Говорят, что в 2002 году губернатор Петербурга Владимир Яковлев очень обиделся, прочитав в питерской газете «Дело» мой фельетон «Как губернатор в Бога уверовал». Толчком к фельетону послужили собственные публичные рассказы Яковлева о том, как он приблизился к Богу, попав в Хайфу на экономическую конференцию, и о том, как однажды по молитвам архиерея страшный циклон обогнул Петербург и разрушил Хельсинки (где, очевидно, и губернатор, и местный лютеранский епископ

не столь духовны). Это было так глупо и смешно, что я не удержался и сочинил про это целую историю. Кстати, я замечал, что предательство часто соседствует с глупостью. Люба работала в Минрегионразвития, когда его возглавлял Яковлев. Она рассказывала, что накануне праздников он лично участвовал в облавах по кабинетам в поисках спиртного.

Когда в православной среде началась забавная, на мой взгляд, борьба с Международным женским днём, я написал фелетон «Монолог женоненавистника». А ещё был смешной и грустный рассказ «Епископ и муха» — о том, как одного милого священника запретили в служении за то, что на престол упала муха, заснувшая от холода в нетопленном алтаре деревенского храма. Не поверите, но это реальная история, я только имена заменил.

Архимандрит Зинов, или как делать интервью

Я очень люблю делать интервью. Пристрастился к этому, пока работал на радио, — ведь это сплошные беседы, километровые стенограммы и затем монтаж. Работа трудоёмкая, но приучает к внимательному и уважительному отношению к словам и мыслям другого человека. При этом устный и письменный тексты отличаются разительно.

Помню, записывал Евгения Алексеевича Лебедева, гениального русского актёра. Он, сын репрессированного священника, рассказывал о детстве и юности. Я вышел из его квартиры под большим впечатлением. У него была специфическая речь, без сказуемых, одни образы и междометия. Он мог говорить о Луспекаеве и в середину фразы вставлять строчки из акафистов, оставшихся в голове с детства.

Когда я получил распечатанную стенограмму, то пришел в ужас — это были два часа бессвязного текста. Не понимая, что из этого можно было нарезать на «получасовку», я отправился в подвал в старую монтажную, где работала одна старушка, начавшая свою службу на Ленинградском радио после войны. Рассказывали, что в этих комнатах в блокаду работала мужественная и романтическая Ольга Берггольц. Старушка не умела пользоваться не только компьютером, но и магнитофонными станками 80-х годов. Только ножницами. Она успокоила меня и принялась за работу. Через пять часов кропотливого труда резки и склейки я получил катушку с голосом обновлённого Лебедева. Всё было ясно и логично...

А вот с архимандритом Зином (Теодором) у меня произошла другая история. Как известно, монах-иконописец был запрещён в священнослужении в 1996 году за то, что разрешил католикам служить мессе в своём храме и причастился вместе с ними. Летом 1999 года мы с женой сели в машину и поехали на Псковщину разыскивать архимандрита Зинона, который жил на границе с Эстонией в деревне Гверстонь. Ни телефона, ни прямых контактов у нас не было. Ехали наудачу. Зинона мы застали на месте, в огромной воинской палатке, в которой размещалась трапезная. Архимандрит был не очень доволен нашим появлением и заявил, что уже три года как не даёт никаких интервью. Я это знал и именно поэтому приехал. В то время в московской православной прессе Зинона не пинал только ленивый. Я же помнил его дружбу с отцом Рафаилом (Огородниковым) и хотел понять, что же произошло.

Отправить нас со двора, не накормивши, Зинов не мог. Я воспользовался этой отсрочкой и во время трапезы уговорил его ответить на мои вопросы. Надо сказать, что на наиболее от-

ветственных интервью я всегда работал без диктофона, только с блокнотом, чтобы не пугать интервьюируемого. Мы вдвоём под палящим солнцем устроились на завалинке избы, в которой помещалась иконописная мастерская. Было жарко. Архимандрит Зинов находился в состоянии крайнего возбуждения. Очевидно, своим неожиданным приездом мы разбредили его боль. Он начал отвечать на мои вопросы о причинах запрета, о его отношении к Евхаристии, о вере и таинствах. Он говорил так быстро, что я не успевал записывать. Мои просьбы быть помедленнее он не замечал. Я бросил ручку и слушал. Это был выплеск горечи, обиды и в то же время — утверждение собственной веры и верности Христу. Такие беседы — великая удача и великая учёба для журналиста, пытающегося писать о вере и Церкви. Это тот случай, когда священник исповедуется мирянину. Господь дал мне несколько таких встреч и подобных бесед с людьми, сыгравшими в истории Церкви XX века значительную роль. Я помню их все.

Отъехав от Гверстони на километр, я свернул в лес и начал диктовать Любе все основные мысли Зинона. Она записывала их в блокнот. Затем, вернувшись в Петербург, я сел за компьютер и по Любиным записям своими словами очень кратко (говорил Зинов около часа) пересказал всё то, что услышал и что понял, отсекая всё личное и интимное. Лишь одну фразу я успел записать дословно и, разумеется, вставил её в текст. Она касалась лично Патриарха Алексия. Это была единственная фраза, которую вычеркнул Зинов, когда через месяц я привёз интервью на правку. Всё остальное он утвердил, не сделав ни одного замечания, хотя понимал, что это интервью ляжет на самый «высокий» стол. Через два года Патриарх Алексий снял с архимандрита Зинона все запреты.

Министерство печати и религия

О создании жанра религиозной журналистики уже подробно и умно писали мои коллеги: Чапнин, Шевченко, Морозов, Кеворкова, Золотов, Легойда, Стрельчик, Никифоров, Гурбо-ликов и другие. Но всё же коснусь её, поскольку несколько лет жизни потратил на её становление. В моей книге «Соборный двор» (2003) — целых пять статей о феномене религиозной журналистики, создание и структурное оформление которой я понимал как церковное служение, как наш вклад в восстановление церковной жизни в России.

Прежде чем вспомнить формы нашей цеховой корпоративной деятельности, необходимо сказать, что в 2000 году в Министерстве по делам печати приказом правительства был создан Методический совет по освещению религиозной тематики в СМИ. Фактически это была первая попытка власти как-то разобраться в том, как освещается данная тема в прессе, какие таятся опасности и чем можно помочь журналистам, которые погружаются в круг религиозных проблем. Я был направлен в этот совет от ВГТРК и оказался единственным, кто реально разбирался в религиозных вопросах. Меня тут же назначили заместителем председателя совета и завалили работой. Не буду рассказывать о создании методичек, проведении круглых столов. Это приносило некоторую пользу, но всё же не могло заработать в полную силу, поскольку сам Методсовет формировался по стандартному аппаратному принципу — представительство от министерств и ведомств. Впрочем, мне удавалось приглашать на наши заседания немало настоящих специалистов и реальных журналистов.

Я пользовался возможностями Минпечати и заказывал в специальных структурах мониторинги СМИ по самым разнообразным ключевым словам, которые сам составлял. Сегодня это сделать намного проще, но тогда эти мониторинги были ценнейшим источником информации и показывали мне общий уровень публикаций, их направленность, основную тематику, конфликтные точки. Это расширяло моё видение проблемы. Правда, поделиться информацией с коллегами я не мог согласно оговорённым условиям. Это были сотни публикаций по всей стране и многие тысячи страниц, над которыми я просиживал ночами. Надо признать, что они были отобраны очень точно и профессионально. Мусор, сквозь который сегодня приходится продираться в Сети, отшелушивался, и у меня был уже готовый продукт.

Правительство требовало от Методсовета только одного — предотвращения религиозной розни в СМИ. В воздухе висела идея создания религиозного аналога Союза журналистов. Однако, работая с результатами этих мониторингов, я понимал, что это не даст никакого результата. Попытка создать нечто общее для всех была бы воспринята как аналог «экуменизма» в медийном поле и принята в штыки. Да и в борьбе за руководство представители религий провоцировали бы лишние конфликты вместо умиротворения. На «совещаниях у руководства» я отстаивал идею формирования конфессиональных журналистских объединений, с одной стороны, и создания профессиональных пресс-служб при религиозных объединениях — с другой. Возражений не было, и эти идеи аккуратно предлагались и обсуждались на наших круглых столах и семинарах, куда приглашались представители религиозных организаций. В то время только Русская православная церковь

имела аналог пресс-службы в виде Службы коммуникаций при ОВЦС, которую возглавлял отец Всеволод Чаплин. До сих пор в медийном пространстве он чувствует себя как рыба в воде, создавая одни медийные поводы и мастерски снимая другие.

Развивался Клуб православных журналистов, появился Союз мусульманских журналистов. Протестанты приглашали меня для консультаций и проводили специальные конференции. При видимой сплочённости русские протестанты чрезвычайно разобщены, внутри протекают бесконечные битвы между собой и за влияние на светскую власть. Учитывая это, я уговаривал их проводить общепротестантские конкурсы на лучшие работы среди протестантских изданий. Шло с трудом. Для того чтобы они почувствовали себя полноценными участниками медийного процесса, я устраивал им встречи с редакторами крупных изданий в разных городах.

Протестантские журналисты в Комсомолке. 2003 год

Вспоминаю курьёзный случай. Уговариваю Владимира Мамонтова, тогда — шеф-редактора «Комсомолки», принять группу протестантов и показать им, как работает настоящая редакция федеральной газеты. Он осторожно спрашивает: а кто будет? Я бодро отвечаю, что, мол, баптисты, евангелисты, пятидесятники и адвентисты седьмого дня. Услышав про «седьмого дня», Володя смутился и робко произнёс: «А это тебе очень нужно? Вообще-то я православный». Когда мои подопечные протестанты радостно вошли в кабинет шеф-редактора, на столе радушного хозяина их встречал кофе и бутылка роскошного коньяка, а со стен игриво поглядывали обнажённые девицы с первых страниц «Комсомолки»... Добрейший Володя старался принять их как хороших друзей.

Идея создания пресс-служб постепенно проникала в сознание руководителей церквей и муфтиятов. Всё это способствовало медленному созданию пусть до поры маргинальных, но всё же медийных полей внутри религиозных структур.

Я работал со всеми, но главной для меня оставалась моя Церковь, и я этого никогда ни от кого не скрывал. Создавая профессиональные секции, гильдии и пресс-службы, мы укореняли Церковь в медийном пространстве.

Секция христианской журналистики

В Петербурге мне не хватало профессионального круга общения, хотелось его расширить, чтобы появились наконец авторы, которые пишут о религии. Для развития нашего направления в 1991 году я предложил петербургскому Союзу журналистов создать Секцию христианской журналистики. Возражений не было.

В качестве площадки я получил залы и библиотеку шикарного особняка на Невском проспекте, 70, где располагается Союз журналистов. Мы собирались довольно регулярно в течение девяти лет. Состав менялся. Приходили ребята из разных христианских церквей, и мы обсуждали интересующие нас проблемы. Периодически я приглашал на встречи «интересных людей». Так что это было нечто вроде клуба со свободным членством.

Именно сюда, в Домжур, весной 2000 года я позвал студентов духовной семинарии, пропевших «анаксиос» на священнической хиротонии, и куратора их группы, бывшего иподиакона Патриарха Алексия (Ридигера) диакона Александра Мусина, человека умного, честного и преданного своему призванию. Это была знаменитая скандальная история. Пригласил на встречу с журналистами. Из Москвы, помню, приехали Шевченко и Чапнин, после чего на сайте «Соборность» и в «НГ-Религиях» появились публикации об этом печальном случае.

Это было последнее мероприятие моей Секции христианской журналистики в Домжуре на Невском — буквально через месяц мы навсегда переехали в Москву.

В Москве. Среда в Подсосенском переулке

В Петербурге мы жили окнами на последнюю квартиру Достоевского, неподалёку от Московского вокзала. Я мотался в столицу ночными поездками по два-три раза в месяц. Будучи соискателем в Институте философии, ездил на бесконечные экзамены и консультации с академиком Митрохиным, наблюдая из окон института, как растёт ХХС. Печатался тоже в основном

в Москве, общался с московскими журналистами и социологами. Поездки учащались, и в какой-то момент я понял, что давно уже реально живу Москвой.

Летом двухтысячного года мы покинули Петербург и арендовали квартиру у Покровских ворот, в Подсосенском переулке. Уютное московское место. За десятилетия церковной жизни у нас с Любой сложилось правило — мы ходим в ближайший от дома храм (увы, нам часто приходилось менять место жительства), не бегая в поисках особых священников. До добра это не доводит. Мы молились в храме Апостола Иакова Зеведеева в Яковоапостольском переулке. Отец Алексей Бахтин (+ 2006) содержал при храме весьма неплохую воскресную школу для малышей.

По средам у нас на кухне собирался узкий круг пишущих людей: Александр Кырлежев, Максим Шевченко, Сер-

А. Кырлежев, А. Щипков, А. Огородников, А. Морозов, Ф. Щипков.
На презентации изданий Гильдии религиозной журналистики. Ноябрь 2003

гей Чапнин. Все с жёнами. Мне с жёнами нравится больше, как-то это нормально. С Максимом и Сергеем мы познакомились года за три до нашего переезда, а с Сашей и Леной Кырлежевými вообще дружим с 1977 года. Всё проходило по-домашнему. Через несколько месяцев Шевченко привёл к нам в дом Александра Морозова, с которым ранее мы знакомы не были.

Мы обсуждали самые животрепещущие церковные вопросы — только что прошедший исторический юбилейный Архиерейский Собор, на котором были приняты «Основы социальной концепции» Русской православной церкви, раскол в Эстонии, возможность заключения конкордата, создание церковного суда, введение Закона Божиего в школе, участие мирян в управлении приходом, соотношение церковных канонов и светского права и, разумеется, журналистику — наше ремесло. Эти посиделки мы шутливо называли «Советом по делам религии».

Постепенно мы пришли к идее создания собственного профессионального объединения и назвали его Цех религиозной журналистики (ЦРЖ, февраль 2001). Учредителями стали С. Градировский, А. Золотов, А. Кырлежев, А. Морозов, А. Пронин, Е. Стрельчик, В. Тарасевич, С. Чапнин, М. Шевченко, А. Щипков.

В марте 2001 года наш ЦРЖ при финансовой поддержке Сергея Кириенко провел серьёзный двухдневный семинар «Религия и СМИ» в Нижнем Новгороде с участием выдающегося митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая (Кутепова), председателя Духовного управления мусульман Нижегородской области Умяр-хазрата, ответственного секретаря Совета по взаимодействию с религиозными организациями при

президенте РФ Александра Кудрявцева и будущего министра Миннаца Владимира Зорина. Участвовало около пятидесяти журналистов из Центрального и Приволжского округов. Это была первая серьёзная заявка на отвоёвывание религиозной темы в светских СМИ.

Именно к этому мы и стремились — утвердить наше направление в журналистике и заставить коллег признать нашу тему равной политической, социальной и проч. Сейчас это уже норма, а тогда нас воспринимали как законченных маргиналов. Мы должны были заставить считаться с нами — это была единственная возможность ввести церковную тему в серьёзную общественную дискуссию. В 90-е, за исключением приложения «НГ-Религии», которое, к сожалению, распространялось только в Москве, всё остальное представляло собой худшие образцы лубочного православия, которое не вызывало ничего, кроме иронии. Для реализации этой задачи нужно было «раскрутить» Цех религиозной журналистики. Однако, сидя у меня на кухне, без денег, без связей и, честно скажем, без церковной поддержки, сделать это было невозможно. Тогда я пошёл к Александру Любимову. О своей роли в становлении религиозной журналистики он, по-моему, не догадывается до сих пор.

Гильдия религиозной журналистики

Весной 2001 года в качестве альтернативы пролужковскому Союзу журналистов (СЖ) был создан Медиасоюз (МС) — новая журналистская организация. Политически, по мнению Кремля, СЖ был заточен куда-то не туда, и Владислав Сурков создал ему конкурента. Политическая подоплёка

А.Шипков, Е.Зелинская, А.Гурнов, С.Чапнин. Воронеж. 2002 год

меня не шибко интересовала, но из газет мы поняли, что новая организация будет устроена по гильдийному принципу. Всю журналистику порезали на направления. Гильдию политической журналистики возглавил Н. Сванидзе, международной — А. Гурнов, экономической — В. Фадеев и так далее. Весь журналистский бомонд счёл правильным присоединиться к Медиасоюзу. Всеми организационными делами рулила Елена Зелинская, с которой в Питере мы жили в квартале друг от друга.

Первая реакция Любимова на моё предложение создать Гильдию религиозной журналистики была недоумённой: «А разве такая бывает?». Но идею он поддержал. В мае 2001 года наш Цех подписал Меморандум с Медиасоюзом о создании Гильдии религиозной журналистики, который подписали Алек-

Круглый стол ГРЖ. Консерватизм и традиция.
Кырлежев, Морозов, Холмогоров, Журавский, Фролов, Бурьянов.
Февраль 2003 год

сандр Любимов, Елена Зелинская и с нашей стороны — Любовь Балакирева («Радио России»), Александр Кырлежев («Новая Европа»), Виктор Тарасевич («Благовест-Инфо»), Сергей Чапнин (интернет-журнал «Соборность»), Максим Шевченко («НГ-Религии»), Александр Щипков («Радио России»). За исключением Андрея Золотова, все «цеховики» вступили в Гильдию. Вслед за этим мы разработали принципы деятельности Гильдии религиозной журналистики.

Вскоре Любимов пригласил меня в аппарат Медиасоюза на должность директора департамента региональных проектов. Я мотался по стране, занимался служебными обязанностями, но Гильдию не забывал. По сравнению с кухней в Подсосенском переулке наши возможности заметно расширились. Уже в июне

2001 года в Петербургском университете Гильдия провела масштабную конференцию «Религия и СМИ», на которую только из Москвы мы привезли около сорока журналистов, занимающихся религиозной тематикой. Чтобы почувствовать запах того времени, можно прочесть очень милый репортаж Ксюши Лученко про эту памятную многим конференцию.

Затем проходили мероприятия в Твери, Новосибирске, Воронеже, Томске, Смоленске, Владивостоке и других городах. Не стесняясь, я использовал своё положение директора региональных проектов и собирал по регионам всех журналистов, которые хоть как-то интересовались религией. Любимов всё это видел, но ни разу не возразил, за что я ему бесконечно благодарен. Кроме того, он дал денег на издание трёх наших сборников.

Довольно скоро мы поменяли формат и стали приглашать на наши круглые столы не только журналистов, но и региональных чиновников, отвечающих за связи с религиозными организациями. Мне удавалось это довольно легко через полномочных представителей президента, которые позитивно реагировали на имя Любимова. Кроме того, я продолжал работать на ВГТРК, и мне помогали личные связи: мы зачастую

Евгений Стрельчик, Любовь Балакирева.
На презентации изданий Гильдии религиозной журналистики. Ноябрь 2003

опирались на сеть государственных региональных телерадиокомпаний.

Благодаря невероятной активности нашей Гильдии в регионах о феномене религиозной журналистики за короткий срок узнали сотни провинциальных изданий. Мы добились признания фактом самого своего существования. И главное — нас признал

и с нами начал считаться официоз и истеблишмент российской журналистики, который в первую очередь реагировал на факт существования корпорации людей, пишущих о религии. Коли есть профессиональное объединение, значит, есть и сама религиозная журналистика. В этом был главный смысл существования ГРЖ. В результате подавляющее большинство редакторов печатных СМИ в стране поменяли своё отношение к качеству выпускаемых ими текстов о религии, а саму тему начали переводить в отделы политики. Чего, собственно, мы и добивались — наш подход к теме стал общим местом, и теперь этим никого не удивишь.

Мы касались и множества других проектов. Участвовали, например, в открытии кафедры религиозной журналистики в Нижегородском университете, финансировали издание первого в стране исследования, посвящённого изучению религиозной тематики в СМИ, — «Религия в информационном поле российских СМИ» под редакцией члена нашей Гильдии, замдекана журфака МГУ Марии Лукиной. Это были два года довольно напряжённой и активной деятельности ГРЖ, благодаря, повторю, ресурсу Любимова и Медиасоюза.

Что нам не удалось, так это продвинуть религиозную журналистику на ТВ. Здесь нужен иной ресурс. Дорога туда пере-

крыта и по сей день. Спустя несколько лет я попытался найти средство проникновения на ТВ и не скрываю его — это создание Общественного совета на ТВ. Только через разговор о нравственности Русская Церковь реально, а не лубочно, не в виде приводного ремня очередной предвыборной кампании, сможет выйти к своему народу через телевидение.

К концу 2003 года Гильдия религиозной журналистики полностью себя исчерпала и распалась, выполнив необходимые задачи и уйдя в историю.

О пользе доносов

Со временем я узнал от бывалых государственных аппаратчиков, что собственную профессиональную деятельность можно оценивать не только по количеству благодарностей и повышению по службе, но и по количеству доносов, написанных на тебя. Счастлив тот, у кого не было возможности их перелистывать. Мне довелось — занятие, признаюсь, не из приятных. Их стилистика и форма бывали разными. Реже классически прямые — «довожу до вашего сведения», чаще в форме «аналитических» записок — «имел целью посредством новых ресурсов и возможностей влиять на сознание российских граждан для размывания консолидирующего начала». Причём только один — анонимный. Бесстыдство с телеэкранов нырнуло и в эту древнюю сферу, имена не скрывали. Более поздние наветы носили, я бы сказал, «академический» характер. Доносы же периода моих занятий Гильдией отличались особой ненавистью и подлостью, что говорит о том, что наша стратегия была верной. Я их периодически перечитываю для смирения.

В 2002 году Гильдия религиозной журналистики на грант Минпечати сделала сайт для журналистов, которые пишут о религии. Назвали его соответственно — «Религия и СМИ». Доменное имя — religare.ru — придумал Александр Кырлежев, он же был и первым редактором, а я — руководителем проекта. Правда, от идеи просвещать журналистов мы быстро отказались, но название сохранилось как память об эпохе. В разное время там работали Мария Свешникова, Филипп Щипков, Ольга Чапнина, Александр Петров, Александр Морозов, Андрей Зайцев. Через два года Минпечати перестало финансировать «Религаре», и народ разошёлся по другим местам. Сам я ушёл работать к Сергею Миронову и переделал портал в личный проект.

А итоги становления религиозной журналистики того периода неожиданно подвёл Филипп Щипков. По заданию портала «Религия и СМИ» в 2004 году он собрал двадцать интервью у известных журналистов, подробно расспрашивая каждого о его взгляде на религиозную тему в СМИ. Получилось настолько интересно, что в 2005 году эта серия «религарских» интервью была издана отдельной книжкой под заголовком «Религия в современной информационной политике» с предисловием А. Кырлежева. Среди интервьюируемых были интересные люди: Андрей Васильев, Виктор Лошак, Сергей Бычков, Орхан Джемаль, Александр Архангельский, Михаил Леонтьев, Владимир Легойда, Андрей Золотов, Аркадий Мамонтов и др. Подобные опросы-интервью периодически делать весьма полезно, и я рад, что Анна Данилова и Мария Свешникова продолжили эту работу на сайте «Православие и мир», превратив её тем самым в систему.

Рассказывать подробно о «Религаре» я не стану, скажу только, что за десять лет существования портал несколько раз менял концепцию. Сегодня он представляет собой независимую православную экспертную площадку с огромной архивной базой материалов, накопленных за несколько лет. Массив материалов скомпонован довольно просто, благодаря Михаилу Фёдорову, нашему бессменному и очень талантливому программисту, который в своё время стал одним из создателей знаменитой «Грамоты.ру». По нашим материалам уже защищены несколько диссертаций, которые я с удовольствием рецензировал.

Наши читатели, судя по письмам, — это чиновничество, духовенство, эксперты, политологи, аспиранты. Вполне симпатичный круг для общения. Правда, несколько лет назад я отключил форум, реакцией на что были даже обиды и претензии посетителей. Когда-то я как человек, проведший много

Встреча православных журналистов с Сергеем Мироновым 2007

лет в пролетарской среде, самому себе объявил борьбу с ненормативной лексикой и победил этот недуг. Перевоспитывать других и тем более вводить премодерацию не входило в мои планы, и я просто закрыл форум, несмотря на порой интересные дискуссии.

Портал включал в себя разные проекты. Одни умирали, другие рождались. В зависимости от общественно-политической повестки дня мы уделяли больше внимания то католичеству, то протестантизму, то старообрядчеству. И всегда — православию. Одно время активно занимались национальной проблематикой в рамках сайта «Народы России». Создали специализированный сайт «Епархиальные новости». Проводили серии круглых столов и выездных творческих встреч.

Я хотел бы обратить внимание читателя на уникальный проект «Иерархия». Здесь мы уже несколько лет описываем перемещение епископата не только традиционных, но и маргинальных, порой сектантствующих, церковных образований, которые во все века сопровождали и будут сопровождать жизнь Матери-Церкви, так же, как снежный вихрь сопровождает летящий по рельсам локомотив. Подобных материалов нет нигде в мире, и нам доставляет удовольствие собирать эти крупинцы для будущих историков.

Один из значимых последних «религарских» проектов — создание летом 2011 года Православного правозащитного центра «Территория Церкви». Церковную «территорию» мы понимаем широко, но в первую очередь нас беспокоит рост разнообразных препятствий на пути строительства православных храмов. Против строительства выступают как богоборцы, так и некоторые верующие. Богоборцы лицемерно кричат о том, что деньги нужно вкладывать не в храмы, а в «социалку», прикрывая

этим свой антихристианский зуд и стремление нас уничтожить. Часть церковных людей рассуждает о «рёбрах и брёвнах», призывая отложить строительство храмов, а вкладываться в православное образование и просвещение. В этом, на первый взгляд, справедливом требовании кроется серьёзное заблуждение. Не будет храмов — некого будет просвещать. Народ через храм приходит к вере и Евхаристии. Путь чекиста, которому явился Христос, к вере труден. Если вы готовы к такому пути — через пытки и страдания — я склоняю голову. Но в массе своей мы нуждаемся в храме. И чем больше храмов мы успеем построить сегодня, тем больше православных вернётся к традиции и тем труднее будет их закрывать в дальнейшем. Вы знаете, сколько времени нам отпущено на передышку? Я — нет.

Девиз «Религаре» — *Omnia vincit amor!* Любовь побеждает всё! Мы уверены, что о Боге, о Церкви и Православии можно писать абсолютно всё, если любишь Церковь и свою веру. Если стремишься жить в любви к Богу. Тогда точно не навредишь. И сохранишь свободу мысли и поступков.

Заключение

Религиозная журналистка формально ничем не отличается от журналистики как таковой. Одни и те же профессиональные и этические принципы работы. Однако есть одно существенное отличие, о котором мало кто задумывается из моих коллег, пишущих о вере, Церкви, Боге и о наших взаимоотношениях с этими явлениями.

Глубина твоей мысли и, соответственно, результат журналистского труда пропорциональны твоему личному религиозному опыту. Ни больше, ни меньше. Писать о религии, не имея никакого собственного религиозного опыта, чрезвычайно сложно, почти невозможно. Такие великие советские религиоведы, как Александр Ильич Клибанов и Лев Николаевич Митрохин, могли это делать, но уверен, что и они обладали неким особым чувством религии. Так что опытный глаз достаточно легко определяет степень и характер религиозности пишущего, будь то Привалов, Быков, Чудинова, Леонтьев или Верховский...

Поэтому ты должен понимать, что для одних твой текст — откровение и помощь, а у других, тех, кто прошёл твой путь и движется впереди тебя в познании Бога, этот же самый текст будет вызывать добрую доброжелательную улыбку. А бывает, что твои тексты вызывают досаду, боль, раздражение и даже ненависть. Этот закон религиозной журналистики я открыл сам себе очень давно, и он помогал мне, с одной стороны, не преувеличивать значения своих статей, а с другой — оставаться самим собой. Буквально так я отношусь и к этому своему рассказу о личном опыте религиозного измерения журналистики.

*Москва
Март 2011*

Александр Владимирович Щипков

РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Подписано в печать 16.04.2014
Формат 60х84/₃₂. Объем 15,5 усл. печ.л.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-98604-436-1

Собственная типография издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru